

щих мира и не одобряющих поэтому воинственных планов поджигателей новой войны. Но поджигатели войны в свою очередь встревожены тем растущим сопротивлением миролюбивых народов их воинственным планам, которое всё более и более даёт себя знать и всё более и более подтверждает неизбежность провала этих планов.

8. ПОДЖИГАТЕЛИ ВОЙНЫ БОЯТСЯ ПРОПАГАНДЫ МИРА

Не случайно ведь государственный секретарь Маршалл, как сообщает «Нью-Йорк таймс» в статье Томаса Гамильтона, заявил, что Советский Союз ведёт пропагандистское мирное наступление. Не случайно, что Маршалл, касаясь недавних заявлений советских руководителей, направленных на разоблачение поджигателей войны и укрепление мира, заявил, что он считает это весьма опасным. Выходит, что опасна для интересов народов не пропаганда войны, а пропаганда мира, которая, по остроумному выражению одного из видных политических деятелей нашей Генеральной ассамблеи в частной беседе со мной, может привести к тому, что «вдруг неожиданно разразится мир». Вот почему вдохновители агрессивной политики в США и Англии не считают себя заинтересованными в соглашениях и в сотрудничестве с СССР.

«Поджигатели войны, стремящиеся развязать новую войну, — сказал Генералиссимус Сталин, — более всего боятся соглашений и сотрудничества с СССР, так как политика соглашений с СССР подрывает позиции поджигателей войны и делает беспредметной агрессивную политику этих господ».

Вот чем объясняется сопротивление, которое оказали главным образом представители Соединённых Штатов Америки и Великобритании предложениям Советского Союза о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений и вооружённых сил пятью великими державами, изобретая и придумывая всякие искусственные возражения.

Что говорят против наших предложений противники? Возьмём, например, представителя Бельгии г-на Роллена. Он здесь говорил, что вопрос о газовой войне и запрещении атомного оружия не имеет точек соприкосновения. Он заявил, что на мой вопрос о том, почему нельзя запретить употребление атомного оружия так же, как запрещено было в своё время в 1928 году употребление газового оружия, дал ответ г-н Макнейл и что этот ответ опроверг доводы советской делегации.

Нет, г-н Макнейл не дал никакого ответа ни тогда, ни сегодня, как не дал никакого ответа и г-н Роллен.

В самом деле, нам говорят, что мы неправы, когда проводим аналогию между запрещением использования газов в военных целях и запрещением использования атомной энергии в военных целях, потому что, дескать, в одном случае речь идёт об использовании, а в другом случае о производстве. Неверно. В обоих случаях речь идёт не о производстве, а о запрещении использования. Никто не собирается запрещать производства атомной энергии; атомная

энергия должна производиться, но должна употребляться только для мирных целей. Она должна быть запрещена к употреблению в военных целях. Удушающие газы никто не запрещал производить, ибо они нужны для мирных целей, например для борьбы со страшными и опасными для посевов саранчовыми налётами. Но было запрещено именно использование удушливых газов и газов вообще — в военных целях. В одном случае — газовое оружие, в другом случае — атомное оружие. Производить атомную энергию можно, производить удушающие газы можно, но использовать то и другое в военных целях — нельзя. Аналогия полная, и никто не опроверг, да и не может опровергнуть этой аналогии.

И странно было слушать, когда бельгийский сенатор г-н Роллен вдруг, разговаривая по этому поводу, доказывает, что тут нет аналогии. Странно было слышать и его заявление, что он смущён моей аналогией, ибо удушающие газы были всё-таки использованы в войне Италии против Абиссинии. Это верно, но если уже говорить об этом, то надо было бы сказать и о другом. Были ли использованы газы в войне против Абиссинии или нет, это не меняет сущность поставленного нами вопроса о самой конвенции, запрещающей использование удушливых газов.

Вопрос заключается ещё в другом. А как же реагировал в своё время Совет Лиги наций на нарушение правительством Муссолини этого запрещения? Действительно, в апреле, кажется, 1936 года итальянский агрессор применил против Абиссинии удушливые газы. 20 апреля 1936 года собрался Совет Лиги наций, чтобы обсудить вопрос о том, как реагировать на это. Когда несколько позже абиссинский негус приехал на чрезвычайную сессию Совета Лиги наций для того, чтобы требовать применения санкций против итальянского агрессора, наказать его за использование удушливых газов, то как тогда реагировал Совет Лиги наций на всё это, г-н Роллен? Разве неизвестно, что тщетно негус Эфиопии взывал к западным державам о помощи против нарушения правительством Муссолини декларации о запрещении применять газы на войне.

И во Франции, и в Великобритании раздавались тогда голоса, доказывавшие, что санкции против Италии бесполезны и даже опасны, что война в Абиссинии продолжается, что дальнейшие санкции могут вызвать войну в Европе и можно ли рисковать жизнью многих тысяч европейцев из-за независимости Эфиопии?

18 июня 1936 года Иден выступил в палате общин с заявлением, что санкции не дали того результата, какого от них ожидали в качестве способа воздействия на Италию. Вслед за тем одно государство за другим отказывалось от применения санкций к Италии и возобновляло с ней нормальные отношения, и Лига наций должна была в конце концов, в июне 1936 года, подтвердить свою капитуляцию перед нарушением итальянским агрессором протокола о запрещении использования удушающих газов в войне. Так Лига наций отказалась от всякого наказания агрессора, применившего газы в войне против Эфиопии.

Вот о чём нужно было бы вспомнить бельгийскому делегату. Конечно, если думать, что и впредь, когда, может быть, будет под-

писана в конце концов конвенция о запрещении атомного оружия, Совет безопасности нашей организации будет так вести себя в отношении нарушителей этой конвенции, как вёл себя Совет Лиги наций в 1936 году по отношению к итальянскому агрессору, который пустил в ход удушливые газы против Эфиопии, тогда нет смысла вообще дискутировать на эту тему.

Все разговоры о том, что нет аналогии между запрещением использования в военных целях удушающих газов и запрещением использования в военных целях атомной энергии, производят такое впечатление, что этими разговорами хотят лишь прикрыть свой отказ от запрещения использования атомного оружия.

Насколько искусственны и несостоятельны доводы, выдвигаемые в этой связи противниками запрещения атомного оружия, видно из замечания бельгийского делегата о том, что одна атомная бомба может решить исход войны, если, в нарушение конвенции о запрещении атомного оружия, какое-либо государство утаит атомные бомбы. Но именно та особенная угроза безопасности народов, которую представляет собой атомное оружие, казалось бы, должна была привести, наоборот, к скорейшему запрещению атомного оружия под страхом уголовного наказания за нарушение этого запрещения, за утайку атомной энергии в целях использования её для военных надобностей, к учреждению строгого международного контроля, который последовательно боролся бы за полное, безусловное и честное выполнение этой конвенции.

То, что говорил г-н Роллен по этому поводу, нельзя истолковать иначе, как попытку оправдать отказ от запрещения атомного оружия, оправдать ссылкой на то, что всё равно ведь газовая конвенция была нарушена. С такими аргументами, разумеется, нельзя ни согласиться, ни считаться ввиду их полной несостоятельности.

Бельгийский делегат Роллен в своей критике проекта резолюции СССР дошёл до того, что то место резолюции, где говорится, что сокращение вооружений и вооружённых сил пятью великими державами должно быть произведено в течение года, начал истолковывать таким образом, что указанное сокращение вооружений и вооружённых сил будет произведено лишь на один год, а затем может быть восстановлен прежний уровень вооружений и вооружённых сил.

Надо удивляться такому произвольному толкованию совершенно ясного положения проекта советской резолюции. В этом проекте говорится, что сокращение вооружений и вооружённых сил пятью великими державами должно быть произведено в течение одного года, а не на один год, и что такое сокращение должно представлять собою первый шаг. Можно ли это положение истолковывать так превратно, как это сделал г-н Роллен, попытавшийся исказить смысл советского предложения, хотя было бы совершенно нелепо предполагать, что в течение одного года будет произведено сокращение вооружений и вооружённых сил с тем, что оно может быть восстановлено в течение следующего года.

Несмотря на то, что выражение «в течение одного года» совершенно ясно говорит о том, что самое сокращение должно быть проведено не немедленно, а в течение такого длительного срока, как год, мы видим, что стремление во что бы то ни стало дискредитировать проект резолюции СССР, хотя бы ценой грубого извращения, приводит к нелепостям. Может быть, бельгийский делегат просто шутит, как это уже имело место в Первом комитете, когда другой член бельгийской делегации поставил вопрос о том, как сократить на одну треть один крейсер? Но мы предпочитаем к серьёзным вопросам относиться по-серьёзному.

9. ПРОЕКТ БОЛЬШИНСТВА ПЕРВОГО КОМИТЕТА — УСТУПКА СИЛАМ РЕАКЦИИ И АГРЕССИИ

Сторонники проекта резолюции большинства Первого комитета расхваливали здесь этот проект сверх всякой меры, заявляя, что этот проект — максимум возможных достижений. Но неужели большинство Первого комитета, поддерживающее эту резолюцию, так ограничено в своих творческих силах, что изображает этот проект как максимум возможных достижений?

Что же представляет собой этот хваленый проект резолюции? Разве, в действительности, не бросается в глаза вся бессодержательность и пустота этого проекта? Разве в этом проекте не является самым главным и существенным пункт 5, который рекомендует Совету безопасности изучить вопрос о регулировании и сокращении вооружений обычного типа и вооружённых сил, поручив это комиссии по вооружениям обычного типа в целях скорейшего достижения конкретных результатов? Но ведь Лига наций только то и делала, что занималась изучением такого вопроса. Ведь уже четверть века этот вопрос изучается — к сожалению, всё только изучается. Что же стоит такой проект резолюции, где именно «изучение» составляет самую существенную и важную часть всего проекта. И это здесь выдают за «максимум возможных достижений».

Столь же бессодержательным является и другой важный пункт этого проекта резолюции, а именно пункт 6. Здесь уже нет никакой рекомендации. Всё дело ограничивается выражением лишь уверенности в том, что комиссия по вооружениям обычного типа обратит своё внимание на разработку предложений о получении информации относительно численности вооружённых сил и размеров вооружений обычного типа государств — членов организации Объединённых наций.

Как всё это скромно! Генеральная ассамблея «выражает уверенность», комиссия «обращает внимание» — и ничего больше. И это всё, если не считать неожиданно появившегося в этом пункте международного контрольного органа, на который, оказывается, и должна быть возложена разработка предложений о получении информационных данных. Не ясно ли, что вопрос о международном контрольном органе, который должен будет разрабатывать какие-то

предложения о получении, проверке и опубликовании информации о вооружениях и вооружённых силах, поставлен лишь для видимости. В самом деле, во всём проекте резолюции Первого комитета ведь ничего не говорится о том, каким образом и кем, на каких условиях, с какими полномочиями и функциями будет учреждён этот международный контрольный орган. Не ясно ли, что и такие формулы, как «выражает уверенность», «обращает внимание», предназначены для того, чтобы как-нибудь прикрыть бессодержательность этой резолюции. В проекте большинства ведь ничего не говорится, а что же произойдёт, если комиссия по вооружениям обычного типа не «обратит внимания» международного контрольного органа или если этот международный контрольный орган не разработает предложений по информации? Какие же это повлечёт за собой последствия? Всё это остаётся покрытым полной неизвестностью.

Позволительно спросить, почему же, если действительно необходимо получить информацию, о которой говорится в проекте резолюции большинства Первого комитета, в этом проекте не употребляются более категоричные выражения, которые возлагали бы на соответствующие органы определённые обязательства? Почему, в таком случае, в резолюции большинства не говорится, что Генеральная ассамблея рекомендует всем государствам в такой-то срок представить такие-то данные, такую-то информацию о таком-то и таком-то вопросе? Вместо этого резолюция наполнена общими, никого ни к чему не обязывающими фразами, способными лишь запутать вопрос, осложнить и оттянуть его решение.

Между тем кроме 5-го и 6-го пунктов, которые являются наиболее важными пунктами, ничего в этом проекте резолюции большинства Первого комитета нет. Как мы видели, и 5-й, и 6-й пункты бессодержательны и никакого ответа на волнующий весь мир вопрос о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений и вооружённых сил на одну треть пятью великими державами в себе не содержат.

И такую-то резолюцию господа защитники этого проекта называют «максимумом достижений».

Если это максимум достижений, на какой только способна Генеральная ассамблея, то остаётся лишь выразить по этому поводу глубокое сожаление. Не нужно забывать, что в течение четверти века в этом направлении шла работа, которая хотя и не привела к положительным результатам, тем не менее дала некоторые материалы, которые могут быть с пользой применены и при решении этой важной задачи в настоящее время. От этой задачи пытается уйти большинство Первого комитета, поддерживающее проект резолюции, являющийся синтезом предложения Великобритании, Франции и Бельгии.

Семь государств предложили различные проекты, из которых в конце концов явился этот слабый-преслабый проект большинства комитета. Этот проект — не «максимум достижений». Это уступка силам реакции и агрессии, борющимся против мира, демократии и прогресса.

10. ПРЕДЛОЖЕНИЯ СССР ОТВЕЧАЮТ ЧАЯНИЯМ И НАДЕЖДАМ
МИЛЛИОНОВ ЛЮДЕЙ ВО ВСЁМ МИРЕ

В противоположность большинству Первого комитета, действующему под явным влиянием США и Великобритании, которые считают затянута и сорвать решение вопроса о запрещении атомного оружия и сокращения вооружений и вооружённых сил пяти великих держав на одну треть, предложения Советского Союза направлены на скорейшее и эффективное решение этого очень важного вопроса, затрагивающего кровные интересы всех миролюбивых народов.

В проекте советской резолюции указывается на то, что запрещение производства и использования атомной энергии в военных целях является первоочередной задачей. Советское правительство убеждено, и это является непреложным фактом, что всеобщее существенное сокращение вооружений отвечает задачам установления прочного мира и укрепления международной безопасности, что это соответствует интересам народов в облегчении тяжёлого экономического бремени, ложащегося на них в результате чрезмерно больших и всё возрастающих расходов на вооружения в различных странах.

Не подлежит никакому сомнению, что великие державы — постоянные члены Совета безопасности обладают подавляющей массой вооружённых сил и вооружения и что именно они несут главную ответственность за поддержание мира и всеобщей безопасности. Проект советской резолюции предлагает, в целях укрепления мира и устранения угрозы новой войны, разжигаемой экспансионистами и другими реакционными элементами, не только сократить на одну треть все наличные сухопутные, морские и воздушные силы пяти великих держав — США, Великобритании, СССР, Франции, Китая, рассматривая это как первый шаг в деле сокращения вооружений и вооружённых сил, но и запретить атомное оружие, как оружие агрессии, а не обороны.

Советское правительство в своём проекте резолюции также рекомендует учредить в рамках Совета безопасности международный контрольный орган, который будет наблюдать и контролировать проведение в жизнь мероприятий по запрещению атомного оружия и по сокращению вооружений и вооружённых сил. Этому международному контрольному органу должны быть представлены пятью великими державами полные официальные данные о состоянии вооружений и вооружённых сил государств — постоянных членом Совета безопасности.

Эти предложения Советского Союза, как и предложения Польши, имеют исключительно важное значение. Принятие этих предложений означало бы действительно громадный шаг вперёд по пути прогресса, международного сотрудничества, укрепления мира и безопасности народов. К этому устремлены все взоры и надежды многих сотен миллионов людей всего мира, к этому стремятся

Советский Союз, к этому стремится многомиллионный народ Страны Советов, к этому стремится советское правительство, приславшее нас сюда защищать это великое дело.

„Известия“ № 275 (9805)
и 276 (9806)
от 20 и 21 ноября 1948 г.

*О ПРИЁМЕ НОВЫХ ЧЛЕНОВ В ОРГАНИЗАЦИЮ
ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ*

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

НА ЗАСЕДАНИИ СПЕЦИАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
КОМИТЕТА
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

(22 ноября)

1. ОТКРЫТЫЙ ПРИЗЫВ К НАРУШЕНИЮ УСТАВА ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ

Я бы хотел начать с некоторых замечаний по поводу тех выступлений, которые имели здесь место, и, в частности, остановиться на том, что говорил здесь г-н Арсе, представитель Аргентины.

Представитель Аргентины выдвинул здесь довольно странную «теорию». Для того, чтобы поколебать значение статьи 4 устава, а следовательно, и вообще устава организации Объединённых наций, он пробовал доказывать, что Генеральная ассамблея может решать вопрос о приёме новых членов и без положительной рекомендации Совета безопасности. По мнению г-на Арсе, Генеральная ассамблея вправе рассматривать вопрос о приёме новых членов и в том случае, если Совет безопасности не представит своей рекомендации о приёме, и даже в том случае, если Совет безопасности выскажется против приёма того или другого государства. Г-н Арсе утверждает, что достаточно иметь любое мнение Совета безопасности по этому вопросу — будь то положительное мнение или отрицательное мнение — безразлично, для того чтобы Генеральная ассамблея имела основание заняться рассмотрением вопроса о приёме новых членов.

Аргентинский делегат всякое мнение Совета безопасности по этому вопросу считает «рекомендацией» и приходит, таким образом, к выводу, что именно о такой рекомендации и говорится в статье 4 устава. Эта «теория» г-на Арсе не выдерживает никакой критики. Против этой «теории» здесь уже выступил представитель Уругвая. К уже сказанному, мне кажется, уместно будет присоединить ещё и следующие соображения.

Как всем известно, статья 4 говорит, что приём членов в организацию Объединённых наций открыт для всех миролюбивых государств и что приём любого такого государства в члены организации производится постановлением Генеральной ассамблеи по рекомендации Совета безопасности. Ясно, что устав имеет в виду производить приём, а не отказывать в приёме; не отказывать в приёме, а осуществлять приём по рекомендации. Следовательно, для того, чтобы Генеральная ассамблея могла решать вопрос о приёме, ей нужно иметь соответствующую рекомендацию Совета безопасности. Уже самое соотношение между словами «приём» и «рекомендация» достаточно ясно говорит о том, что Совет безопасности должен предварительно принять решение рекомендовать такое-то государство для приёма в члены организации Объединённых наций, а затем Генеральная ассамблея должна рассмотреть эту рекомендацию.

Это — единственное возможное толкование. И так мы все до сих пор понимали, в том числе так, вероятно, понимал это и г-н Арсе, потому что он — член Генеральной ассамблеи и участвовал в Генеральной ассамблее 17 ноября 1947 года, когда утверждались правила процедуры Генеральной ассамблеи.

Нельзя не удивляться, как при таких условиях, как при наличии таких правил, которые совершенно ясно трактуют данный вопрос, г-н Арсе выступает со своей странной «теорией» о том, что рекомендация Совета безопасности — это есть лишь его мнение и что совершенно безразлично, предлагает ли рекомендация приём или отказывает в приёме. В обоих случаях г-н Арсе говорит: «Всё равно вопрос идёт на рассмотрение Генеральной ассамблеи, и в обоих случаях Генеральная ассамблея должна этот вопрос рассмотреть независимо от рекомендации Совета безопасности».

С этим нельзя согласиться, так как это противоречит правилам процедуры Генеральной ассамблеи относительно приёма или рассмотрения заявлений и решений Генеральной ассамблеи по приёму новых членов. Разрешите прочитать текст правила 125: «Если Совет безопасности рекомендует принять в число членов организации подавшее соответствующее заявление государство, то Генеральная ассамблея рассматривает вопрос о том, является ли оно действительно миролюбивым государством, может ли и желает ли оно выполнить обязательства, предусмотренные уставом, и решает большинством в две трети присутствующих и участвующих в голосовании членов Ассамблеи вопрос о приёме его в организацию».

О чём говорит это правило 125, как не о том, что Генеральная ассамблея приступает к рассмотрению вопроса о приёме в том случае, если Совет безопасности рекомендует принять данное государство в число членов организации? Кажется, это должно быть ясным.

Значит, какая должна быть рекомендация? Положительная. Значит, нужно, чтобы была рекомендация о приёме. В правиле 125 прямо сказано: «Если Совет безопасности не делает рекомендации о приёме подавшего соответствующее заявление государства в число членов организации, или откладывает рассмотрение этого заявления, Генеральная ассамблея может, после тщательного рассмотрения

специального доклада Совета безопасности, вернуть Совету безопасности указанное заявление вместе с полным отчётом о прениях, имевших место в Ассамблее, для дальнейшего рассмотрения и представления рекомендации или доклада».

Но этого мало, г-н Арсе. Вы должны были пойти немного дальше и прочитать, например, правило 126. Правило 126 предвидит другой случай, а именно случай, когда Совет безопасности не рекомендует принятие какого-либо государства в члены организации. Что тогда делает Генеральная ассамблея?

Г-н Арсе говорит: Всё равно, Генеральная ассамблея должна рассмотреть этот вопрос. Но это противоречит правилам процедуры, это вопреки правилу 126, ибо в правиле 126 говорится совершенно иначе. Вот что тут говорится:

«Если Совет безопасности не делает рекомендации о приёме подавшего соответствующее заявление государства в число членов организации, или откладывает рассмотрение этого заявления, Генеральная ассамблея может, после тщательного рассмотрения специального доклада Совета безопасности, вернуть Совету безопасности указанное заявление вместе с полным отчётом о прениях, имевших место в Ассамблее, для дальнейшего рассмотрения и представления рекомендации или доклада».

Значит, Генеральная ассамблея ничего решать не может о приёме новых членов, если Совет безопасности не представит Генеральной ассамблее рекомендации о приёме. Конечно, Генеральная ассамблея может поговорить на эту тему, если найдутся ораторы, а ораторов у нас тут, кажется, хоть пруд пруди. Ораторы у нас всегда найдутся.

Вот вам два правила — 125 и 126. Правило 125 говорит о том, что делает Генеральная ассамблея, если Совет безопасности даёт рекомендацию о приёме, правило 126 говорит о том, что делает Генеральная ассамблея, если Совет безопасности не даёт рекомендации о приёме. Что же из этого следует? Какой вывод нужно из этого сделать? Один вывод: Генеральная ассамблея может рассматривать вопрос о приёме новых членов, если Совет безопасности представляет рекомендации о приёме. Вот что значит статья 4, где говорится: «Приём любого такого государства в члены организации производится постановлением Генеральной ассамблеи по рекомендации Совета безопасности».

Значит, совершенно неправильно и нелогично такое толкование статьи 4, которое обезличивает эту рекомендацию, которая, как говорил здесь г-н Арсе, не должна быть обязательно положительной рекомендацией. Он также ссылаясь на статью 97 устава, на статью, которая говорит о том, что генеральный секретарь назначается по рекомендации Совета безопасности. Правильно. Но, г-н Арсе, этот же аргумент убивает вас. Это же тот бумеранг, который вы бросаете в противника, но который возвращается и бьёт вас.

Известно ведь, что Генеральная ассамблея не может назначить генерального секретаря, если не представлен Генеральной ассамблее доклад Совета безопасности с рекомендацией соответствующего кандидата. Генеральная ассамблея не может, г-н Арсе, рассматри-

вать вопрос, кого назначить генеральным секретарём, если Совет безопасности не представил кандидатуру для занятия этого поста. Вот что говорит статья 97.

Я бы спросил теперь, как же аргентинский делегат представляет себе процедуру обсуждения и решения этого вопроса, процедуру формирования рекомендации в Совете безопасности? В Совете безопасности принимаются решения только большинством семи с единоголосием пяти или, как говорится в уставе, при пяти совпадающих голосах, или же простым большинством в семь голосов.

По каким вопросам достаточно простое большинство? По каким вопросам необходимы совпадающие голоса пяти великих держав? По процедурным вопросам достаточно простое большинство в семь голосов, по непроцедурным вопросам, т. е. вопросам существа, требуется совпадение голосов пяти великих держав, членом Совета безопасности.

Конечно, и в этом случае г-н Арсе по своему обычаю восклицает: «*Carthaginem delendam esset!*» — «Карфаген должен быть разрушен». Это он говорит всегда относительно принципа единогласия в Совете безопасности, как некогда твердил о Карфагене Катон и как это выполнил Ципион Африканский.

Итак, Карфаген должен быть разрушен. Принцип единогласия в Совете безопасности — так называемое «вето» должно быть уничтожено. Противники принципа единогласия будут пытаться осуществить свой план уничтожения этого принципа. Посмотрим, удастся ли им эта затея. Но, пока существует принцип единогласия в Совете безопасности, аргентинскому представителю необходимо считаться с этим принципом. Он может не соглашаться с ним, но он не имеет права нарушать его, пока такой порядок голосования в Совете безопасности предусмотрен в уставе организации Объединённых наций.

Аргентинский делегат бросил замечание о том, что, может быть, мы можем обойтись без генерального секретаря, о порядке назначения которого говорится в статье 97 устава. Может быть, по мнению аргентинского делегата, можно вообще обойтись без организации Объединённых наций? Почему вы не скажете громко то, что вы, вероятно, думаете?

Назначение генерального секретаря — важное дело, и поэтому устав требует рекомендации Совета безопасности, без чего генеральный секретарь не может быть назначен Генеральной ассамблеей. Ясно, конечно, что такая рекомендация должна быть положительной. Своим примером с генеральным секретарём г-н Арсе полностью себя опроверг.

А что собой представляет приём новых членов?

2. ДЛЯ ПРИЁМА НОВЫХ ЧЛЕНОВ ОБЯЗАТЕЛЬНА ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ РЕКОМЕНДАЦИЯ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ

Приём новых членов в статье 18 нашего устава специально обозначен как один из важных вопросов, требующих голосования большинством в две трети голосов. Если это важный вопрос, требующий в Генеральной ассамблее две трети голосов, т. е. квалифици-

рованного голосования, то как же нужно к нему подойти в вопросе о голосовании в Совете безопасности? Тоже как к квалифицированному голосованию. А что это значит? Это значит, нужно применить в таком случае пункт 3 статьи 27 устава, т. е. нужно применить правило о единогласии. Следовательно, нужно иметь большинство в семь голосов, включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета безопасности.

Не может быть никакого сомнения в том, что когда идёт речь о рекомендации, то идёт речь о положительной рекомендации, причём не всякий результат голосования в Совете безопасности будет рекомендацией. Не всё то, что является результатом обсуждения в Совете безопасности по поводу приёма новых членов, можно рассматривать как рекомендацию. Может получиться так, что предложение о принятии в число членов организации Объединённых наций какого-либо государства соберёт семь голосов; но так как среди этих семи голосов не будет совпадающих голосов всех постоянных членов Совета безопасности, то не будет и решения. Но если нет рекомендации, а статья 4 говорит, что Генеральная ассамблея решает этот вопрос по рекомендации Совета безопасности, то, следовательно, нет того основного условия, которое даёт право Генеральной ассамблее рассматривать этот вопрос.

Нам говорили здесь, что рекомендация не является для Генеральной ассамблеи обязательной. Это верно. Генеральная ассамблея вовсе не обязана считаться с рекомендациями Совета безопасности. Что это означает? Это означает, что Совет безопасности может рекомендовать принять такое-то государство, но Генеральная ассамблея вправе отклонить такую рекомендацию. Следовательно, рекомендация не является директивой для Генеральной ассамблеи. Она не является императивом для Генеральной ассамблеи. Это есть только рекомендация, и согласиться с этой рекомендацией или не согласиться — это, конечно, дело и право Генеральной ассамблеи, как одного из главных органов организации Объединённых наций.

Но г-н Арсе смешал здесь два вопроса, он смешал вопрос о том, является или не является рекомендация обязательной для Генеральной ассамблеи, с вопросом — обязательно ли нужна рекомендация для того, чтобы Генеральная ассамблея рассматривала этот вопрос. Между тем должно быть совершенно ясно, что хотя рекомендация для Генеральной ассамблеи от Совета безопасности не является обязательной, т. е. обязывающей Генеральную ассамблею решить именно так вопрос, как рекомендует решить Совет безопасности, это не значит, что не нужно обязательно иметь рекомендации от Совета безопасности для того, чтобы приступить к рассмотрению этого вопроса.

Следовательно, и здесь у аргентинского делегата имеется, к сожалению, крупное недопонимание смысла и сущности статьи 4, характера отношений между Советом безопасности, с одной стороны, и Генеральной ассамблеей — с другой. Вот почему неправильны все те выводы, которые делаются из неправильного понимания о статье 4 того, что такое рекомендация.

Первый неправильный вывод, который сделал представитель Аргентины, тот, что Генеральная ассамблея может рассматривать вопрос о приёме новых членов даже в том случае, если нет рекомендации Совета безопасности о приёме.

Второй неправильный вывод состоит в утверждении, что если даже Совет безопасности даст отрицательную рекомендацию, т. е. не будет рекомендовать принять данное государство в состав организации Объединённых наций, то и в этом случае Генеральная ассамблея может рассматривать этот вопрос.

И третий неправильный вывод: если Совет безопасности не вынесет, как говорил здесь г-н Арсе, ни положительной, ни отрицательной рекомендации, то и в этом случае, говорит г-н Арсе, этот вопрос может рассматривать Генеральная ассамблея.

Генеральная ассамблея может, конечно, рассмотреть любой вопрос, но в данном случае она не имеет права принимать никаких постановлений, а обязана действовать в этом последнем случае в соответствии со статьёй 126 правил процедуры. Это значит, что Генеральная ассамблея должна возратить со всеми материалами в Совет безопасности этот вопрос, причём приложить к тому же и протоколы прений, какие были по этому поводу в Генеральной ассамблее, и предоставить Совету безопасности действовать дальше согласно уставу, а именно согласно статье 4 устава организации Объединённых наций.

Г-н Арсе с отменным и уже нам хорошо известным трудолюбием отыскал где-то в архивах какой-то документ, довольно неопределённый, в котором что-то говорится относительно обязательности или необязательности для Генеральной ассамблеи рекомендации Совета безопасности. Оказывается, секретарь какой-то юридической комиссии сообщил секретарю комитета, членом которого состоял представитель Аргентины, своё мнение по этому вопросу. Для того, чтобы убедиться в том, что это мнение имеет под собой почву, он обратился за разъяснением к председателю комитета, и председатель комитета, как здесь об этом заявил г-н Арсе, сказал, что это сообщение вполне авторитетно и что его можно будет «сдать в архив навсегда».

Ну, знаете, это, действительно, что-то такое из «тысячи и одной ночи», это настоящие «арабские сказки». Возможно, что такой разговор двух секретарей и имел место, но всё это нас несколько не может интересовать.

Что же быть должно на веки вечные и на все времена?

То, что Генеральная ассамблея вовсе не обязана во что бы то ни стало принимать рекомендации, которые представляет ей Совет безопасности, это не подлежит никакому сомнению. Но кто же когда-нибудь утверждал что-нибудь противоположное? Кто же говорил когда-нибудь, что если Совет безопасности даёт рекомендацию о приёме, то Генеральная ассамблея обязана её принять?

Никто, никогда.

Этот поставленный Аргентиной вопрос об обязательности рекомендаций Совета безопасности не имеет никакой связи с тем, имеет ли право или нет по уставу и по правилам процедуры Гене-

ральная ассамблея рассматривать вопрос о приёме какого-нибудь нового члена, если нет положительной рекомендации со стороны Совета безопасности. Между тем об этом идёт речь, и на этот вопрос,— если держаться устава, его духа, смысла и буквы,— может быть дан только один ответ: должна быть положительная рекомендация Совета безопасности, а рекомендация Совета безопасности по вопросу о приёме должна быть принята в порядке, установленном в пункте 3 статьи 27 устава, т. е. решением большинством в семь голосов, включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета безопасности. Нравится это кому-нибудь или не нравится,— это никого не может интересовать. И когда здесь говорил представитель Голландии: закон есть закон,— представитель Аргентины ответил: да, я знаю, что закон есть закон — «*Dura lex, sed lex*». Но нужно, чтобы такой закон действительно был, а такого закона, заявил г-н Арсе, нет. Это неверно. Такой закон есть — это статья 4 устава. Вот закон, который существует, который должен быть выполнен, который нельзя извращать. Такого положения мы, конечно, допускать и терпеть не можем.

Вот почему, когда Генеральный комитет обсуждал повестку дня Генеральной ассамблеи, советская делегация возражала против включения в повестку даже этого пункта самого по себе — этого предложения Аргентины, ибо нельзя, немислимо включить в повестку дня пункт, рекомендуемый Генеральной ассамблее обсудить вопрос и принять соответствующее постановление о приёме новых членов, если не выполнены условия, установленные для этого уставом, т. е. если нет рекомендации Совета безопасности. А рекомендации в данном случае нет, ибо одних семи голосов без того, чтобы в их числе были пять совпадающих голосов постоянных членов Совета безопасности, недостаточно для того, чтобы это постановление считать рекомендацией.

Если, однако, этот вопрос стоит на обсуждении Генеральной ассамблеи, то обязанность Первого комитета заключается не в том, чтобы поддерживать эту странную, совершенно неоправдываемую никакими логическими и юридическими соображениями «теорию», которую здесь пытался защищать представитель Аргентины, а обязанность комитета состоит в том, чтобы отклонить это предложение, как противоречащее уставу, противоречащее логике вещей и в силу этого совершенно неприемлемое для Политического комитета.

3. НЕ КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА, А МНЕНИЕ ГРУППЫ СУДЕЙ

Я хочу теперь перейти к более важному вопросу — о консультативном заключении Международного суда. Но позвольте, прежде всего, поставить один вопрос: правильно или нет, что мы имеем консультативное заключение Международного суда? Я на этот вопрос отвечаю отрицательно.

К сожалению, мы не имеем консультативного заключения Международного суда и не имеем такого заключения особенно по тому

вопросу, который был сформулирован в резолюции Генеральной ассамблеи от 17 ноября 1947 года.

Позвольте вам это сейчас кратко изложить и постараться это доказать.

Известно, что Международный суд состоит из 15 членов. Известно, что у нас имеется заключение 9 членов, затем имеется два особых мнения двух представителей, входящих в эту девятку, а именно г-на Альвареса, чилийского представителя, и г-на Асеведо, бразильского представителя. В числе девяти, представивших своё заключение, которое именуется заключением Международного суда, в сущности говоря, нет даже большинства Международного суда, ибо из девяти двое по самому важному вопросу о том, можно ли при голосовании в Совете безопасности о приёме новых членов руководствоваться какими-либо мотивами кроме тех, которые указаны в статье 4, или нельзя, из этих девяти членов Международного суда два члена — Альварес и Асеведо подали свои особые мнения, в которых они расходятся с остальными семью членами Международного суда по некоторым важным вопросам. Следовательно, по этим вопросам уже нет голосов девяти членов суда, а имеются только семь голосов.

Есть ещё мнение так называемого меньшинства из четырёх судей, и есть ещё мнение двух судей, которые присоединились в основном к мнению меньшинства.

Итак, у нас есть четыре группы: первая — девять членов Международного суда (по одним вопросам) и минус два члена Международного суда (по другим вопросам); вторая — это те самые два члена, которые исключаются из девяти; третья — четыре, или меньшинство, и четвёртая группа — двое, присоединившиеся к этому меньшинству. Я спрошу: кто в большинстве? Я спрошу: кто в меньшинстве? Среди «четырёх» мы имеем: проф. Бадевана — Франция; проф. Макнейра — Великобритания, канадского учёного Рида, мы имеем польского учёного Винярского, к ним присоединился советский представитель проф. Крылов и югославский представитель проф. Зоричич.

Можно ли при таких обстоятельствах говорить, что мы имеем консультативное заключение Международного суда? Не правильнее ли было бы сказать, что мы имеем несколько заключений отдельных групп или отдельных членов Международного суда? Думаю, что это было бы более правильно.

Здесь были сделаны попытки оспорить мнение шести членов суда. Австралийский делегат полковник Ходжсон с видом заправского учёного профессора международного права критиковал особое мнение «меньшинства», в составе Бадевана, Макнейра, Рида и других. Но мы все, вероятно, впервые слышим, что полковник Ходжсон был специалистом международного права.

Мы знаем, что г-н Арсе — аргентинский делегат, хирург-акушер. Но едва ли кто из нас предполагал, что он настолько специализирован по международному праву, что без труда справляется с весьма сложными проблемами международного права: оказывается, это так. Не скрою, что было всё же как-то не по себе

слышать, как они разоблачали научную «несостоятельность» крупнейших учёных-международников.

Во всяком случае хотелось бы слышать не голос отрицания правильности мнения «меньшинства», а доказательства этого. А этого-то как раз критикам и недоставало.

И вот нам теперь говорят — Австралия даже предложила резолюцию, — чтобы мы рекомендовали Совету безопасности: руководствоваться консультативным заключением Международного суда. Мы на это должны сказать: да ведь нет консультативного заключения Международного суда. Есть какой-то документ, который называется так, но что же это за заключение Международного суда, где только 7 членов из 15 высказались по спорным вопросам так, как этого добивалось большинство Генеральной ассамблеи.

Когда в докладе ставятся вопросы, которые как раз нас интересуют, — во-первых, является ли данный вопрос о приёме юридического вопросом или политическим, — то на этот вопрос не только четверо судей — Бадеван, Макнейр, Винярский, Рид, — не только ещё двое судей — Крылов и Зоричич, — но ещё и судьи Альварес и Асеведо нам говорят: это не только юридический вопрос, как думает семёрка, а это вопрос и юридический и политический.

Когда говорят: можно ли считать, что только условия, установленные в статье 4, являются обязательными, а что сверх того, то «от лукавого», и со всем этим нельзя считаться, то не только четверка — Макнейр, Бадеван, Рид, Винярский — и присоединившиеся к ним Крылов и Зоричич, но и Альварес и Асеведо считают, что обязательные условия, установленные в статье 4, не исключают и политических соображений, которыми надо руководствоваться, особенно такому органу, как Совет безопасности, который является не академией юридических наук, а органом политическим и, следовательно, решения которого не могут быть только юридическими.

И когда семёрка судей говорит, что между правовыми нормами и политическими мотивами или критериями есть противоречие, его надо разрешить в пользу юридических критериев, ибо иное не предусмотрено уставом, то и Асеведо, и Альварес, и четверка, о которой я говорил, и присоединившиеся к ним два представителя, так сказать, славянской отрасли международного права Крылов и Зоричич говорят: нет, право и правовые нормы совместимы с политическими критериями.

И это правильно, так как право вообще есть не что иное, как инструмент политики, и поэтому противопоставлять право политике нельзя. Политика действует в ряде случаев при помощи права, правовых институтов и правовых норм, она использует право как орудие, как инструмент своего осуществления. Противоречия здесь органического нет и не может быть. И странно было бы, господа, чтобы в таком серьёзном вопросе, как приём новых членов, где скрещиваются политические интересы, где идёт политическая борьба, чтобы в решении такого вопроса умолкли политические мотивы и заговорили бы только одни юридические мотивы, говорили бы и действовали одни юридические нормы.

Я позволю себе утверждать, что в этом вопросе четвёрка в лице Макнейра, Бадевана, Рида, Винярского, присоединившиеся к ним Крылов и Зоричич и присоединившиеся к ним в этом мнении Альварес и Асеведо держатся той точки зрения, что кроме правовых требований, которые содержатся в статье 4, каждый член организации Объединённых наций, голосующий по поводу приёма того или другого государства в члены организации, имеет полное право руководствоваться, не может не руководствоваться и политическими соображениями. Если вы хотите подтверждения, пожалуйста, я их представлю дальше. Но прежде всего я хотел бы обратить внимание на то, как шло в Международном суде обсуждение вопроса, поставленного перед ним Генеральной ассамблеей. Нужно сказать по этому поводу следующее.

Во-первых, Международный суд считал необходимым поставить перед собой некоторые предварительные, преюдициальные вопросы. Одним из таких предварительных вопросов был именно вопрос о том, что означает, что представляет собой тот пункт вопроса, поставленного перед Международным судом Генеральной ассамблеей, который вам хорошо известен и который сформулирован таким образом.

Имеет ли член организации Объединённых наций, призванный в силу статьи 4 устава голосовать в Совете безопасности или в Генеральной ассамблее по вопросу о приёме государства в члены организации Объединённых наций, юридическое основание ставить своё согласие о приёме в зависимость от условий, прямо не предусмотренных в пункте 1 упомянутой статьи? В частности, может ли он, признавая, что условия, предусмотренные в статье 4, выполнены соответствующим государством, обусловить свой утвердительный голос тем условием, чтобы одновременно с этим государством были приняты в члены организации другие государства? Так поставлен был вопрос в Генеральной ассамблее. Я должен напомнить, что советская делегация с самого начала возражала против такой постановки вопроса, потому что, в сущности говоря, двух мнений здесь не может быть. Вопрос Генеральной ассамблеи по существу сводится к тому, чтобы установить: можно ли при решении вопроса о приёме новых членов в организацию Объединённых наций не руководствоваться статьёй 4 устава. Ясно, что на этот вопрос нужно дать отрицательный ответ. Конечно, нельзя не руководствоваться этой статьёй, конечно, нужно руководствоваться этой статьёй. Почему? Потому, что статья для того и написана, чтобы ею руководствоваться.

Но что значит «руководствоваться статьёй»? Это значит, что нужно поступать в соответствии с её содержанием. А содержание её каково? Оно изложено в некоторых пунктах: что страна должна быть миролюбива, что она должна быть согласна принять устав и принять на себя эти обязательства, что она должна быть способна их выполнять и т. д. Что же тут ещё спрашивать Международный суд? И, как, может быть, некоторые из вас помнят, в прошлом году советская делегация настойчиво доказывала, что по этому вопросу в Международный суд обращаться за консультацией нет никаких оснований и нет никакой необходимости, ибо вопрос и без этого

достаточно ясен. Тем не менее Генеральная ассамблея решила иначе.

Поставленный Генеральной ассамблеей Международному суду вопрос неправилен, потому что, в сущности говоря, при этом ссылались на то, что кто-то где-то что-то сказал, но никто, никакая делегация не ставила официально и формально вопроса таким образом: примите одних, тогда мы примем других.

Сегодня г-н Ходжсон говорил о торге. Известно, что торговля за кулисами производится всякая, и мы знаем, что есть много прeusпевающих в этом деле. Но я спрашиваю вас — разве когда-нибудь какая-нибудь делегация ставила официально вопрос о том, что «де мы согласны принять таких-то и таких-то, если вы примете таких-то и таких-то»? Где, когда, какая делегация ставила так вопрос? Советская делегация на себя этого принять не может. Советская делегация вместе с тем считает справедливым, чтобы все были приняты, кто удовлетворяет условиям статьи 4, и чтобы была отброшена всякая дискриминация по отношению к тем государствам, внутренний строй которых или направление политики которых почему-то не нравится тем или другим вершителям мировых судеб: «Мы, — говорят, — не можем принять Болгарию потому, что Болгария не уважает права человека».

Если так ставить вопрос, то этот вопрос — уважаются ли ими права человека — должен быть обращён раньше всего к тем государствам, которые сопротивляются принятию Болгарии в организацию Объединённых наций. Можно быть уверенным, что они не смогут дать на этот вопрос положительный ответ.

Совершенно неправильно поступает Ассамблея, спрашивая, можно ли, исходя из статьи 4, обусловить приём одних государств требованием приёма других. Конечно — нельзя. Исходя из статьи 4 — нельзя. А исходя из логики и из политических условий в политических органах — можно, нужно и неизбежно.

Поэтому мы говорили в прошлый раз на Генеральной ассамблее: формально статья 4 не даёт оснований ставить вопрос так, как поставила Генеральная ассамблея, испрашивая консультативное заключение у Международного суда. А по существу, без постановки такого вопроса, если вы не хотите обманывать самих себя и лицемерить, то вы должны сказать — без этого не обойдётся, потому что там, где сталкиваются политические интересы и мнения, там неизбежно при решении вопроса руководствоваться политическими соображениями. И весь вопрос заключается только в том, исключает ли статья 4 возможность таких политических мотивов. Мы считаем, как это считают и восемь судей, т. е. большинство Международного суда, что статья 4 это не исключает. Почему? Потому, что вопрос этот о приёме новых членов не юридический, а политический. Не девять, а лишь семь членов Международного суда стоят по этому вопросу на той точке зрения, что данный вопрос является юридическим, а не политическим. Насколько эта семёрка сама не была уверена в своей позиции, видно из того, что консультативное заключение — мнение так называемого «большинства», а в действительности меньшинства по вопросу о том, как нужно понимать запрос

Генеральной ассамблеи, указывает на то, что абстрактная форма, которая была придана этому запросу, исключает возможность говорить о каком-либо применении этого консультативного заключения к конкретным практическим вопросам. Таким образом, давая своё консультативное заключение, эта девятка членов просит не применять это заключение, которое даётся в абстрактной форме, к конкретным, практическим случаям, потому что они не хотели вмешиваться в решение этих конкретных вопросов, имеющих политический характер.

А теперь нам говорят, и даже представили соответствующую резолюцию, рекомендующую Совету безопасности руководствоваться этим консультативным заключением при решении практических вопросов. Это оговорка, которая делает честь девяти членам Международного суда. Однако она не будет принята во внимание, потому что будет сделана попытка воспользоваться этим заключением, чтобы подкрепить свою позицию.

Основной вопрос, который был поставлен перед Международным судом, таким образом, заключается в следующем: что собой представляют условия статьи 4? Достаточны ли они или только необходимы? Тут правильно говорилось: если они только необходимы, то могут быть ещё другие — добавочные. Если они достаточны, т. е. исчерпывающие, то, следовательно, никаких добавочных условий или критериев выдвигать нельзя.

Девять судей считают, что эти условия являются достаточными, т. е. что никаких других, кроме тех, которые указаны в статье 4, нельзя выдвигать. Но с таким заключением девяти членов Международного суда нельзя согласиться. Тем более, что это заключение вовсе не вытекает из собственной позиции этих девяти судей. Ведь эти судьи сами в своём заключении признают, что статья 4, хотя и носит исчерпывающий характер, — я буквально цитирую вам то, что говорится в заключении этих девяти судей, которые выступают от имени Международного суда, — всё же не исключает дискреционной оценки фактических обстоятельств, позволяющих проверить наличие требуемых условий.

Статья 4 не запрещает принимать в соображение любое фактическое обстоятельство, которое с полной основательностью и добросовестностью может быть связано с критериями и условиями этой статьи. Девять судей признают, что учёт этих обстоятельств допустим ввиду самого характера условий, формулированных одновременно очень широко и очень гибко. Этот учёт не устраняет никакого политического соображения, могущего быть связанным с критериями или условиями, предъявляемыми при приёме в члены организации Объединённых наций. Вот что говорит это «большинство» Международного суда. Они говорят, что никакое политическое соображение не может быть устранено при решении вопроса о приёме новых членов. Почему вы об этом забываете? Почему вы проходите мимо этого? Потому, что в другом случае эти же 9 членов суда, за исключением Альвареса и Асеведо, отступают от этого правила, вступая с самими собой в коренное, глубокое противоречие.

Но если есть противоречие между двумя положениями одних и тех же консультантов, то ведь надо же объяснить, почему избирается первое и отбрасывается второе, а не наоборот? Дайте в таком случае ваши доказательства. Но вы ничего не доказали и не можете доказать. Не можете потому, что природа вещей такова, что это вопрос не юридический, хотя, конечно, в нём имеются юридические элементы, но политический.

Больше того, Альварес говорит, и это очень хорошо сказано у него, очень популярно: перед Международным судом, когда к нему поступает какой-нибудь вопрос на консультацию, всегда должен встать предварительный вопрос: «Является ли этот вопрос юридическим или политическим?»

Если он политический, Международный суд должен уклониться от принятия этого вопроса к своему рассмотрению; если это вопрос юридический, тогда Международный суд должен принять его к своему рассмотрению. Конечно, говорит Альварес, всякий юридический вопрос имеет элементы политические, и не может суд, решая даже вопрос юридический, не считаться с этими политическими элементами.

Но ведь это же говорит и большинство, большинство, консультативное заключение которого вы считаете образцом и рекомендуете или хотите рекомендовать Совету безопасности для использования, для руководства. Ведь большинство признаёт, что политические соображения, могущие быть связанными с условиями, предъявляемыми при приёме новых членов в организацию Объединённых наций, не могут быть устранимы из поля зрения тех, кто решает вопрос о приёме.

В заключении этих девяти членов Международного суда говорится больше: указывается, что статья 4 устанавливает пределы, в которых осуществляется свобода решения вопроса, причём эти пределы предполагают «широкую свободу оценки», как говорится в заключении девяти судей. Больше того, эти судьи говорят, что мотивы, по которым голосует «за» или «против» тот или другой член организации, решая вопрос о приёме в организацию Объединённых наций, не подлежат контролю, ибо это есть дело свободы решающего. Это есть его суверенное право. Они говорят: «никакой уполномоченный не может иметь не больше и не меньше прав и обязанностей, чем принадлежит самому органу, который его уполномочил». Если мы с вами выступаем в качестве представителей наших государств, то мы имеем не больше прав, чем имеет само государство, и не меньше прав, чем оно ими обладает, а ровно столько, сколько оно имеет.

Но государство обладает правом,— и это право священно,— это право принимать решения, не отчитываясь ни перед кем в том, почему оно принимает то или иное решение. Это есть его суверенное право, оно бесконтрольно, оно дискреционно, ибо само государство не подконтрольно никому — это суверенное государство.

Девять судей всё это признают, они признают, что политические мотивы могут иметь место при решении вопроса о приёме, они признают, что мотивы политические не подлежат контролю и что

вообще при решении вопроса о приёме каждый из голосующих свободен как свободное суверенное государство, представителем которого он является.

Но девять членов Международного суда проявляют здесь нерешительность и колебание, но тем не менее они, как видите, не отклоняют политические мотивы. Но вот те два члена этой девятки, о которой говорили,— г-да Альварес и Асеведо заняли в этом случае совершенно самостоятельную позицию. Позвольте мне процитировать несколько строк из особого мнения Альвареса. Он говорит: «Традиционное различие между юридическим и политическим, как и традиционное различие между областью права и областью политики, в настоящий момент претерпевает глубокие изменения. Юридическими вопросами считались вопросы, подчиняющиеся нормам права, а политическими — вопросы, предоставленные свободной оценке государства. Отношения между государствами стали разносторонними и многосложными. Вследствие этого они представляют одновременно различные аспекты: юридический, политический, экономический, социальный и т. д.». Кроме того,— говорит Альварес,— многие вопросы, рассматривавшиеся по существу, как юридические, такие, например, как толкование какого-либо договора, могут в некоторых случаях приобретать, главным образом, политический характер».

Это прямо относится к нашему спору. В частности, говорит Альварес, это имеет место, когда речь идёт о мирном договоре и значительное число вопросов обнаруживает двойной характер — юридический и политический, и главным образом те из них, которые касаются международной организации.

«Таким образом,— добавляет Альварес,— далёкие от того, чтобы противостоять друг другу, как это было когда-то, право и политика в настоящее время тесно связаны между собой».

Так рассуждает один из крупных представителей латино-американской отрасли международного права. Вы знаете, что Международный суд составлен из представителей основных правовых систем мира, как говорится в уставе. Вот представители одной из таких основных систем мира, нашедших своё выражение в работах и в юридической мысли латино-американских стран, и представлены в Международном суде Альваресом и Асеведо.

У нас здесь нет расхождения по этому кардинальному вопросу о соотношении права и политики. Расхождение у нас в другом. Мы идём дальше. Мы говорим, что право вообще не имеет самостоятельной роли, оно всегда является продуктом классового господства, оно выражает собой политику господствующего класса, является только инструментом этой политики.

Г-н Альварес и г-н Асеведо говорят, что между правом и политикой нет противоречия и не может этого быть. Это совершенно правильно. Но это упускают из вида остальные судьи, уже превратившиеся из девяти в семь членов Международного суда, ставшие, таким образом, не большинством, а меньшинством суда, потому что семь из 15 всегда являются не большинством, а меньшинством.

Значит, представленное нам по этому вопросу мнение есть мнение меньшинства, а не большинства.

Так будьте любезны тогда, господа, оперируя с этим мнением, не называть его мнением Международного суда, потому что судьи, которые его разделяют, даже не представляют собою большинства членов Международного суда в этом вопросе. Они составляют меньшинство суда, мнение которого нельзя выдавать за консультативное заключение Международного суда. Это — не консультативное заключение Международного суда, какую бы вы вывеску здесь ни навесили и какие бы вы слова на этой вывеске ни написали. Вот так обстоит дело с этим вопросом.

Девять членов Международного суда, таким образом, не представляют собою — хотя они называются девятью — большинства, и по существу мы, следовательно, имеем ответ, который не может считаться ответом Международного суда. У нас есть несколько мнений, а именно те, о которых я уже говорил. Какие же нужно сделать выводы из всего того, что здесь сказано?

Во-первых, статья 4 говорит, что приём «открыт». Во-вторых, — что приём «производится». Вот эти выражения: «открыт», «производится», не являются императивными, категорическими. Это не есть обязательное требование принять, а только возможность приёма при наличии условий, которые указаны в статье 4. Значит, если нет условий, которые указаны в этой статье 4, тогда приём не открыт, тогда приём не может быть произведён. Если есть эти условия, то приём открыт, приём может быть произведён. Но обязан ли быть произведён этот приём, т. е. обязаны ли Совет безопасности и Генеральная ассамблея при наличии этих условий принять в члены ООН любое государство, удовлетворяющее условиям статьи 4, без учёта политических мотивов? Нет, потому что здесь играют решающую роль вопросы политического характера, которые связаны с приёмом, хотя непосредственно они и не указаны в тексте статьи 4.

Тут говорили об истории, о подготовке нашего устава, о конференциях. Возьмём Сан-Францисскую конференцию. Как Сан-Францисская конференция рассматривала этот вопрос? А вот как. В одном из протоколов Сан-Францисской конференции вы можете прочесть следующее:

«Принятый текст с большей ясностью, чем первоначальный текст, принятый в Думбартон-Оксе, излагает условия, которые признаются основными для того, чтобы стать членом организации».

Значит, Сан-Францисская конференция, как это видно из её протокола, рассматривала условия статьи 4 не как исчерпывающие, исключаящие какие-нибудь другие, а лишь как основные. Но если они основные, то это даёт право говорить, что, следовательно, могут быть и дополнительные условия.

И вот члены Международного суда господа Бадеван, Арнольд Макнейр, Рид и Винярский в своём особом мнении заявляют — мы считаем эту позицию совершенно правильной, — что если устав и признаёт условия, изложенные в пункте 1 статьи 4, необходимыми, то устав всё же не считает их достаточными.

«Если бы,— они говорят,— он считал их достаточными, т. е. исключаящими всякие другие условия, он не преминул бы упомянуть об этом. Ибо это вопрос слишком большой, имеет слишком большое значение для того, чтобы его можно было оставлять в тени».

И дальше:

«Легко понять,— говорят четверо судей,— что составители устава, не имевшие в виду утверждение принципа универсальности, не пожелали исключить рассмотрение многообразных политических аспектов, которые в некоторых случаях могли представлять вопрос о приёме. Если учесть разнообразие политических условий, в которых находятся государства, не являющиеся первоначальными членами организации Объединённых наций, одни из которых были врагами, другие — нейтральными, одно из которых является постоянным нейтральным на основе договора, иные обладают империей, другие таковой не имеют, часть которых принадлежит к унитарным государствам, другие к федеративным, или образующим какое-либо объединение государств,— если учесть к тому же те политические последствия, которые могли бы оказаться связанными со слиянием существующих государств или появлением новых государств и их вхождением в состав Объединённых наций, приходишь к выводу, что составители устава, решив предоставить в данном случае особую роль Совету безопасности, быть может, поступили мудро, полагая, а по нашему мнению — говорят эти четверо судей — это и была их мысль, что представляется невозможным сделать что-либо больше, чем перечислить некоторые предварительные существенные условия для приёма в члены и положиться в решении вопроса о приёме на добросовестность и здравый смысл Совета безопасности и Генеральной ассамблеи, в особенности первого из них, исходя из той особой ответственности, которая возложена на Совет безопасности».

Что можно сказать против этих соображений? Ничего. Эти соображения находят своё подтверждение в формулировках устава: «Открыт приём», «Производится приём», — ясно, что это и есть дискреционное право, от которого в сторону шарахаются семь судей из числа девяти, оставленные двумя своими коллегами, и без которого обойтись в данном случае нельзя, ибо это решение политического характера.

Вот почему единственным выводом из анализа всего вопроса могут быть следующие положения:

Первое: Всякий член организации Объединённых наций при решении вопроса о приёме новых членов должен исходить из статьи 4 устава, являющейся правовой основой для решения вопроса о приёме новых членов.

Второе: Каждый член организации Объединённых наций, участвующий в голосовании относительно приёма новых членов, — участник в политическом решении, и в силу этого у него имеются все основания ставить своё согласие на такой приём в зависимости от любого соображения политического характера. При этом, естественно, предполагается, что член организации Объединённых наций, решая конкретные вопросы, обязан действовать добросовестно,

руководствуясь целями и принципами организации Объединённых наций в целом.

Третье: Установленные в абзаце 1 статьи 4 устава условия или критерии приёма новых членов являются необходимыми для решения вопроса о приёме. Однако эти условия не исключают возможности руководствоваться также и политическими критериями, что прямо вытекает из изложенного выше положения.

Четвёртое: В оценке этих критериев или условий по приёму новых членов каждый член организации свободен, и мотивы его голосования не подлежат контролю, ибо это является делом его политической совести.

Пятое: Требование одинакового подхода к приёму в члены организации некоторых государств, удовлетворяющих юридическим и политическим условиям, соответствует принципам устава организации Объединённых наций и, в частности, принципу уважения суверенного равенства народов и государств.

Равным образом не противоречат принципам устава организации Объединённых наций и другие политические требования, как, например, требование одновременного приёма в организацию Объединённых наций государств, удовлетворяющих указанным выше условиям.

Вот выводы, к которым мы приходим на основании изучения всех материалов девяти судей и их заключения, и мнения двух судей, отколовшихся по важному вопросу от этой девятки, и мнения так называемого меньшинства, т. е. четырёх судей. Изучив все материалы, мы приходим к такому заключению, что здесь нужно руководствоваться такими соображениями, которые, с одной стороны, кладут в основу правовые нормы, что вовсе не исключает политических мотивов, так как самое применение этих правовых норм всегда определяется политическими интересами и политическими задачами при обязательном условии добросовестного и честного отношения к принципам и задачам организации Объединённых наций.

4. ГРУБОЕ НАРУШЕНИЕ УСТАВА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ В ОТНОШЕНИИ ПРИЁМА НОВЫХ ЧЛЕНОВ

Если перейти от общетеоретических рассуждений к вопросу о приёме новых членов в организацию Объединённых наций, как этот вопрос стоит практически, то следует обратить внимание на грубое нарушение англо-американским блоком устава организации Объединённых наций в отношении приёма в состав ООН таких миролюбивых демократических государств, как Албания, Болгария, Венгрия, Румыния, Монгольская Народная Республика. Представители Соединённых Штатов Америки и Великобритании считают возможным в нарушение тех самых условий статьи 4, на которые они ссылаются как на достаточное основание для приёма новых членов, отказывать в приёме указанных государств, которые полностью, однако, удовлетворяют всем требованиям устава.

В самом деле, разве не удовлетворяют в полной мере условиям, установленным в статье 4 устава, такие государства, как Болгария,

Венгрия, Румыния, Албания, Монгольская Народная Республика? Разве они не удовлетворяют каждому из четырёх условий, указанных в пункте 1 статьи 4, в силу которых приёму в организацию Объединённых наций подлежат государства:

- 1) если они являются миролюбивыми,
- 2) если они принимают на себя обязательства, изложенные в уставе,
- 3) если они могут выполнять эти обязательства,
- 4) если они желают эти обязательства выполнять.

Я спрашиваю: разве любое из этих государств не удовлетворяет этим четырём условиям? Разве Болгария не государство, с которым вы имеете дипломатические отношения, — я обращаюсь к г-дам представителям Соединённых Штатов Америки и Великобритании в первую очередь? Разве это не миролюбивое государство, которое кровью своих сынов, восстав против гитлеровского ига, в процессе войны перешло на сторону Объединённых наций и приняло участие в завершении разгрома гитлеровских армий, принося свои жертвы маленького болгарского народа на алтарь общих жертв демократических стран в победе над гитлеровской Германией?

Разве не таково же положение Албании, Монгольской Народной Республики, Румынии, Венгрии, которым представители США и Великобритании упорно отказывают в приёме? Разве они не хотят выполнять условия и обязательства устава? Разве они не способны выполнять эти обязательства устава? Почему же тогда им отказывать в приёме?

Почему говорят, что можно принять Финляндию и Италию, — против чего мы не возражаем, — которые удовлетворяют таким-то условиям? Но почему же нельзя в это же время принять и эти государства, которые тоже удовлетворяют этим условиям? Почему? По политическим соображениям. Каким? По соображениям, которые говорят о том, что кому-то не нравится политика, которую ведут одни государства, и очень нравится политика, которую ведут другие государства. Но мы это называем фаворитизмом в отношении одних, — дискриминацией в отношении других.

Это противоречит принципу, провозглашённому в уставе, — уважение суверенного равенства государств и народов.

И поэтому отсюда надо сделать естественный вывод: если все такие-то и такие-то государства удовлетворяют условиям устава, надо их всех принять. Почему им отказывают? Почему стараются обойти это обязательство тем, что говорят: «Давайте будем индивидуально рассматривать каждое государство. Сначала Италию — примем; потом Финляндию — примем; потом дойдём до Румынии и Болгарии, а когда дойдём, тогда откажем, хотя условия те же самые». Почему? Так давайте по-честному политически договоримся, что если есть налицо те условия, которые установлены уставом, нельзя проявить дискриминацию по отношению ни к какому другому государству, нравится ли оно тебе или не нравится.

Вопрос, я думаю, не в дипломатических отношениях. Вопрос заключается и не в том, как этот вопрос поставила Генеральная ассамблея, — может ли кто-нибудь из членов организации обусловить

приём одних членов в организацию Объединённых наций требованием принять одновременно другие государства. Не так ставится вопрос.

Если правильно ставить вопрос, то, по нашему мнению, надо было бы так поставить вопрос: имеет ли право какой-нибудь член организации Объединённых наций при наличии у нескольких государств совершенно одинаковых качеств для приёма в организацию и при том условии, что они удовлетворяют всем требованиям, которые выдвигаются уставом, может ли какой-нибудь член организации в отношении одних настаивать на принятии в организацию Объединённых наций и в отношении других *caeteris paribus*, т. е. при всех равных условиях, отказывать в приёме. Так надо было бы поставить вопрос перед Международным судом, испрашивая его консультативное заключение. Тогда это было бы ближе к нашему спору, тогда из этого мы могли бы сделать и практические выводы.

Нужно отказаться от политики дискриминации в отношении одних государств и от фаворитизма в отношении других государств. Нужно учитывать не только правовые условия, но и политические условия.

Это — законно, потому что вопрос о приёме новых членов — вопрос политический. Это — необходимо, потому что Совет безопасности есть орган политический. Это — неизбежно, потому что мы с вами здесь призваны заниматься вопросами не юридическими, как таковыми, а политическими. Юридическими вопросами мы занимаемся постольку, поскольку они, естественно, возникают в процессе нашей работы и без решения которых обойтись нельзя.

Представители Соединённых Штатов Америки и Великобритании в Совете безопасности мотивировали, например, свой отказ в приёме Болгарии, Румынии, Венгрии тем, что они не согласны с политикой правительств этих стран, особенно с внешней политикой, выдвигая различные и совершенно необоснованные обвинения. Но эти мотивы, как я старался показать, порочны в самой своей основе, так как означают попытку принимать или не принимать в члены организации Объединённых наций, решать вопрос о приёме или об отказе в приёме, независимо даже от тех условий, которые устав устанавливает как достаточные, игнорируя совершенно эти условия, руководствуясь исключительно своими посторонними соображениями, которые означают не что иное по существу, как попытку вмешаться во внутренние дела этих государств.

Это означает попытку использовать такой акт, как приём в члены организации Объединённых наций, для давления на заинтересованные государства. Такое поведение продиктовано, как это совершенно очевидно, интересами, которые не имеют ничего общего с интересами Объединённых наций. В таких условиях выделить какое-нибудь одно государство из числа других государств, законно претендующих на приём в организацию Объединённых наций и имеющих все достаточные для того основания, значило бы стать на путь дискриминации в отношении одних государств, на путь нарушения своих собственных обязательств, принятых на себя по международным соглашениям, например, по пяти мирным договорам и по Потс-

дамскому соглашению, обязательств, исполнение которых, конечно, является обязательным.

После всего этого становится совершенно ясной неправомерность таких действий представителей, например, США и Великобритании, отказывающих в приёме в организацию Объединённых наций Албании, Болгарии, Венгрии и Монгольской Народной Республике.

Становится вместе с тем совершенно ясной неудовлетворительность того, что вы называете здесь консультативным заключением Международного суда по этому вопросу, ибо нет заключения суда, а есть заключения нескольких групп и отдельных членов Международного суда, представивших свои мнения.

При таких обстоятельствах нет никаких оснований рекомендовать Совету безопасности руководствоваться мнением одной группы членов Международного суда как якобы консультативным заключением Международного суда.

„Известия“ № 278 (9808),
279 (9809) и 280 (9810)
от 24, 25 и 26 ноября 1948 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР
С. К. ЦАРАПКИНА
В ПЕРВОМ КОМИТЕТЕ ПО ПАЛЕСТИНСКОМУ ВОПРОСУ
(22 ноября)

Палестинский вопрос с полным основанием можно отнести к числу тех вопросов, которым организация Объединённых наций уделяла и уделяет весьма большое внимание. Как известно, непрерывная и упорная борьба еврейского и арабского народов Палестины за свою независимость заставила Великобританию, управлявшую этой территорией по мандату Лиги наций, поставить вопрос о Палестине на решение организации Объединённых наций.

Палестинский вопрос был тщательно и всесторонне изучен организацией Объединённых наций, и 29 ноября 1947 года Генеральная ассамблея подавляющим большинством голосов приняла известное всем решение о прекращении британского мандата над Палестиной и о создании в Палестине двух независимых государств — арабского и еврейского. Несомненно, что, это было единственно правильным и справедливым решением вопроса, соответствующим коренным национальным интересам как еврейского, так и арабского народов Палестины, каждый из которых имеет право на самоопределение, право на создание своего самостоятельного государства.

Вторая сессия Генеральной ассамблеи, утвердив план раздела Палестины на два государства — арабское и еврейское, поручила

Совету безопасности принять необходимые меры, предусмотренные в этом плане, в целях проведения его в жизнь. Совет безопасности не выполнил, однако, своего долга в этом вопросе. Вместо того, чтобы провести в жизнь решения Генеральной ассамблеи, большинство Совета безопасности, руководимое представителями США и Англии, стало на путь ревизии этого решения.

США и Англии удалось добиться созыва в апреле с. г. специальной сессии Генеральной ассамблеи с целью пересмотра решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года. Как известно, на этой сессии США выступили с планом установления над Палестиной опеки ООН, однако большинство Ассамблеи не согласилось с этим планом ревизии предыдущего решения о Палестине. Потерпев неудачу в этом вопросе, США и Англия прибегли к новому манёвру, поставив вопрос об учреждении в Палестине института посредника. Под давлением США и Англии большинство Ассамблеи приняло 14 мая 1948 года резолюцию о назначении специального посредника организации Объединённых наций по Палестине, ограничив, однако, круг его деятельности чисто посредническими функциями.

Но, как известно, посредник организации Объединённых наций вместо того, чтобы ограничиться выполнением возложенного на него поручения по осуществлению перемирия и по нормализации при помощи мирных средств возникшей в Палестине обстановки, создавшейся и обострившейся ввиду позиции некоторых держав в палестинском вопросе, решил заняться делом, которое ему Генеральная ассамблея не поручала. Он занялся выработкой нового плана будущего устройства Палестины взамен плана, предусмотренного решением Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года. Это, конечно, была не его инициатива, не его вина и не его беда. Он действовал так, выполняя волю тех, кто стояли за его спиной, кто давали его деятельности нужное им направление. В июне месяце посредник вручил евреям и арабам свои предложения по урегулированию палестинского вопроса. Эти предложения предусматривали вместо создания в Палестине двух независимых государств — еврейского и арабского — создание, как говорится в докладе посредника, союза, в который входила бы и Трансиордания, что создавало бы для Трансиордании, возглавляемой, как известно, британской марионеткой королём Абдуллой, господствующее положение. Палестина оказалась бы поглощённой Трансиорданией и целиком попала бы под контроль английских властей. Эти предложения находились в прямом противоречии с решениями Генеральной ассамблеи. Подобного рода предложения, направленные на срыв решения Генеральной ассамблеи, наносили ущерб авторитету организации Объединённых наций, компрометировали её и, прежде всего, Генеральную ассамблею, принявшую 29 ноября 1947 года соответствующее решение о Палестине.

Эти предложения посредника, как известно, были отвергнуты как евреями, так и арабами. Эти предложения не оставляли никакого сомнения в том, где они были подготовлены и какова их цель. Неудивительно, что немедленно после опубликования этих предложений печать и международная общественность восприняли их как

предложения, разработанные в министерстве иностранных дел Англии. Дальнейший ход событий укрепил это мнение.

Подобная позиция в палестинском вопросе Англии и США, направленная на то, чтобы не допустить проведение в жизнь решений Генеральной ассамблеи, создавала в Палестине положение неустойчивости, способствовала ухудшению отношений и разжиганию вражды между евреями и арабами, поощряла и толкала правителей некоторых арабских стран и, в первую очередь, короля Абдуллу на военные авантюры в Палестине, создавала очаг угрозы миру и безопасности на Ближнем Востоке. Спровоцированные извне военные действия между арабами и евреями повлекли значительные человеческие жертвы и причинили арабскому и еврейскому населению Палестины бедствия и страдания.

Перехожу к докладу посредника. На рассмотрение Генеральной ассамблеи представлены доклад и предложение посредника по палестинскому вопросу.

Что предлагает нам посредник для разрешения этого вопроса? Его предложения в основном являются повторением тех прежних предложений, которые он представлял арабам и евреям в июне с. г. и которые тогда были отвергнуты обеими сторонами. Формальное отличие нынешних предложений заключается лишь в том, что на сей раз он уже не предлагает создания какого-то государства вроде Трансиорданско-Палестинского Союза, он признаёт необходимость существования самостоятельного еврейского государства, которое, как известно, уже создано, существует и осуществляет суверенитет над всей территорией, которая, согласно резолюции Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года, должна входить в состав еврейского государства. Однако план посредника вновь предлагает такую перекройку территории и границ этого государства, что если бы Генеральная ассамблея согласилась с такого рода предложениями, то это поставило бы под угрозу жизненные интересы еврейского государства.

Известно, что согласно резолюции от 29 ноября 1947 года область Негев почти полностью должна входить в состав еврейского государства. Посредник же предлагает всю территорию Негева, которая составляет более $\frac{2}{3}$ еврейского государства, передать арабам. Всю арабскую территорию Палестины, после включения в неё области Негев, по плану посредника вновь предлагается передать Трансиордании, а в качестве компенсации еврейского государства за потерю Негева посредник предлагает передать ему крошечную территорию Западной Галилеи. Такое предложение явно рассчитано не только на ещё большее разжигание вражды между евреями и арабами в Палестине, но и на то, чтобы посеять семена раздора во взаимоотношениях даже между самими арабскими государствами.

Сам посредник считает, что эти предложения будут неприемлемы как для евреев, так и для арабов. Тем не менее он предлагает провести их в жизнь, не обращая внимания на то, как к ним отнесётся население Палестины. Посредник в своём докладе даже не пытался обосновывать свои новые предложения. Повидимому, он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что эти предложения нельзя

защитить, в обоснование их нельзя привести сколько-нибудь серьёзные доводы. Единственное оправдание для внесения своих предложений посредник находит в том, что обстановка-де в Палестине «созрела» и что стороны сейчас будут более склонны к принятию нового решения Генеральной ассамблеи по палестинскому вопросу.

Но на каком основании сделано такое заключение? Разве временное правительство Израиля согласно с тем, чтобы от территории еврейского государства была отторгнута область Негев, которая является хотя и весьма трудоёмким, требующим больших затрат, но всё же достаточно обширным районом будущего освоения и расселения евреев. Разве арабское население Палестины спрашивали и оно дало своё согласие на то, чтобы территория, предназначенная для создания арабского государства, была аннексирована Трансиорданией и чтобы вместо создания своего собственного демократического государства в Палестине арабское население попало в разряд подданных марионеточного короля Трансиордании Абдуллы и, таким образом, вновь погрузилось в полуколониальное состояние, вновь оказалось под фактическим господством английских военно-колониальных властей и англо-американских нефтяных монополий на Ближнем Востоке?

На все эти вопросы в докладе посредника нельзя найти ответа, да он и не ставил перед собой такой задачи. Из анализа предложений посредника явствует, что они противоречат резолюции Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года и являются плодом продолжающейся англо-американской политической игры вокруг палестинского вопроса.

Действительное назначение этих предложений заключается в том, чтобы добиться ревизии решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года в нужном для Англии и США направлении и подготовить условия, которые обеспечили бы укрепление и расширение влияния США и Великобритании в Палестине на основе империалистического сговора между ними. Последние предложения посредника нельзя рассматривать иначе, как новую попытку навязать ООН такое решение, которое совпадало бы с интересами объединённых англо-американских штабов и американских и британских нефтяных монополий, но которое в корне противоречит подлинным интересам народов Палестины. С этим согласиться нельзя, и принятие Генеральной ассамблеей этих предложений ничем не может быть оправдано.

Анализируя политику правительства Великобритании в палестинском вопросе, не трудно заметить, что оно занимало наиболее откровенную позицию срыва решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года. Своей первой задачей оно ставило обеспечить за собой в той или иной форме контроль над всей Палестиной. Однако, когда стало очевидным, что, несмотря на всяческое противодействие, независимое еврейское государство в Палестине всё же было создано и существует, английская позиция несколько изменилась, и, применительно к новой обстановке, на данной стадии она сводится к тому, чтобы сохранить под британским контролем посредством Трансиордании как можно большую часть Палестины.

В этом отношении предложения посредника, отнюдь не по странной случайности, поразительно совпадают с английскими планами.

В этой связи нельзя не напомнить об опубликованном 18 июня 1948 года еженедельником «Эль-ихван Эль-муслимин» письме английского генерала Клейтона посреднику Бернадотту. В этом письме, по сообщению указанного журнала, Клейтон предлагал посреднику свой «план» урегулирования в Палестине. В этом плане предусматривалось создание арабского государства в Палестине «под короной короля Абдуллы». В случае несогласия евреев с этим планом предлагалось рекомендовать обеим сторонам статус доминиона.

Далее в случае отклонения обеими сторонами этого плана генерал Клейтон предлагал дословно следующее:

«Изменить границы, указанные в плане раздела, путём изъятия части еврейской территории и включения её в арабскую часть, а также путём предложения евреям наименьшей возможной части, на которую могли бы согласиться арабы».

Мы видим, что предлагаемый посредником план послушно идёт по пути, подсказанному английским генералом.

Г-н Бевин в своей речи 27 сентября с. г. на Генеральной ассамблее, как мы все помним, дал самый лестный и, можно сказать, восторженный отзыв о плане Бернадотта. «Мы считаем,— сказал г-н Бевин,— что план, содержащийся в части I доклада посредника, является планом, с которым могут согласиться обе стороны, не принося в жертву какие-либо из их жизненных интересов. Мы считаем, что он даёт наилучшую надежду на устранение разногласий между этими двумя семитскими народами.

Мы поэтому решили целиком поддержать план, предложенный графом Бернадоттом, мы будем настаивать на его скорейшем рассмотрении».

На днях в Первом комитете г-н Макнейл также отстаивал предложения посредника, заявив, что «правительство Соединённого Королевства искренне поддерживает предложения графа Бернадотта и отстаивает их одобрение этим комитетом и затем Генеральной ассамблеей». Г-н Макнейл при этом убеждал нас в том, что Неgev не представляет вообще большой ценности и что в Галилее выпадает больше осадков и что это значительно выгоднее для еврейского государства. Странную заботу проявляет г-н Макнейл в отношении еврейского государства, предлагая ему отказаться от довольно крупной по масштабам Палестины территории Негева и взамен этого получить крошечную территорию Западной Галилеи, и, наоборот, предлагает передать Трансиорданию в придачу бесплодную и малоценную территорию Негева, упуская, очевидно, из виду, что Трансиордания и без того имеет не мало своих собственных пустынь.

Госдепартамент США также поспешил заявить о приемлемости предложений Бернадотта. Это не может не свидетельствовать о том, что новые предложения посредника, так же как и прежние, вырабатывались, прежде всего, в угоду интересам английских и американских монополий.

Принятие предложений посредника, касающихся изменений тех границ еврейского и арабского государств, которые были опреде-

лены решением Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года, не содействовало бы мирному разрешению палестинского вопроса, но способствовало бы продолжению войны в Палестине и создало бы угрозу миру и безопасности на Ближнем Востоке. Симптомы этого мы можем наблюдать в тех разногласиях по поводу предложений посредника, которые имеют место среди арабских государств.

Если до 15 мая с. г. Англия оккупировала Палестину своими собственными войсками, то в настоящий момент почти половина Палестины фактически вновь оказалась оккупированной силами так называемого трансйорданского легиона, который хотя формально и числится в качестве вооружённых сил короля Абдуллы, но фактически состоит на содержании Англии и находится под командованием английского генерала на Ближнем Востоке Глабб-паши и его офицеров.

Британское правительство столь решительно поддерживает план и торопит Генеральную ассамблею с его принятием, что даже пытается запугать организацию Объединённых наций возобновлением военных действий в Палестине в случае непринятия решения по палестинскому вопросу. Но позволительно спросить, о каком решении говорят представители Англии? Ведь решение относительно Палестины есть, оно в силе, никто его не отменял. Более того, в части, касающейся создания в Палестине независимого еврейского государства, оно уже выполнено, и государство Израиль создано и существует.

Не объясняется ли такая настойчивость и поспешность британского правительства, стремящегося навязать организации Объединённых наций принятие предложений посредника, желанием не допустить создания в Палестине независимого арабского государства и вместо этого позволить британской марионетке королю Абдулле аннексировать не только те области Палестины, которые должны войти в состав арабского государства Палестины, но и принадлежащую еврейскому государству область Негев.

Приходится констатировать, что это именно так.

Соединённые Штаты, со своей стороны, продолжают маневрировать, продолжают вести свою двойную игру в палестинском вопросе и вместо того, чтобы содействовать выполнению до конца решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года, присоединяются к англичанам и заявляют о своей поддержке предложений посредника.

Всё, что делается вокруг палестинского вопроса, показывает, что действительные цели политики правительства США и Великобритании в Палестине направлены на укрепление их влияния в Палестине и вообще на Ближнем Востоке в интересах американского и английского монополистического капитала. Эта политика, руководимая узко корыстными интересами, по существу направлена не на устранение национальных противоречий в Палестине и на изыскание мер, которые могли бы обеспечить добрососедские отношения между еврейским и арабским народами. Эта политика преследовала прямо противоположные цели, углубляя эти противоречия и толкая как

евреев, так и арабов на путь борьбы и вооружённых столкновений, которые и привели к войне в Палестине.

Однако, когда ход военных действий в Палестине создал неблагоприятную обстановку для осуществления англо-американских планов, англо-американский блок в Совете безопасности решил пустить в ход главу 7 устава ООН. Всё это разоблачает подлинную роль в палестинском вопросе правительств США и Великобритании, практические мероприятия которых в отношении Палестины находятся в резком противоречии с их словесными заверениями и декларациями. Подобная политика Англии и США привела к тому, что резолюция Генеральной ассамблеи о Палестине оказалась до сих пор невыполненной, миссия посредника провалилась, проблема Палестины остаётся нерешённой, между евреями и арабами в Палестине идёт война, и отношения между ними всё ещё не урегулированы.

Можно не сомневаться в том, что если бы Англия и Соединённые Штаты отнеслись к выполнению решения Генеральной ассамблеи так, как это требовал бы их долг членов организации Объединённых наций, и вместо того, чтобы чинить препятствия, оказали бы своё содействие и помощь в его осуществлении, то палестинской проблемы, как таковой, уже не было бы и в Палестине к настоящему времени уже были бы созданы два независимых государства — еврейское и арабское. Всего этого можно было бы достичь без кровавой борьбы, если бы не было интриг и вмешательства Англии и США, при прямом содействии и инспирации которых вооружённые силы третьих стран вторглись в Палестину и оккупировали значительную её часть.

С большим запозданием к такому выводу сейчас пришли те, чья войска по указке извне вторглись в Палестину. Корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн» Кеннет Бильби из Аммана сообщает, что 17 ноября трансйорданский король Абдулла заявил, что если бы арабов и евреев избавили от вмешательства в их дела, то они, «возможно, и не воевали бы и что ни арабы, ни евреи не имели выгоды от вступления в войну».

Далее корреспондент сообщает, что Абдулла пояснил, что иностранные державы создали в Палестине такую обстановку, что «ни арабы, ни евреи не осуществляют контроля».

О чём говорят эти слова, как не о признании того факта, что нынешнее неурегулированное положение в Палестине есть прямой результат вмешательства Англии и США в дела этой страны. Сами арабские страны, войска которых вторглись в Палестину, начинают понимать, что вмешательство Англии и США и их собственное в дела Палестины завело эту страну в тупик. Это действительно так. Единственным выходом из этого тупика является выполнение решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года и установление в Палестине мира.

В этой связи представляет интерес упомянутая корреспонденция Кеннета Бильби, в которой сообщается о заявлении трансйорданского короля Абдуллы, арабский легион которого, как известно, находящийся под командованием английского генерала Глабба, первым

вторгся в Палестину и спровоцировал войну между евреями и арабами. Согласно этой корреспонденции, Абдулла заявил, что дальнейшее продолжение войны в Палестине бесполезно как для арабов, так и для евреев. Можно согласиться с этим запоздалым признанием с одной поправкой, что не только продолжение войны, но и вторжение в Палестину, которое привело к разжиганию в этой стране войны между арабами и евреями, также было бесполезным и вредным для интересов арабского и еврейского народов Палестины делом. Эти народы, как известно, войны не хотели, её навязали им извне.

В свете вышеизложенного делегация СССР считает, что решение Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года в основном должно быть выполнено.

Выполнение этого решения полностью соответствует интересам еврейского и арабского народов Палестины, ибо оно решает задачу осуществления этими народами права на национальное самоопределение и на создание самостоятельных независимых государств.

Развитие событий в Палестине убедительно подтвердило правильность и принципиальность позиции Советского Союза в палестинском вопросе. Советский Союз с самого начала занимает принципиальную позицию, которая отвечает интересам народов Палестины, интересам мира и безопасности народов и находится в строгом соответствии с принципами устава ООН.

Исходя из этой позиции, делегация Советского Союза считает, что в целях установления мира в Палестине необходимо, чтобы с территории еврейского и арабского государств в Палестине, создание которых предусмотрено решением Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года, были немедленно выведены все находящиеся там иностранные войска и иностранный военный персонал и чтобы Совет безопасности принял надлежащие меры для недопущения возобновления военных действий в Палестине.

Что касается предложения посредника об установлении демилитаризованных зон, то, как это вполне очевидно, такое предложение не устраняет возможности возобновления в любой момент военных действий в Палестине и оставляет открытым вопрос об установлении мира в Палестине.

Учитывая вышеизложенное, делегация СССР поддерживает предложение об установлении официального мира между еврейским и арабским государствами, что наряду с выводом из Палестины иностранных войск и иностранного военного персонала явится серьезным шагом вперед в деле урегулирования палестинской проблемы.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
В СПЕЦИАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ
АССАМБЛЕИ ООН

(24 ноября)

В начале своей речи глава делегации СССР А. Я. Вышинский отметил, что представители некоторых делегаций, отклоняясь от существа обсуждаемого вопроса о приёме новых членов в ООН, предпочитали заниматься грубыми и непристойными выпадами против СССР.

— По поводу таких выпадов,— сказал Вышинский,— которые для представителей некоторых государств стали, по их мнению, признаком хорошего тона, я мог бы заметить, что они попадают в смешное положение, напоминающее положение, описанное в басне великого русского баснописца Крылова «Слон и моська». Эта басня известна в школах многих стран, но я не ручаюсь за такие страны, как Чили, Парагвай и Аргентина. Тем полезнее было бы выслушать эту басню делегатам указанных стран и всем тем, кто стремится «попасть в большие забияки», бросаясь на слона, который, несмотря на это, идёт себе вперёд, не замечая мосек, добивающихся того, чтобы о них, по крайней мере, сказали: «Ай, моська, знать она сильна, что лает на слона».

Напомнив содержание басни «Слон и моська», Вышинский посоветовал хулителям Советского Союза вдуматься в неё и добавил: «Пусть это будет ответом на все их клеветнические разговоры».

Перейдя к существу обсуждаемого вопроса, Вышинский показал всю беспочвенность рассуждений аргентинского делегата о «положительных» и «отрицательных» рекомендациях. Он напомнил, что в правилах процедуры Генеральной ассамблеи ясно сказано, что Генеральная ассамблея рассматривает заявление о приёме новых членов в ООН лишь в том случае, «если Совет безопасности рекомендует принять в число членов организации подавшее соответствующее заявление государство». Если же Совет безопасности не делает рекомендации о приёме подавшего заявление государства или откладывает рассмотрение этого заявления, то Генеральная ассамблея может лишь «возвратить Совету безопасности указанное заявление вместе с полным отчётом о прениях, имевших место в Ассамблее, для дальнейшего рассмотрения».

— Допустим, однако, на секунду,— продолжал Вышинский,— что Ассамблея была бы вправе рассматривать вопрос о приёме новых членов в ООН при наличии и «отрицательной рекомендации» Совета безопасности. Что от этого изменилось бы? Ведь и «отрицательная рекомендация» должна была бы быть принята Советом безопасности на основе принципа единогласия его постоянных членов. Соблюдение этого принципа не требуется лишь при принятии процедурных решений, но я думаю, что вы не дойдёте до того, что объявите важнейший вопрос о приёме новых членов в ООН процедурным вопросом. Поэтому ваша концепция не выдерживает никакой критики.

Вышинский отметил, что аргентинская делегация поступила бы благоразумно, если бы сняла свою резолюцию, находящуюся в грубом противоречии с уставом.

В связи с клеветническими заявлениями ряда представителей англо-американского блока о том, будто бы приём новых членов в ООН задерживается по вине... Советского Союза, который якобы «злоупотребляет правом вето» в Совете безопасности, глава делегации СССР привёл убедительную фактическую справку. Он напомнил, что «право вето» не раз было использовано делегатами США и Англии, чтобы преградить путь в ООН демократическим странам. Так, во время заседаний 28—29 августа 1946 года за принятие в ООН Албании подали голоса 5 членов Совета безопасности: СССР, Польша, Франция, Бразилия, Мексика; 3 члена Совета безопасности — Китай, Австралия, Египет — воздержались; против приёма Албании голосовали США, Англия и Голландия. Таким образом, США и Англия, являющиеся постоянными членами Совета безопасности, применили своё «вето», чтобы не допустить Албанию в ООН.

Так же обстояло дело при рассмотрении заявления Монгольской Народной Республики. За приём её голосовали 6 членов Совета безопасности, включая СССР, Китай и Францию. Представители Австралии и Египта воздержались. Против голосовали те же три члена Совета безопасности — США, Англия и Голландия. Таким образом, и в этом случае представители США и Англии использовали своё «вето», чтобы не допустить в ООН Монгольскую Народную Республику.

Приведя ряд таких примеров, Вышинский заключил:

— Принцип единогласия великих держав в Совете безопасности, именуемый иногда «правом вето», является сильным политическим оружием, и нет таких простаков, которые выпустили бы его из рук в обстановке политической борьбы. Советский Союз использует это право так же, как и другие постоянные члены Совета безопасности. Могут сказать, что мы пользуемся этим оружием чаще, чем другие, но это понятно, — ведь мы находимся в меньшинстве. Если бы мы располагали большинством, могло бы быть другое положение.

В связи с тем, что аргентинский делегат употребил термин «Стыдливое вето», Вышинский указал, что «стыдливым вето» пользуются США и Англия, командуящие послушным им большинством. Им достаточно сговориться с несколькими делегациями, готовыми сослужить им службу, и затем вместе с ними воздержаться от участия в голосовании, чтобы то или иное решение не собралось в Совете безопасности 7 голосов и, следовательно, не было бы принято.

— Спевшееся большинство под руководством США и Англии, — сказал Вышинский, — проводит здесь любое решение, отвечающее интересам англо-американского блока, не считаясь с уставом. И после этого представители США и Англии заявляют: «Мы отказываемся от применения вето, откажитесь от него и вы». Нет, в этой обстановке мы предпочтём пользоваться своим правом, следуя старому положению римского права: «Всякий, кто пользуется своим правом, никому не вредит». И мы будем пользоваться этим правом, пока вы не перестанете проводить свою политику дискриминации в

отношении негодных вам государств путём предварительного сговора с послушными вам делегациями. Таков наш ответ на ваши сентиментальные всхлипывания, на ваш плач у стены вавилонской.

В связи с попытками некоторых делегатов реабилитировать так называемое «консультативное заключение Международного суда», отражающее по существу позицию лишь 7 из 15 членов суда, Вышинский дополнительно к сказанному на позавчерашнем заседании подверг обстоятельному анализу особые мнения судей Альвареса (Чили) и Асеведо (Бразилия). Как известно, эти судьи подписались под указанным «консультативным заключением», оправдывающим позицию США и Англии в вопросе о приёме новых членов в ООН, но тут же представили свои особые мнения, в которых по существу опровергают важнейшие положения этого «заключения».

Так, Альварес заявил, что он не согласен с судом относительно метода, избранного им для того, чтобы притти к изложению консультативного заключения. «Суд,— говорится в его особом мнении,— сделал вывод из изложения условий статьи 4 устава о приёме какого-либо государства в члены ООН, что ничто другое не может быть приведено в качестве довода для оправдания отрицательного решения. Этот вопрос не может быть разрешён ни путём простого толкования текста, ни путём изучения подготовительных работ; следует принять другой метод, избегнув главным образом к основным принципам нового международного права».

— Вы ничего не смогли противопоставить этому выводу Альвареса,— сказал Вышинский, обращаясь к представителям англо-американского блока.

Далее Вышинский коснулся трёх важнейших вопросов, по которым Альварес расходится с так называемым «консультативным заключением», под которым стоит его подпись.

1. Является ли вопрос, поставленный Генеральной ассамблеей перед Международным судом, юридическим или политическим?

«Большинство» судей решило, что это юридический вопрос, поскольку речь идёт о толковании устава ООН. Альварес же заявляет, что данный вопрос является одновременно юридическим и политическим и что суд должен был бы принимать во внимание все стороны его, включая и политическую.

2. Могут ли быть привлечены при решении вопроса о приёме новых членов в ООН политические мотивы или критерии?

«Большинство» судей даёт на этот вопрос отрицательный ответ. Альварес же заявляет: «Могут возникнуть случаи, когда приём какого-либо государства сможет вызвать беспокойство в международной обстановке или по крайней мере в международной организации, например, если это принятие должно оказать самое широкое влияние на некоторые группы государств или повлечь за собой глубокие расхождения между ними...»

В подобных случаях вопрос более не является юридическим; он становится политическим и должен рассматриваться как таковой».

3. Можно ли требовать одновременного приёма нескольких государств?

«Большинство» судей даёт отрицательный ответ на этот вопрос. Альварес же заявляет, что «такое требование может быть в исключительных случаях оправдано».

Но разве не является исключительным тот случай, когда хотя бы принять в организацию несколько произвольно выбранных большинством государств и искусственно отказывают в приёме другим государствам, отвечающим требованиям устава ООН?

Подвергнув столь же детальному анализу особое мнение судьи Асеведо (Бразилия), Вышинский показал, что и этот судья в основных, принципиальных вопросах расходится с так называемым «консультативным заключением» большинства Международного суда».

— Факты есть факты,— заключил глава делегации СССР. Из девяти судей, подписавших под этим заключением, два представили свои возражения против основных принципиальных его положений. Но девять минус два будет семь, семь от пятнадцати всегда составляет меньше половины. Таким образом, мы придём к выводу, что заключение, находящееся перед нами, представляет собою лишь позицию семи судей, т. е. меньшинства Международного суда.

Далее глава делегации СССР коснулся выступления делегата США Коэна. Он отметил, что Коэн, вслед за другими представителями англо-американского блока, обвинял СССР в «злоупотреблении вето».

— Я уже показал,— сказал Вышинский,— что, отстаивая принцип единогласия великих держав в Совете безопасности, Советский Союз защищает законные права меньшинства. Этот принцип является краеугольным камнем устава организации Объединённых наций, на котором держится всё здание организации Объединённых наций. Между тем делегат США утверждает, что содержащееся в докладе пресловутого «межсессионного комитета» предложение о том, что при рассмотрении заявлений о приёме в ООН постоянные члены Совета безопасности должны отказаться от указанного принципа, «представляет собой... многообещающий метод». Это заявление достаточно убедительно показывает, как делегация США относится к основным положениям устава ООН.

В связи с тем, что делегат США лицемерно призвал Советский Союз «пересмотреть своё отношение к приёму в ООН Италии, Финляндии, Ирландии, Португалии, Трансйордании, Австрии», Вышинский заметил:

— Нельзя ли и нам попросить делегата США, чтобы его правительство пересмотрело отношение к приёму в ООН Албании, Болгарии, Венгрии, Румынии и Монгольской Народной Республики? Может быть, тогда у вас будут основания просить нас о пересмотре отношения к приёму тех государств, за которые вы хлопочете.

Коснувшись условий, которые делегат США поставил для принятия в ООН Албании, Болгарии, Венгрии, Румынии и Монгольской Народной Республики, глава делегации СССР сказал:

— Вы предлагаете, чтобы Монгольская Народная Республика «открыла двери», чтобы вы могли, как вы говорите, «на деле убедиться в её независимости»; вы требуете, чтобы Румыния, Венгрия и Болгария пересмотрели свою внутреннюю политику и т. д. Но

ведь эти требования представляют собою не что иное, как вмешательство во внутренние дела этих государств и, следовательно, являются нарушением устава. Условия, предъявленные вами, отнюдь не предусмотрены статьёй 4 устава, соблюдать которую вы всех призываете.

Вышинский напомнил, что правительства США, Англии и СССР на конференции глав трёх великих держав в Потсдаме обязались поддержать просьбу Болгарии, Финляндии, Венгрии и Румынии о приёме в члены ООН после заключения с ними мирных договоров. Это обязательство было торжественно подтверждено 21 государством, в том числе Англией, США и Францией, в мирных договорах с указанными государствами. Это обязательство и сейчас остаётся в силе.

— Вы же, — сказал Вышинский, обращаясь к представителям англо-американского блока, — отступаете от этого обязательства и предъявляете сейчас Болгарии, Венгрии и Румынии такие требования, которые грубо нарушают их суверенитет и противоречат уставу ООН.

Глава делегации СССР изобличил в лицемерии делегата США, который требовал «уважения прав человека» со стороны стран народной демократии, где эти права строго соблюдаются, в то время как в Соединённых Штатах права человека грубо нарушаются. Он напомнил, что в Соединённых Штатах практикуется расовая дискриминация, линчуют негров, что там во многих штатах неграм запрещается даже входить в те двери, в которые входят белые, и т. д.

— Условия, которые пытаются предъявлять странам народной демократии, представляют собой не что иное, как попытку нажима на эти страны с целью заставить их изменить свой политический курс, — заключил глава делегации СССР.

Касаюсь выступления французского делегата, Вышинский сказал, что делегат Франции поступил логично, присоединившись к мнению французского представителя в Международном суде Бадевана, выступившего против «консультативного заключения». Однако в выступлении делегата Франции нет должной последовательности, поскольку он не соглашается с возможностью в исключительных случаях предъявлять требования об одновременном приёме нескольких стран, отвечающих в равной мере условиям, предъявляемым уставом ООН.

В заключение Вышинский сказал, что было бы неправильно, если бы Генеральная ассамблея рекомендовала Совету безопасности сослаться с точкой зрения, высказанной в так называемом «консультативном заключении Международного суда», которого в действительности не существует. Против этого предложения советская делегация возражает.

О ГОЛОСОВАНИИ В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
В СПЕЦИАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ КОМИТЕТЕ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

(30 ноября)

1. ПРЕДСТАВИТЕЛИ США И АНГЛИИ ВОЗГЛАВЛЯЮТ ПОХОД
ПРОТИВ ПРИНЦИПА ЕДИНОГЛАСИЯ

Перед нами вновь стоит вопрос о правиле единогласия в Совете безопасности, или, как его ещё иначе называют, о праве «вето». Вокруг этого вопроса — ещё до того, как он был решён, до того, как он был записан в уставе нашей организации, можно сказать, у самой колыбели его — уже шла борьба за и против его права на жизнь. Эта борьба не прекращается и сейчас, и на сессиях Генеральной ассамблеи, и в её комитетах, и в периоды между сессиями, приковывая к себе всеобщее внимание.

Можно сказать, что молодая организация Объединённых наций не выходит из непрекращающихся кампаний, которые ведутся под знаком борьбы с «вето». Дело доходит до того, что некоторые из членов организации Объединённых наций ставят себе в большую заслугу борьбу против «вето», против принципа единогласия великих держав, записанного в нашем уставе и являющегося одним из основных принципов ООН. Эти некоторые члены ООН не стесняются открыто выступать в Совете безопасности и в других местах, идя в поход против принципа единогласия, вдохновляемые и подстрекаемые представителями США и Англии.

Можно напомнить, как, например, на прошлогодней сессии Генеральной ассамблеи нашлись люди, объявившие принцип единогласия проклятым «вето», как это сделала делегация Кубы, или невыносимым «вето», как это сделала делегация Аргентины, или назвавшие его «безумием человечества», как это сделала делегация Новой Зеландии, которая сегодня добавила к своим прежним эпитетам новый эпитет — «наступательное оружие».

И на этой сессии мы были уже свидетелями, и не раз, откровенных и грубых выпадов против принципа единогласия. Вчера, например, мы слышали, как представитель Уругвая восхвалял представителя Аргентины, называя его чемпионом борьбы против «вето». Можно подумать, что борьба против принципа единогласия, действительно, какая-то заслуга перед ООН, что тут есть чем похвалиться. Это заявление уругвайского представителя поддержал представитель Китая. В таком же духе непримиримой борьбы против «вето» выступил и канадский представитель, назвавший принцип единогласия «привилегированной процедурой» и выдвинувший, хотя и голословно, обвинение в том, что право «вето», как он сказал, намеренно применяется в целях препятствования функционированию Совета безопасности.

Представители малых стран в этом походе против «вето» были поддержаны представителями государств, являющихся инициаторами этого правила единогласия, этого «вето», — представителями США и Великобритании, — хотя и тот и другой действовали не с такой грубой откровенностью, как те, кого они поддерживали. Но в определённости и ясности их позиции, направленной против принципа единогласия, им отказать нельзя. Вчера, например, представитель Соединённых Штатов Америки г-н Коэн заявил, что все четыре постоянных члена Совета безопасности, являющиеся авторами представленного специальному комитету проекта резолюции, заявили о своей готовности воздержаться от использования своего привилегированного голосования в отношении приёма новых членов. Коэн заявил также, что якобы применение «вето» в этой области причинило серьёзную несправедливость по отношению к целому ряду государств, вполне подходящих для того, чтобы они были приняты в члены нашей организации. Это, конечно, совершенно откровенное осуждение принципа единогласия — осуждение, построенное на отрицании этого принципа как метода сотрудничества в организации Объединённых наций.

Дело теперь дошло до того, что представитель США Коэн заявил, что Соединённые Штаты готовы принять формулировку межсессионного комитета, в которой содержится призыв достичь соглашения о том, чтобы все решения межсессионного комитета, перечисленные во втором заключении межсессионного комитета, принимались голосами любых семи членов. Между тем устав требует, чтобы в числе этих семи голосов были и совпадающие голоса пяти постоянных членов.

Такая позиция, конечно, совершенно противоречит уставу ООН, является грубым нарушением устава, призывом, подстрекательством к грубому нарушению устава, который предусматривает возможность принятия решения семью голосами членов Совета безопасности лишь тогда, когда дело идёт о процедурных вопросах. Г-н Коэн, конечно, хорошо знает всё это. Тем не менее он здесь говорит, что «вето» делает невозможной деятельность Совета безопасности и создаёт необходимость для членов Совета безопасности искать других путей в рамках устава для поддержания мира и безопасности. Но г-ну Коэну хорошо известно также и то, что «в рамках устава» таких «других путей» найти нельзя, что другие пути могут быть найдены лишь вне устава и в противовес уставу организации Объединённых наций. Американский представитель добавил, что «вопрос об эффективном функционировании Совета безопасности, вопрос о способности Совета безопасности к действию являются чрезвычайно важными вопросами, влияющими на дело поддержания мира и безопасности»...

Таким образом, вопрос о так называемом «вето» представитель США связывает с вопросом о «неспособности Совета безопасности к действию». У г-на Коэна получается, что Совет безопасности не может действовать, потому что в Совете безопасности действует «вето». Из этого делается, конечно, совершенно определённый вывод о том, что «вето», т. е. принцип единогласия, надо уничтожить, и к

этому стремятся и представители США, и представители Англии, и некоторые другие, поддерживающие их в этом стремлении. Они, правда, считают, что время для этого ещё не пришло, что нужно выждать, когда придёт это время, и тогда нанести этому принципу единогласия смертельный удар. Они считают, что сейчас нужно ограничиться тем, чтобы провести необходимую подготовительную для этого работу.

Таков смысл всех этих выступлений. Таков смысл всего того, что мы слышали здесь как из уст представителей Уругвая, Новой Зеландии и др., так и от делегатов Соединённых Штатов Америки и Англии. И мы имеем поэтому право сказать, что все эти выступления являются не чем иным, как открытым нападением на принцип единогласия, являются подготовкой к отмене принципа единогласия, принципа «вето», того принципа, без которого не может действовать и даже существовать организация Объединённых наций.

2. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ПРИНЦИПЕ ЕДИНОГЛАСИЯ

Чем было, в действительности, продиктовано принятие этого принципа, из чего исходили инициаторы и защитники предложения ввести при голосовании в Совете безопасности правило единогласия пяти великих держав?

Прежде чем ответить на этот вопрос, мне кажется, было бы излишним обратить внимание на тот факт, что правило единогласия постоянных членов Совета безопасности при голосовании непроцедурных вопросов, или так называемое право «вето», вовсе не представляет собой какое-то новшество. Надо напомнить, что предложение включить в устав правило единогласия при голосовании в Совете безопасности по непроцедурным вопросам («вето») было внесено по инициативе тогдашнего президента США Франклина Делано Рузвельта. В этом можно убедиться из послания Ф. Рузвельта на имя Генералиссимуса И. В. Сталина от 14 декабря 1944 года, где было впервые сформулировано это правило. Это предложение не создавало для постоянных членов Совета безопасности никакого нового права, ибо этим правом всегда обладали постоянные члены Совета Лиги наций, а их было 5 представителей так называемых главных держав — США, Франции, Англии, Японии, Италии, и 4 непостоянных члена, избираемые собранием Лиги наций.

В этой связи также небезынтересно напомнить о декларации четырёх держав от 7 июня 1945 года на конференции в Сан-Франциско, о которой здесь была уже речь.

В этом заявлении говорилось: «Необходимо также помнить, что, по ялтинской формуле (а ялтинская формула — это формула статьи 27 нашего устава), пять великих держав не могли бы действовать самостоятельно, поскольку, даже при условии их единогласия, принятие любого решения совета должно включать совпадающие голоса,

по крайней мере, двух непостоянных членов». Просил бы обратить внимание на этот весьма важный момент особенно тех, кто здесь выступает с такой невоздержанной хулой на принцип единогласия.

Декларация четырёх от 1945 года, таким образом, констатирует, что в правиле единогласия, которое должно применяться при голосовании непроцедурных вопросов в Совете безопасности, имеются, в сущности говоря, два важнейших элемента: 1. Требование совпадающих голосов всех постоянных членов. 2. Требование совпадающих голосов двух непостоянных членов.

Ведь для принятия решения нужно иметь семь голосов, причём недостаточно пяти голосов всех постоянных членов, что, действительно, создавало бы привилегированное положение для великих держав, а нужно, чтобы были ещё два голоса непостоянных членов. Это значит, что несколько непостоянных членов Совета безопасности, отказавшись присоединиться к единодушному решению пяти великих держав по тому или другому непроцедурному вопросу, фактически могли бы наложить «вето» на это согласованное решение пяти держав.

Значит, мы имеем два вида «вето». Это должны помнить и знать те, кто, искажая историческую правду, позволяет себе говорить о том, что принцип единогласия якобы даёт привилегию пяти, которые могут как угодно командовать всеми делами в Совете безопасности. Это, господа, неверно и неправильно, потому что не пятью голосами постоянных членов, хотя бы совпадающих, решаются все вопросы в Совете безопасности, а пятью голосами плюс два совпадающих голоса непостоянных членов. Это и отмечается в сан-францисской декларации четырёх держав.

Как же можно при таком положении вещей говорить о том, что «вето» означает какую-то диктатуру пяти или даже одного из пяти, который может наложить своё «вето»? Но это можно сказать про любого из двух непостоянных членов, иначе говоря, про любого из членов совета, потому что стоит только соответственному количеству членов Совета безопасности воздержаться, как не получится семи голосов, и решение будет заблокировано. Этим, между прочим, и объясняется тот, например, случай, когда три постоянных члена Совета безопасности по берлинскому вопросу предпочли рассматривать этот вопрос согласно 7-й главе устава, а не 6-й главе, чтобы обеспечить себе семь необходимых голосов для принятия решения по этому вопросу.

Таким образом, декларация, принятая в Сан-Франциско, даёт нам возможность правильно судить о том, как осуществляется голосование в Совете безопасности, и исключает, таким образом, всякое основание демагогически восклицать о том, что «вето» — это привилегия великих держав. Это совершенно неправильно.

Кстати, о привилегии. Право «вето», конечно, не привилегия, а обязанность, долг, который вытекает из той сугубой и особой ответственности, которую несут пять великих держав за мир и безопасность народов. Позвольте вновь сослаться на послание Франклина Рузвельта от 14 декабря 1944 года. В этом послании Рузвельт гово-

рил о постоянных членах Совета безопасности, как о «главных хранителях мира», которые должны взять на себя моральное руководство и должны действовать единогласно во всех решениях совета, не подвергая опасности свои жизненные интересы. В этом послании президент Рузвельт писал: «Это сделало бы гораздо более приемлемым для всех наций общий проект, который обязательно должен предоставить великим державам специальную роль в деле сохранения мира при помощи силы».

«Точные положения относительно процедуры голосования по вопросам этого характера,—говорится далее в этом послании,—не содержались ни в советском, ни в американском меморандумах, представленных в Думбартон-Оксе».

«Наши представители там, конечно, не имели возможности притти к определённому соглашению по этому вопросу».

«Вы,—писал президент Рузвельт Генералиссимусу И. В. Сталину,—и я должны теперь найти путь к завершению дела, столь успешно продвинутого ими от нашего имени».

В этом письме всё обращает на себя внимание,—и то, что пять великих держав объявляются главными хранителями мира, и что без единогласия среди них невозможно этот мир сохранить и укрепить, и что в деле сохранения мира пять великих держав играют специальную роль, особенно когда им придётся применять, для сохранения мира, силу. Не случайно же статья 47 устава организации Объединённых наций, говорящая о военно-штабном комитете Совета безопасности, устанавливает, что военно-штабной комитет состоит из начальников штабов постоянных членов Совета безопасности или их представителей. Это и разъясняет смысл формулы, употреблённой президентом Рузвельтом в цитированном выше письме, когда он говорил о специальной роли великих держав для сохранения мира при помощи силы.

Достоин внимания и то, что президент Рузвельт обращался в этом письме с призывом найти путь к завершению дела, начатого в Думбартон-Оксе, и этот путь к завершению такого дела был найден в решении, принятом на конференции в Сан-Франциско, вошедшем в наш устав в качестве статьи 27, установившей принцип единогласия при решении в Совете безопасности непроцедурных вопросов.

В этом письме говорилось далее о том, что в силу основной ответственности постоянных членов от них нельзя ожидать при настоящих условиях, существующих в мире, принятия на себя обязательств действовать в таких серьёзных делах, как поддержание международного мира и безопасности, в соответствии с решением, с которым они не были бы согласны. Поэтому для того, чтобы принятие решений Советом безопасности большинством голосов было возможным, единственным практическим методом будет предусмотреть, в отношении непроцедурных решений, единогласие постоянных членов плюс совпадающие голоса, по крайней мере, двух непостоянных членов. По всем этим причинам, указывалось в письме президента Рузвельта, четыре приглашающих правительства согласны с формулировкой и представляют её конференции, как необходимую для того, чтобы была создана международная организация, через которую все

миролюбивые нации могут наиболее эффективно нести их общую ответственность для поддержания мира и безопасности. Таким образом, принцип единогласия признавался в качестве основного условия создания самой международной организации, получившей впоследствии своё нынешнее название организации Объединённых наций.

В этом заявлении покойного президента Соединённых Штатов Америки были очерчены основные политические тенденции, цели, задачи принципа единогласия. Но более развёрнутую картину даёт, однако, другой документ, о котором сейчас тоже следует напомнить, ибо о нём некоторые основательно, кажется, стали забывать или уже забыли. Я имею в виду заявление американской делегации на Ялтинской конференции 6 февраля 1945 года, сделанное тогдашним министром иностранных дел США Стеттиниусом. В заявлении американской делегации содержится анализ упомянутого выше предложения президента Рузвельта. В этом анализе указывалось, что данное предложение находится в полном соответствии со специальной ответственностью великих держав за сохранение всеобщего мира и что это предложение «требует безусловного единогласия постоянных членов совета по всем важнейшим решениям, относящимся к сохранению мира, включая все экономические и военные принудительные меры».

В заявлении американской делегации указывалось, что это предложение признаёт желательность откровенного заявления постоянных членов совета о том, что мирное урегулирование любого могущего возникнуть спора есть дело, имеющее международное значение,— дело, о котором суверенные государства-члены имеют право изложить свою точку зрения без произвольного запрещения. В заявлении американской делегации указывалось на то, что предложение, представленное делегацией США, излагает текст положений и специальный перечень тех решений совета, которые, согласно этому предложению, потребуют безусловного единогласия, и отдельно перечень тех вопросов в области споров и мирного урегулирования, при котором любая сторона в споре должна воздержаться от голосования.

Нельзя не отметить также и того обстоятельства, что в этом американском заявлении подчёркивались два важных момента в вопросе о процедуре голосования, о «вето».

Первый момент — или первый элемент, как говорилось в этом заявлении,— заключается в том, что для сохранения всеобщего мира необходимо единогласие среди постоянных членов.

Второй элемент, который подчёркивался в заявлении,— это то, что для народа США исключительно важно, чтобы была предусмотрена справедливость для всех членов организации. В заключение в этом заявлении указывалось, что задача, которую ставит перед собой правительство США, состоит в том, чтобы примирить эти два элемента.

Так была поставлена задача в документе, который мы можем называть предложением правительства США о введении в устав ООН принципа единогласия при голосовании в Совете безопасности непродурных вопросов.

3. РОЛЬ ПРИНЦИПА ЕДИНОГЛАСИЯ В ДЕЛЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

По поводу роли и значения принципа единогласия, или, как его называют, «вето», министр иностранных дел Советского Союза В. М. Молотов в 1946 году на Парижской конференции говорил, что основной смысл его заключается в побуждении великих держав к совместной работе, в том, чтобы затруднить интриги одних против других, что будет, без сомнения, в интересах всех Объединённых наций и в интересах всеобщего мира.

«Таким образом, вето направлено на то, чтобы действия великих держав шли на пользу всех миролюбивых государств, как больших, так и малых», — говорил В. М. Молотов.

Так была сделана «попытка создать, наконец, действительную организацию для обеспечения всеобщей безопасности. Именно вето играет здесь главную роль. Принцип вето требует от всех великих держав внимания к их общим интересам и к интересам всеобщего мира, затрудняя создание узких блоков и группировок одних держав против других держав и тем более затрудняя возможность чьих-либо сделок с агрессором за спиной и против интересов миролюбивых стран» (Молотов).

«Отказ от права вето, — говорил В. М. Молотов в 1946 году на Парижской конференции, — конечно, облегчит создание узких группировок и блоков среди великих держав и во всяком случае развяжет руки тем, кто является противником единого фронта Объединённых наций в защите дела мира».

Эти слова министра иностранных дел СССР В. М. Молотова бьют не в бровь, а в глаз всем тем, кто пышет ненавистью к «вето», кто, как аргентинский и некоторые другие делегаты, дали, видимо, аннибалову клятву уничтожить принцип единогласия. Борьба против так называемого «вето» — не случайное явление и не выражение каких-либо личных взглядов.

В этой борьбе находит своё отражение борьба двух основных направлений во внешней политике и в международной жизни в целом. Одна линия — это международное сотрудничество, базой которого служит, может и должна служить организация Объединённых наций.

Генералиссимус И. В. Сталин в связи с итогами конференции в Думбартон-Оксе в 1944 году сказал о международной организации следующее:

«Можно ли рассчитывать на то, что действия этой международной организации будут достаточно эффективными? Они будут эффективными, если великие державы, вынесшие на своих плечах главную тяжесть войны против гитлеровской Германии, будут действовать и впредь в духе единодушия и согласия. Они не будут эффективными, если будет нарушено это необходимое условие».

Одна тенденция видит свою опору в основных устоях организации Объединённых наций и в уважении к тем принципам, которые положены в её основу.

Другая тенденция, другая линия — это линия отказа от сотрудничества в международных отношениях; это линия диктата, давления, навязывания своей воли во имя интересов реакции и агрессии, нашедших своё выражение в стремлении к мировому господству.

Всё то, что совершается сейчас в сфере международных отношений и внешней политики, полностью подтверждает факт борьбы этих двух основных линий, этих двух основных тенденций. Это не может не отразиться и на работе, жизни и деятельности организации Объединённых наций, являющейся достаточно чётким барометром политической погоды во всём мире. Надо признать, что не только принцип единогласия, это так называемое право «вето», но и вся организация Объединённых наций мешает силам реакции и агрессии развернуться во всю ширь. Как некогда Лига наций являлась, по выражению Генералиссимуса Сталина, хотя и слабым, инструментом мира, могущим тормозить развязывание войны, так, по крайней мере, не в меньшей степени препятствием к развязыванию новой войны может и должна служить организация Объединённых наций.

4. ВРАГИ ДЕМОКРАТИИ И МИРА ПРОТИВ ПРИНЦИПА ЕДИНОГЛАСИЯ

Это понимают враги мира и демократии, выступающие против принципа единогласия и не только не заинтересованные в укреплении организации Объединённых наций, но заинтересованные в подрыве её авторитета, в её ослаблении и, возможно, даже в полной её ликвидации. По крайней мере, за последние два года сделаны в этом направлении значительные усилия такими влиятельными членами организации Объединённых наций, как Соединённые Штаты Америки и Великобритания. Всё сильнее и сильнее пытаются они расшатать фундамент нашей организации, подвергая её прочности серьёзным испытаниям. Создание незаконных комиссий и комитетов вплоть до межсессионного комитета; вмешательство во внутренние дела других государств; подрыв принципа уважения государственного суверенитета и т. д., — всё это методы расшатывания фундамента и всего здания организации Объединённых наций.

К этой же категории средств разрушения организации Объединённых наций надо отнести и предложения, фигурирующие сегодня в специальном комитете, которые сводятся к так называемой «либерализации вето», о которой говорил государственный секретарь США Маршалл на пленарном заседании Генеральной ассамблеи в этом году. Происходящие споры и борьба вокруг так называемого «вето» показывают, что сейчас ещё более обострились противоречия между основными политическими установками, из которых одна заключается в защите признанных нами всеми принципов международного сотрудничества больших и малых государств, а другая — в стремлении

некоторых влиятельных группировок развязать себе руки для безудержной борьбы за мировое господство.

Об этом тоже говорилось на Парижской конференции главой советской делегации, и это теперь, спустя два года, полностью подтверждается фактами.

«Стоит,— говорил В. М. Молотов,— поэтому снять все барьеры, ликвидировать в том числе и принцип единогласия великих держав в организации Объединённых наций,— и дорога будет полностью расчищена для дел таких лиц и таких группировок, которые не хотят мириться на меньшем, чем покорность всех народов их диктату, их золотому мешку».

Вот где кроются причины такого политического ажиотажа вокруг вопроса о «вето», свидетелями которого мы здесь являемся, свидетелями которого является сейчас весь мир. Вот почему, вместе с тем, столь фальшиво и политически лицемерно звучат все эти упрёки в злоупотреблении правом «вето», все эти разговоры о необходимости упорядочить как-то применение «вето» ввиду якобы каких-то злоупотреблений им со стороны Советского Союза.

Вчера здесь выступал представитель Англии Кадоган, который говорил именно на эту тему, пытаясь изобразить отношение Советского Союза к так называемому «вето» как сплошную цепь злоупотреблений. Он привёл некоторые факты. Но стоит только критике прикоснуться к этим фактам, как они должны будут разлететься в прах.

В самом деле, о чём здесь говорил г-н Кадоган в подтверждение своего тезиса? Он заявил, что 18 августа с. г. Советский Союз наложил «вето» на предложение о приёме Цейлона в организацию Объединённых наций. Я бы попросил г-на Кадогана положить на стол, раздать членам делегаций то предложение, которое он приписал Советскому Союзу о том, чтобы не принимать Цейлон в состав организации Объединённых наций. Я бы предложил, чтобы он предъявил нам текст такой резолюции или хотя бы протокола по этому вопросу, где было бы сказано, что Советский Союз наложил «вето» на принятие Цейлона в состав организации Объединённых наций. Такого документа Кадоган предъявить не может, так как такого документа не существует в природе.

Я не буду повторять здесь всего, что уже говорил по этому поводу на предыдущих заседаниях комитета. Напомню только, что речь шла о том, чтобы отложить рассмотрение вопроса о приёме Цейлона до получения той информации, в которой нуждался советский представитель. Но вместо этого по настоянию представителей США и Англии вопрос был поставлен на голосование, и советский представитель голосовал против попытки рассмотреть вопрос по существу, несмотря на то, что он просил только об одном — об отложении этого вопроса на некоторый срок, до получения дополнительной информации о государственном статусе Цейлона.

Вот, оказывается, какое было нами допущено злоупотребление правом «вето». Но, если и говорить здесь о каком-либо злоупотреблении, то окажется, что злоупотребление допустили не представители Советского Союза, а те, которые, вопреки всякому политиче-

скому такту, всякому элементарному духу сотрудничества, не согласился на то, чтобы отложить на некоторое время рассмотрение вопроса о принятии Цейлона в члены ООН, чтобы дать возможность одному из членов Совета безопасности рассмотреть материалы, относящиеся к этому вопросу. Злоупотребление допустили те, которые требовали и настаивали на том, чтобы сейчас же, под их диктовку было принято решение. И когда вопрос ставится на голосование таким методом и советский представитель голосует против, тогда говорят: «Вот вам пример злоупотребления правом «вето».

Я думаю, что этот пример лучше всего говорит о том, как неосновательны и как подозрительны все такого рода крики о злоупотреблении Советским Союзом правом «вето».

Кадоган сослался и на другой случай якобы «злоупотребления» нами правом «вето». Он указал на наше голосование в Совете безопасности по берлинскому вопросу. Но он и здесь допустил явное искажение, заявив, что «25 октября, несмотря на своё утверждение о том, что берлинский спор не имеет ничего общего с Советом безопасности, СССР принял участие в заседании совета по этому вопросу в такой степени, что наложил «вето» на проект компромиссной резолюции» и т. д.

Во-первых, Советский Союз занял определённую и принципиальную позицию, которая заключается в том, что берлинский вопрос должен быть предметом рассмотрения четырёх держав, согласно имеющемуся международному соглашению между ними, а не Советом безопасности. Этой точки зрения Советский Союз придерживался тогда, придерживается и сейчас. Советский представитель заявил, что он не будет участвовать в обсуждении этого вопроса, но он никогда не заявлял, что он не будет участвовать в голосовании, и голосовал против той резолюции, которой была подменена резолюция, согласованная предварительно между «шестёркой» в лице г-на Брамуэля и представителем Советского Союза, но принятие которой сорвали как раз представители Великобритании и США. Мы голосовали против несправедливой резолюции. Но это не было злоупотреблением, это был акт самозащиты. Кстати, к сведению новозеландского представителя, «вето» — не наступательное оружие, как он здесь говорил. «Вето» — оборонительное оружие, «вето» — средство защиты интересов меньшинства против политики его майоритаризованной, против диктата со стороны большинства.

Мы не могли согласиться с такой резолюцией, которая, с одной стороны, требует, чтобы все ограничительные мероприятия по транспорту были советской стороной сняты, а с другой стороны, компенсирует это всего-навсего началом переговоров о том, чтобы ввести германскую марку советской зоны в качестве единой валюты в Берлине, вопреки тому, что было согласовано между четырьмя державами и нашло своё выражение в директиве 30 августа 1948 года. Если и этот пример для г-на Кадогана служит доказательством злоупотребления с нашей стороны правом «вето», то тогда нам остаётся лишь констатировать скудость его аргументов.

Наконец, упомяну о случае, о котором здесь уже говорил г-н Клементис, министр иностранных дел Чехословакии, и о чём мне остаётся очень мало сказать со своей стороны. Г-н Кадоган считает совершенно недопустимым такое положение, когда советский представитель возражал в Совете безопасности против назначения комиссии по расследованию, предназначенной для вмешательства во внутренние дела Чехословакии, и голосовал против назначения такой комиссии. Кадоган заявил здесь, что это процедурный вопрос. С этим никак нельзя согласиться. Это вовсе не процедурный вопрос. Наоборот, это вопрос существа дела. Если вы, например, обратитесь к декларации четырёх держав в Сан-Франциско от 7 июня 1945 года и, в частности, к пункту 4 этой декларации, то вы легко убедитесь в том, что вопрос о назначении комиссии по расследованию, что вопрос о том, чтобы начать расследование какого-то дела, никак не может рассматриваться как процедурный вопрос.

Позвольте напомнить ту часть заявления четырёх приглашающих правительств от 7 июня 1945 года на конференции в Сан-Франциско, в которой говорится: «...решения и действия Совета безопасности могут иметь крупные политические последствия, могут даже положить начало цепи событий, которые могут, в конце концов, потребовать, чтобы совет, выполняя свои обязанности, предпринимал меры принуждения, предусмотренные в разделе «В» главы 8-й. Эта цепь событий — говорится в заявлении четырёх держав — начинается тогда, когда совет решает произвести расследование или определяет, что пришло время обратиться к государствам с призывом разрешить...» и т. д. и т. д.

Таким образом, сан-францисская декларация четырёх держав подходит к делу так, что самое рассмотрение вопроса и решение о том, чтобы расследовать какой-то конфликт, какой-то случай, какую-то ситуацию (а именно об этом и шла речь по чехословацкому вопросу), может явиться началом целой цепи событий, какие могут заставить принять принудительные меры, т. е. привести к вмешательству вооружённых сил.

Ясное дело, что если такой конец может быть обусловлен расследованием, которое само по себе может явиться началом таких опасных явлений, то разве можно говорить, что решение о том, приступить ли к этому расследованию или не приступать, есть процедурный вопрос, вроде вопроса о том, открывать сегодня заседание или отложить его на завтрашний день. Решить начать расследование, которое может завершиться такого рода мерами, такого рода обстоятельствами, которые приведут в конце концов к применению принуждения, это значит решить вопрос не процедурного порядка, а существа, и весьма серьёзного существа.

Поэтому, исходя из логики, из духа, смысла и разума той декларации, которую четыре великие державы опубликовали 7 июня 1945 года на конференции в Сан-Франциско, советский представитель подошёл к этому вопросу совершенно правильно. Это не процедурный вопрос, это вопрос весьма серьёзного существа. А если это так,

то как же можно приводить этот случай в качестве примера злоупотребления правом «вето», которое как раз и создано для того, чтобы предотвратить злоупотребление, предотвратить принятие таких решений, которые могут сами по себе явиться началом серьёзнейших дел, могут вызвать серьёзные последствия вплоть до применения вооружённых сил против того или иного государства. Надо же, наконец, по-серьёзному отнестись к серьёзным делам. Нельзя же жонглировать словами, нельзя же заниматься пустым фехтованием фразами; надо вникнуть в суть дела.

Нам говорят: но эту декларацию мы не признаём. Это, конечно, ваше дело.

Но всё же надо отметить, что так могут ещё говорить те, кто не подписывал этой декларации. Но, г-н Кадоган, ведь Великобритания подписала эту декларацию. Уж, во всяком случае, вам-то-надо было бы понимать ту ответственность, которую берут на себя представители Великобритании, отказываясь теперь от декларации, которая была в своё время подписана Великобританией.

Вот вам третий случай из тех, о которых здесь говорил г-н Кадоган, чтобы доказать, как советские представители якобы злоупотребляют правом «вето». Кто же из нас злоупотребляет и чем? Я думаю, что злоупотребляют представители Великобритании, злоупотребляют тем, что они отказываются от согласованных между четырьмя великими державами решений по таким весьма серьёзным вопросам, как упомянутая мною декларация.

Нам приписывают ещё одно злоупотребление. Нам говорят, что Советский Союз допустил злоупотребление правом «вето» в вопросе о приёме Италии в ООН. Но здесь опять-таки допускается извращение.

Советский Союз никогда не высказывался против приёма Италии в члены организации Объединённых наций, но Советский Союз был и есть против того, чтобы проявлять благосклонность и фаворитизм к одним государствам и проводить политику дискриминации в отношении других государств, имеющих такие же основания для приёма в организацию Объединённых наций.

По тем причинам, которые всем известны и о которых мы говорили раньше, Советский Союз был вынужден голосовать против резолюции о приёме отдельно того или иного фаворита Великобритании или Соединённых Штатов Америки, в ущерб справедливости и разуму, вопреки закону и требованиям устава. Советский Союз голосовал так ввиду дискриминации по отношению к другим государствам, которые имеют все основания для приёма в организацию Объединённых наций и которым в этом отказывают, нарушая устав нашей организации. Разве не ясно, что Советский Союз, борясь против фаворитизма и дискриминации и вынужденный применить при голосовании «вето», защищал устав ООН, справедливость, принципы организации Объединённых наций, а не злоупотреблял правом «вето». Злоупотребляя те, которые, нарушая принципы устава, нарушая справедливость, отказывали в приёме одним, стараясь во что бы то ни стало поддерживать других, явно проводя политику неуважения к суверенному равенству народов и государств.

Кто же, я спрашиваю, в таком случае злоупотреблял правом «вето»? И кто пользовался этим правом «вето» для того, чтобы защитить принципы организации Объединённых наций, защитить интересы других государств, которые иначе остались бы поруганными и попорченными?

Во всех этих случаях «вето» послужило оружием защиты, обороны, охраны прав и интересов суверенных государств против попыток дискриминировать эти государства проведением по отношению к ним такой линии в вопросе о приёме новых членов, которая не имеет ничего общего ни с требованием статьи 4, ни с теми принципами справедливости и равенства, которые провозглашены уставом.

Вот так, господа, обстоит дело с этой интерпретацией использования Советским Союзом права «вето». Поэтому мы должны констатировать, что все случаи, приведённые Кадоганом, не выдерживают никакой критики. Они освещены неправильно, и поэтому неправильны были и те выводы, к которым пришёл Кадоган, выступающий здесь от имени своего правительства. Право «вето» во всех указанных им случаях помешало нарушению принципов устава.

Вот почему противники этого правила и добиваются его устранения всякими искусственными мерами, желая свести его на нет, чтобы беспрепятственно делать так, как они хотят: сегодня принять одно государство, завтра отказать другому государству. Моя рука владыка, и никто не может мне, дескать, помешать делать так, как вздумается.

Вот против этого и стоит принцип «вето», принцип единогласия, который даёт право не допустить такого произвола со стороны группы государств, не допустить того, чтобы два или три государства могли действовать против интересов всех миролюбивых народов, всей организации в целом.

Я напомним, как на Парижской конференции в 1946 году В. М. Молотов говорил: «Вето мешает тому, чтобы две или три или даже четыре державы сговаривались между собой и действовали против того или другого из пяти главных государств».

Вот кому и чему мешает «вето». Вот кто страдает от «вето». Вот кому так необходимо устранить это «вето». Вот кто сейчас вздыхает о том, что не пришёл ещё час, когда можно вонзить нож в спину «вето». Но, вздыхая об этом, они уже сейчас точат ножи для того, чтобы пустить их в ход в тот момент, который им покажется подходящим для этого преступления. Это, действительно, будет преступлением, потому что такой акт угрожает разрушить ООН, которая не может существовать без того, чтобы отношения в ООН были построены не на диктате одной группы государств по отношению к другим, а на взаимном уважении, на необходимости договариваться, на необходимости добиваться согласованных решений.

Клемансо говорил в эпоху Лиги наций, что принцип договорённости, согласованности действий между великими державами требует того, чтобы они умели разрешать важные вопросы, прежде чем они войдут в зал заседаний международной конференции. И это правильно. На великих державах лежит великая ответственность за то,

чтобы помешать нарушению мира, а для этого нужно уметь достигать согласованности в решении важных вопросов.

Нужно же понять, в конце концов, как неправ был вчера представитель Китая, который, явно имея в виду Советский Союз, заявил, что один постоянный член Совета безопасности считает «вето» инструментом своей национальной политики. Было бы правильнее сказать, что «вето» является не инструментом национальной политики Советского Союза, который пользуется этим «вето» по такому же праву, как и другие постоянные члены Совета безопасности, как Соединённые Штаты Америки, или Великобритания, или же Франция, или же Китай, а инструментом борьбы против антидемократического, агрессивного внешнеполитического курса некоторых постоянных членов Совета безопасности. «Вето» в таких условиях оказывается неизбежным, необходимым, естественным орудием самообороны в руках меньшинства против всевластия большинства.

Чтобы понять сказанное, нужно знать, что на международные отношения нельзя механически переносить такие принципы, как принцип решения по большинству голосов. Генеральная ассамблея ООН — не законодательный орган. Это — международное собрание представителей суверенных наций. Это разъяснял своим коллегам в комитете по иностранным делам американского сената тогдашний государственный секретарь США Стеттиниус. Он говорил, что в большинстве случаев критика этого правила голосования возникает потому, что забывают, что Объединённые нации — не федерация, не мировое государство и что процедура голосования суверенных членов — наций не может рассматриваться на той же базе, как процедура голосования в парламентах штатов или в конгрессе.

Это хорошо понимали политические представители Соединённых Штатов Америки два года тому назад. Это плохо стали понимать нынешние представители Соединённых Штатов Америки, которые всё дело стараются свести к тому, чтобы организацию Объединённых наций и её работу построить на такой же базе, на какой строится работа законодательных органов тех или других государств, забывая, что в международной организации этот метод работы неприменим.

«Когда народы и правительства, — говорил Стеттиниус американским сенаторам, — в будущие годы приобретут опыт и приобретут доверие к мировой организации, я надеюсь, что они научатся применять или приспособлять к международным делам гораздо больше принципов и техники демократии, но я думаю, что было бы фатальным пытаться сейчас итти дальше того, что нации явно готовы совершить сегодня».

Такие американцы, как бывший президент США Рузвельт, говорили:

«Главное в праве «вето» — это признание ответственности», — и добавляли: «главной ответственности великих держав за мир и безопасность народов, за прогресс и за процветание демократии».

«Я думаю, что я выражаю мнение всей делегации, — говорил представитель США в 1946 году, — когда говорю, что требование единогласия пяти постоянных членов с гарантиями, которые были предусмотрены, не только существенно для успеха организации

Объединённых наций в ближайшие годы, но что это требование признаёт и подтверждает полномочие, которое, по мнению большинства американцев, Соединённые Штаты Америки должны иметь ввиду большой ответственности, которую наша страна неизбежно должна принять для поддержания мира в мире».

Он продолжал: «Особое положение США и четырёх других постоянных членов Совета безопасности, равным образом, признано и в правилах относительно ратификации устава и позднейших поправок к уставу. Устав сам войдёт в силу, — говорил этот представитель США, — когда он будет ратифицирован пятью постоянными членами Совета и большинством других подписавших государств. Поправки войдут в силу, если они будут одобрены двумя третями голосов членов Генеральной ассамблеи или особой конференцией, созданной в этих целях, и будут ратифицированы двумя третями государств-членов, включая всех постоянных членов Совета безопасности. Так гласит статья 108 нашего устава».

Всё это и есть следствие сознания той особой ответственности постоянных членов Совета безопасности, которая возложена на них по самому духу и смыслу принципов, лежащих в основе организации Объединённых наций. Против «вето» в таком именно понимании и идёт сейчас борьба.

Сейчас пробуют эту борьбу против «вето» прикрыть ссылками на то, что нельзя мириться со злоупотреблением «вето». Это совершенно искусственные и лишённые всякого основания заявления. В подтверждение правильности такого утверждения позвольте привести лишь два примера. Первый раз в истории нашей организации так называемое «вето» было применено в 1946 году в Лондоне, в Совете безопасности, где тогда обсуждался вопрос о выводе войск из Ливана и Сирии. Известно, что тогда были предложены проекты постановления Совета безопасности о выводе войск из Ливана и Сирии в духе, который не давал решения этого вопроса. Советская делегация настаивала на более точной, ясной, определённой формулировке, которая обеспечила бы суверенные интересы этих двух малых государств, защищавшихся против одной, но великой державы. Наши предложения были отклонены, и советский представитель голосовал против этой резолюции. Это было «вето» — первое «вето».

Что же произошло потом? Разве произошло то, что и как того хотели англо-французские делегации, которые тогда добивались принятия резолюции с оговоркой, что выводу войск должно предшествовать особое соглашение между французским правительством и сирийским и ливанским правительствами относительно судьбы их привилегий в этих странах? Вышло не так, как они добивались, а так, что им пришлось вывести войска — и английские, и французские — без этих соглашений. Вышло так, как требовал этого Советский Союз. Пришлось поступить не так, как было сказано в английском или французском проекте этой компромиссной, гнилой резолюции, к которой не мог присоединиться представитель Советского Союза, а в конце концов поступили так, как настаивал на этом представитель Советского Союза, т. е. чтобы вывод этих войск был безоговорочным. И он был осуществлён. Разве применение «вето» тогда не по-

шло на пользу Сирии и Ливана, не послужило делу защиты их суверенитета, защиты принципов устава организации Объединённых наций? А теперь хотят повернуть дело так, будто бы это было злоупотребление правом «вето».

Г-н Кадоган был так усерден, что подсчитал, сколько раз применяла «вето» советская делегация, и объявил: 28 раз. Он сознательно «ошибся», чтобы произвести более сильное впечатление на доверчивых людей. Он упустил маленькую «мелочь», а именно то, что «вето» приходилось применять по нескольку раз — от 4 до 7 раз по одному и тому же вопросу, ввиду того, что эти вопросы ставились на рассмотрение Совета безопасности по нескольку раз.

Стоял в организации Объединённых наций ещё испанский вопрос. Четыре раза пришлось советскому представителю голосовать против, т. е. применять «вето». О чём шла речь? Почему и чем была вызвана необходимость применять так называемое «вето» в испанском вопросе? Тем, что неоднократно вносились такие предложения со стороны покровителей режима Франко, которые, в сущности говоря, неприкрыто поощряли и обнаруживали тенденцию покровительствовать этому режиму. Советская делегация и ряд других делегаций возражали против этого, настаивая на прямой принципиальной, твёрдой, последовательной линии осуждения франкистского режима в Испании. Другие не соглашались с этим. Была борьба. Ставились резолюции на голосование. Советский Союз должен был голосовать против неприемлемых, гнилых, компромиссных резолюций.

И чем это всё дело кончилось? Тем, что 13 декабря 1947 года была принята на Генеральной ассамблее резолюция по этому вопросу, которая была вполне приемлема и для сторонников линии отказа от всякой поддержки франкистского режима.

Я не хочу сейчас входить в существо этого вопроса. Я хочу только сказать, что четыре раза советский представитель применял «вето» для того, чтобы не допустить гнилой резолюции, и в результате была принята та резолюция, которая удовлетворяла всех действительных противников режима Франко — сторонников демократии в Испании.

Польза была от этого четырёхкратного «вето» или вред? По моему, польза. Можно ли говорить, что это было злоупотребление «вето»? Нет, это было использование своего права, благодаря которому Генеральная ассамблея нашла правильную линию в этом вопросе, не до конца последовательную линию в этом вопросе.

Таким образом, и испанский вопрос, и эти самые четыре «вето» вовсе не являются пороком, а являются добродетелью, и нужно уметь различать порок от добродетели.

Приём новых членов. Я уже об этом говорил. Но разве все эти факты не свидетельствуют о том, что говорить о злоупотреблениях правом «вето» со стороны Советского Союза означает расходиться с истиной, быть с истиной не в ладах. Почему же делаются эти усилия, чтобы доказать, что были такие злоупотребления и именно со стороны Советского Союза? Потому, что хотят создать таким образом атмосферу ненависти и вражды к этому принципу единогласия. Потому, что стремятся устранить одно из серьёзных препятствий,

мешающих односторонне осуществлять свою волю, осуществлять свой диктат, навязывая другим свои решения при помощи сколоченного семиголосного большинства.

В этом хоре семи голосов хотят утопить другие голоса, которые к этому хору не могут, по своей совести, присоединиться. Вместо того, чтобы сотрудничать на основе уважения к мнению меньшинства, говорят: подчиняйся. Но это не основа для деятельности международных организаций, для международного сотрудничества. В международных организациях нельзя большинством голосов подчинять себе меньшинство. Этого можно было бы достичь лишь благодаря моральному авторитету большинства, а морального авторитета не может быть, если нет уважения к меньшинству и его правам, к его взглядам, к его интересам.

В самом деле, о каком уважении может идти речь, когда в рядах так называемого большинства ведётся вакханалия разнузданной критики, охавания, порицания этого принципа единогласия, с единственной целью попытаться создать общественную атмосферу недоброжелательства и к «вето», и к его защитникам, чтобы взорвать самый фундамент организации Объединённых наций. Но забывают, что похоронить принцип единогласия — означает похоронить организацию Объединённых наций. Но для того, чтобы оправдать себя в глазах мирового общественного мнения, надо попытаться свалить вину за такой результат на других, и это нужно попытаться как-то обосновать. И вот начинают сыпаться, как из рога изобилия, всякие обвинения и хула, причём обвинения самые недоброкачественные: подтасовываются факты, извращается действительность.

Так как борьба против так называемого «вето» слишком остро задевает кровные интересы миролюбивых народов, противники «вето» боятся прямо это сказать и делают всё, чтобы замаскировать свои действительные планы и стремления. Отсюда — демагогические вопли о том, что принцип единогласия будто бы является привилегией великих держав, будто он нарушает принцип равенства членов организации Объединённых наций, нарушает интересы средних и малых государств. Принципу единогласия в Совете безопасности противопоставляют требование голосования большинством любых семи голосов, рассчитывая таким «демократизмом» привлечь на свою сторону тех, кто колеблется и склонен поиграть в оппозицию к «диктатуре» великих держав...

Но за кулисами стоят кое-кто именно из этих великих держав, дирижирующих хором недовольных из аргентинцев, кубинцев, новозеландцев, южноафриканцев и им подобных «демократов»...

Но сколь непоследовательны противники так называемого «вето», сторонники всяких ограничений так называемого «вето», видно из того, что они готовы оставить «вето» без всяких ограничений для главы 7 устава. Но если оставлять его для главы 7, то почему нужно отменять его для главы 6? Принцип ведь должен остаться принципом. Говорят, что нужно устранить злоупотребления правом «вето». В действительности же идёт речь не о том, чтобы устранить злоупотребления и опасность этих злоупотреблений в пользовании правом «вето», как заявляют противники принципа единогласия, а о

том, чтобы вообще устранить самое право «вето», чтобы подменить его принципом большинства из любых семи голосов, на которое рассчитывают авторы обсуждаемого предложения.

Не будучи в состоянии открыто признать это и выставить это как программу своей политической деятельности, они прикрываются тем, что, дескать, идёт речь не о борьбе против принципа единогласия, а о борьбе с злоупотреблениями этим принципом. Мы разобрали несколько наиболее важных случаев, которые были названы противниками «вето». И мы могли убедиться в том, что ничего похожего на то, что они пытались здесь доказать, нет. Подоплёка всей этой кампании против злоупотреблений правом «вето», таким образом, разоблачена.

Я думаю, всем памятно выступление советской делегации на прошлогодней сессии Ассамблеи против учреждения межсессионного комитета, который создавался как орган, конкурирующий с Советом безопасности, которым хотели подменить Совет безопасности. Теперь результаты налицо — этот орган не только просуществовал в течение этого года, но он и «облагодетельствовал» организацию Объединённых наций своим проектом ограничения «вето». Внесённое на рассмотрение Ассамблеи предложение о процедуре голосования в Совете безопасности есть один из этапов борьбы против самого принципа единогласия. Доклад, представленный межсессионным комитетом, не заслуживает серьёзного внимания, тем более, что, не признавая законным учреждение межсессионного комитета, советская делегация не намерена вступать в рассмотрение и отдельных его предложений, но она не может не подвергнуть критике эти предложения потому, что они заслуживают критики.

Можно сказать, что межсессионный комитет разработал, в сущности говоря, новую процедуру голосования в Совете безопасности. Удивительно, как после этого некоторые делегаты позволяют себе говорить, что это вовсе не есть нарушение устава. Говорят: мы не предлагаем нарушать устав, да это и не нужно, когда мы можем просто предложить новую процедуру голосования. Но ведь новая процедура голосования означает отмену старой, а старая процедура — это есть то, что предусмотрено уставом.

Следовательно, здесь открыто делают предложения, направленные на то, чтобы изменить устав, однако не в том порядке, как это предусмотрено 109-й статьёй устава, а в том странном порядке, который предложен межсессионным комитетом.

Что сделал межсессионный комитет? Он составил реестр вопросов — целых 98 вопросов, — которые хотя и не являются в своём большинстве процедурными, но должны решаться по правилу, установленному для процедурных вопросов, т. е. большинством любых семи голосов. Но почему он ограничивается 98 вопросами? Чем руководствовался межсессионный комитет, остановившись на этой цифре? Почему он не набрал 198 вопросов? Кроме того, законно спросить, исчерпывают ли эти 98 вопросов все возможные случаи, и если не исчерпывают, то как быть с другими случаями? На все эти вопросы межсессионный комитет не даёт никаких ответов.

Межсессионный комитет вообще избрал очень простой метод. Во-первых, он отделил те вопросы, которые как процедурные должны решаться простыми семью голосами по пункту 2 статьи 27. Во-вторых, он перечислил ряд других вопросов, которые не должны решаться в этом порядке, и предложил решать и эти вопросы таким же порядком.

Это и называется «решением вопроса». Оригинальное, действительно, решение вопроса. Устав говорит, что процедурные вопросы решаются так, а непроцедурные иначе. Межсессионный комитет говорит: процедурные решаются так, как говорит устав, а непроцедурные вопросы тоже будут решаться так, как процедурные. Это явное нарушение устава. Однако именно это и предлагает межсессионный комитет и его защитники. «Чемпион» борьбы против «вето», как здесь называл уругвайский делегат г-на Арсе, возглавлявшего рабочую группу межсессионного комитета, как мы видели, очень просто решил это дело, хотя и совершенно неправильно, грубо попирая устав.

Насколько просто продлевается эта операция с уставом, можно убедиться из следующего текста одного из пунктов доклада межсессионного комитета. Вот этот текст: «Подкомитет, при изучении упомянутого перечня, стремился провести различие между решениями, которые члены организации считали процедурными в смысле пункта 2 статьи 27 устава, и решениями, которые независимо от того, считались ли они теми или другими членами организации процедурными или непроцедурными, должны были, по мнению подкомитета, приниматься большинством семи любых членов Совета безопасности».

Что это значит? Это значит, что подкомитет, в сущности говоря, никакого различия между всеми вопросами, перечисленными им, не делает. Он просто берёт ряд вопросов, которые он считает нужным решать не по уставу, а вопреки уставу, и предлагает отнести их к тем вопросам, которые будут решаться простым большинством в семь голосов.

Да разве можно так поступать, уважая устав? Разве это есть решение? Этот пункт прямо говорит: вот вопросы, которые должны приниматься большинством голосов семи членов, независимо от того, являются ли они процедурными или непроцедурными. Но мы решительно должны протестовать против такого метода решения и против тех предложений, которые хотят навязать специальному комитету, а затем и Генеральной ассамблее при помощи межсессионного комитета. Это против устава, это нарушает процедуру, установленную для изменения устава.

Если угодно изменить устав, благоволиите применить ту процедуру, которая установлена для этого уставом. В уставе говорится, что нужно созвать конференцию, которая должна одобрить те или иные изменения, которые надлежит затем в должном порядке ратифицировать. Но вы не хотите этого. Вы хотите произвести изменение в уставе, нарушая ту процедуру, которая установлена уставом для внесения в него каких-либо изменений. И это вы называете — «не трогать устав, не колебать устав»?

И после этого вы говорите, что мы, советские представители, пользуемся монашеским правилом, превращая пороса в караса, когда

хотим полакомиться в постный день. Нет, господа, это вы как раз так делаете, хотя отнюдь не обнаруживаете монашеского поведения, это именно вы так делаете, когда вы берёте этого поросёночка, — вопросы непроцедурные, — и говорите: превратись в караса, т. е. в процедурные вопросы, и мы тебя скушаем.

Мы вас предостерегаем: не делайте этой операции, потому что это преступление против святости устава, основного закона нашей организации.

Что нам предлагают? Посмотрите: межсессионный комитет идёт так далеко, что он даже приём новых членов предлагает решать как процедурный вопрос, простой семёркой, и это после того, как было отвергнуто подобное предложение делегации Аргентины, от которого она сама отказалась в конце концов, вняв голосу благоразумия. Это показалось до такой степени неубедительным американскому делегату Коэну, что он формально отмежевался от аргентинской делегации, хотя фактически поддержал этот принцип, назвав его многообещающим актом. Надо знать, что и кому это обещает и много ли обещает. По нашему мнению, это ничего не обещает, кроме провала организации Объединённых наций.

Межсессионный комитет разошёлся в своей реформе до того, что предлагает, например, вопрос о представлении на рассмотрение Генеральной ассамблеи любого вопроса, касающегося поддержания международного мира и безопасности, решать, как процедурный вопрос.

Вопрос о приостановке действия прав и привилегий членов организации, в отношении которых Советом безопасности приняты предупредительные или принудительные меры, предлагалось решать, как процедурный вопрос, несмотря на то, что это вопрос о дополнительных санкциях, налагаемых на членов организации. Оказывается, вопрос о том, наложить ли эти санкции или не наложить, принять ли эти меры, которые означают применение дополнительных санкций к члену организации, Австралия, Аргентина и Турция предлагают решать, как процедурный вопрос. Рекомендации о приёме новых членов, о чём мы уже говорили, также предлагалось решать в нарушение устава, как процедурный вопрос. Подтверждение полномочий представителей Совета безопасности относят к процедуре. Имелись даже попытки отнести к процедуре представление планов по установлению системы вооружений. Разве всё это не важные вопросы, не вопросы существа, а не процедуры?

Иначе говоря, целый ряд сложных, острых политических вопросов предлагается голосовать и решать не по правилам, установленным уставом для решения таких вопросов, а вопреки уставу — простыми семью голосами, нарушая основной принцип единогласия. Предлагают не считаться с другими постоянными членами Совета безопасности, не добиваться единодушия между пятью главными державами, что является и основой, и залогом обеспечения мира и безопасности народов.

Вот как расправляется межсессионный комитет с этим вопросом, грубо нарушая устав, до такой степени грубо нарушая, что более грубых нарушений и придумать, кажется, трудно. Ведь вы не случайно можете найти в докладе часть третью, которая называется «Методы

проведения в жизнь», где откровенно говорится о том, как эти предложения должны проводиться в жизнь, откровенно излагается план нарушения устава и столь же откровенно даются инструкции, как лучше и успешнее всего этот план осуществить. Здесь, в этой части доклада межсессионного комитета, даются инструктивные указания, как обойти устав. Межсессионный комитет предлагает для этого несколько средств: проведение в жизнь его предложений посредством толкования устава или на основе соглашения между пятью постоянными членами Совета безопасности, т. е. по сговору между ними, в обход устава.

Наконец, ещё одно средство — это созыв конференции для пересмотра устава. Это третье средство, однако, предлагают в данное время не пускать в ход, так как проведение его в жизнь связано с большими неудобствами. Не созрело, говорят, ещё время, чтобы такая конференция могла дать положительный результат.

Остаются, следовательно, два средства: толкование устава или сговор. Но смысл этих «средств» никого в заблуждение ввести не может, ибо предложения, с которыми пришёл сюда межсессионный комитет, основываются на грубом нарушении устава, на отказе от принципа единогласия, нашедшего своё выражение в пункте 3 статьи 27 устава. Эти предложения и эти проекты, которые внёс межсессионный комитет, — это заговор против устава, это сговор для сбывания своих народов, сговор для ликвидации важнейшего принципа, на котором стоит вся организация Объединённых наций.

Предложения межсессионного комитета находятся в прямом противоречии с ранее заключёнными между великими державами международными соглашениями.

В Сан-Франциско организаторы новой международной организации договорились о том, что самое решение о том — является ли вопрос процедурным или нет — должно приниматься путём применения квалифицированного большинства, т. е. семью голосами, включая всех постоянных членов. Это говорится в разделе 2 пункта 2 сан-францисской декларации четырёх держав в 1945 году. Если такой вопрос возник, говорится там, то решение этого предварительного вопроса о том, можно ли применить процедурное голосование или нет, должно приниматься семью членами Совета безопасности, включая совпадающие голоса всех его постоянных членов.

А теперь представители США и Англии, подписавшие три с половиной года тому назад эту декларацию, нам говорят, что это для них не обязательно. Это может быть не обязательно в отношении кого угодно, но не в отношении четырёх держав, которые эту декларацию объявили, приняли и от неё официально не отказались — прямо, по крайней мере, её не денонсировали.

Позволительно представителям Великобритании, Франции и Союзных Штатов Америки прямо поставить вопрос, — отказываются ли они от этой декларации или нет. Если нет, то они должны воздержаться от того, чтобы компрометировать эту декларацию, подвергая её критике, заявляя о том, что она-де не носит обязательного характера.

Мы — советская делегация — считаем для себя обязательными все те международные соглашения, под которыми стоит подпись Советского Союза, пока мы не договорились о пересмотре или пока мы не денонсировали эти соглашения. Ничего неизвестно и никому неизвестно, чтобы США и Англия денонсировали сан-францисскую декларацию. Поэтому мы говорим, что она в силе. А если она в силе то её нужно исполнять и нужно её уважать. И поэтому совершенно ясно, что, когда спрашивают: «Что это за вопрос, процедурный или нет?» — ответить на этот вопрос нельзя иначе, чем руководствуясь декларацией, принятой в Сан-Франциско 7 июня 1945 года.

Вот как обстоит дело с этими предложениями межсессионного комитета. Эти предложения — сплошное нарушение нашего устава, это — грубое нападение на наш устав, хотя и не в лоб, а в обход. С этим мы никак не можем согласиться. За эти нарушения устава ответственность должны нести те, кто руководит работой этого межсессионного комитета, кто вдохновляет этот межсессионный комитет.

Б. АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ БЛОК МАСКИРУЕТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ МЕЖСЕССИОННОГО КОМИТЕТА

Перехожу теперь к проекту резолюции четырёх — США, Англии, Франции и Китая. Но что можно о нём сказать? Конечно, если брать перечень вопросов в этом проекте, то мы увидим, что вместо 98 вопросов здесь имеется лишь 30 вопросов. По существу это ничего не меняет. Проект четырёх — это тот же проект межсессионного комитета, но только замаскированный, чтобы не так бросались в глаза его крайности и уродства. Этот проект четырёх держав почти дословно повторяет всё то, что содержится в докладах и в предложениях межсессионного комитета. Поэтому отношение советской делегации к предложениям четырёх держав остаётся тем же, что и по отношению к предложениям и рекомендациям межсессионного комитета. Проект резолюции четырёх за № 24/20 не что иное, как, в сущности говоря, повторение — только в немного изменённых выражениях — того, что предложил межсессионный комитет. Этот проект поэтому также является неприемлемым, как и проект межсессионного комитета.

Советская делегация смотрит на дело иначе. Главный порок предложений как межсессионного комитета, так и четырёх держав заключается в попытке заранее регламентировать и, мы бы сказали, формализовать этот очень важный вопрос. Кроме того, незаконно, заранее наметив вопросы, которые должны априорно рассматриваться как непроцедурные, договариваться, чтобы, ввиду их малого значения, решать их так, как решаются вопросы процедурные. Это, как я уже сказал, совершенно незаконный путь.

Советская делегация считает особенно важным, чтобы организация Объединённых наций всесторонне улучшила работу всех её органов в соответствии с высокими принципами и целями устава, получившего признание всех миролюбивых народов.

Советская делегация придаёт большое значение объединению усилий больших и малых народов в деле развития между ними

дружественных отношений и укреплению всеобщего мира и безопасности.

Поэтому советская делегация считает, что организация Объединённых наций должна принять все меры к расширению международного сотрудничества на указанной выше основе, но должна вместе с тем избегать излишней регламентации и формализма в деятельности своих органов, содействуя развитию практических достижений в политическом, экономическом и культурном сотрудничестве между народами.

Советская делегация, принимая во внимание, что принцип единогласия постоянных членов Совета безопасности, при принятии советом решений непроцедурного порядка, является важнейшим условием обеспечения эффективности действия организации Объединённых наций в развитии сотрудничества между народами и в поддержании международного мира и безопасности, — высказывает уверенность в том, что в будущем Совет безопасности соответственно будет учитывать опыт своей работы в течение предыдущего периода, в целях создания таких условий, которые, по возможности, благоприятствовали бы принятию согласованных решений.

Советская делегация внесёт соответствующий проект резолюции, который она будет защищать перед комитетом и перед Генеральной ассамблеей, глубоко уверенная в том, что не излишняя регламентация и формализирование этих вопросов, а максимальное укрепление духа взаимного доверия и сотрудничества, вместе с учётом опыта работы Совета безопасности за истекшее время, должны помочь тому, чтобы достигать возможно чаще и возможно скорее согласованных решений между всеми членами организации Объединённых наций, представленными в Совете безопасности.

„Известия“ № 285 (9815),
286 (9816) и 287 (9817)
от 2, 3 и 4 декабря 1948 г.

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ВОПРОСУ О ГОЛОСОВАНИИ В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Делегация СССР внесла в специальный комитет Генеральной ассамблеи следующий проект резолюции по вопросу о голосовании в Совете безопасности:

1. Генеральная ассамблея считает особенно важным, чтобы все государства — Объединённые нации стремились к дальнейшему укреплению авторитета организации Объединённых наций в соответствии с высокими принципами устава, получившего признание всех миролюбивых народов.

2. Придавая особенно большое значение объединению усилий больших и малых народов в деле развития между ними дружественных отношений и укреплению всеобщего мира и безопасности, Генеральная ассамблея призывает Объединённые нации к расширению

международного сотрудничества на указанной выше основе, избегая ненужной регламентации и формализма в деятельности своих органов и содействуя развитию практических достижений в политическом, экономическом и культурном сотрудничестве между народами.

3. Принимая во внимание, что принцип единогласия постоянных членов Совета безопасности при принятии советом решений является важнейшим условием обеспечения эффективности действий организации Объединённых наций в развитии сотрудничества между народами и в поддержании международного мира и безопасности, Генеральная ассамблея выражает уверенность, что в будущем Совет безопасности соответственно будет учитывать опыт своей работы в течение предыдущего периода, применяя в необходимых случаях метод консультации и стремясь к облегчению возможности принятия согласованных решений.

"Известия" № 286 (9816)
от 3 декабря 1948 г.

(Спец. корр. ТАСС)

ВЫСТУПЛЕНИЕ ДЕЛЕГАТА СССР Я. А. МАЛИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОМИТЕТЕ

(6 декабря)

Выступая в Политическом комитете в прениях по предложению делегации Чехословакии о приглашении к участию в обсуждении корейского вопроса представителей правительства Корейской народно-демократической республики, делегат СССР Я. А. Малик привлёк внимание комитета к тому манёвру, который применил делегат США Даллес, чтобы помешать обсуждению этого вопроса. С этой целью Даллес заявил, будто чехословацкий проект уже был отклонён, и процитировал в доказательство выдержку из «Журнала Генеральной ассамблеи» — официального органа Ассамблеи.

Малик напомнил, что ещё в ноябре чехословацкая делегация поставила на заседании Политического комитета вопрос о необходимости заранее обсудить её предложение о приглашении представителей Корейской народно-демократической республики. Ввиду возражений делегаций США и ряда других стран комитет решил, что это предложение должно быть обсуждено тогда, когда начнётся обсуждение корейского вопроса. Однако «Журнал» в номере от 16 ноября сообщил, будто комитет решил отклонить проект резолюции, представленный делегацией Чехословакии.

— Что это, — спросил Малик, — ошибка или подлог? Было ли это ошибкой редактора «Журнала» или это было ему подсказано? Учитывая тот факт, что представитель США пытался сегодня ссылаться на это сообщение, я начинаю сомневаться в объективности официального «Журнала», если он допускает такие «ошибки».

Малик указал, что в следующем номере «Журнала» появилось исправление. Было указано, что комитет отклонил предложение чехословацкой делегации обсудить вопрос о приглашении представителей Корейской народно-демократической республики до начала обсуждения корейского вопроса.

Однако, — сказал Малик, — г-н Даллес, говоря сегодня о первом сообщении «Журнала», умолчал об исправлении. Почему г-ну Даллесу потребовалось заявлять официально, что комитет уже рассмотрел этот вопрос, отклонил его и решил к нему не возвращаться?

Малик подчеркнул, что этот манёвр Даллеса является не случайным. Цель этого манёвра — не допустить представителя Корейской народно-демократической республики. Даллес боится услышать голос подлинных представителей корейского народа.

Перейдя к проекту резолюции, предложенному чехословацкой делегацией, Малик заявил:

— Те, кто внимательно читал материалы временной комиссии ООН по Корею, не могли не заметить, что весь корейский народ решительно выступал против проведения сепаратных выборов в Южной Корею.

Не только левые, но и правые политические партии Южной Кореи во главе с видными правыми деятелями Ким Ку и Ким Гю Сиком также решительно выступали против этих выборов и бойкотировали их. В феврале этого года оба эти деятеля правого лагеря изложили перед комиссией свой план созыва конференции политических партий и общественных организаций Юга и Севера Кореи, чтобы добиться разрешения двух важнейших задач: скорейшего вывода иностранных войск из Кореи и создания единого правительства на основе всеобщих выборов. Этот план был впоследствии осуществлён, причём, как явствует из материалов комиссии, она не только не возражала против этого плана, но отнеслась к нему благосклонно.

Представители политических партий и общественных организаций Северной Кореи в лице виднейших представителей Ким Ир Сена и Ким Ду Бона также предлагали созыв такого совещания.

Инициатива Ким Ку и Ким Гю Сика нашла широкий отклик среди общественности Южной Кореи. 19 апреля 1948 года состоялась общекорейская конференция с участием представителей 56 политических партий и общественных организаций, представляющих подавляющее большинство общественности Юга и Севера Кореи. В этом общекорейском совещании участвовали представители политических партий и общественных организаций, объединяющих свыше 10 миллионов человек. В конференции не приняли участия только две крайне правые реакционные группировки: так называемая партия «Ханкук», которая является политической опорой американской военной администрации в Южной Корею, и клика американской мафионетки Ли Сын Мана. Эти две крайне правые реакционные группы, заполненные японскими коллаборационистами (т. е. людьми, тесно связанными с японцами во время их господства в Корею.— *Ред.*), не приняли участия в общекорейском совещании, подчиняясь приказу военной администрации США и боясь встречи с представителями

корейской общественности. Общекорейское совещание в обращении к корейскому народу изложило свою политическую платформу и заявило, что оно решительно возражает против проведения сепаратных выборов в Южной Корее. Оно обратилось также к правительствам США и СССР с просьбой немедленно вывести иностранные войска из Северной и Южной Кореи.

Вслед за этим в конце апреля было созвано совещание руководителей 33 политических партий и общественных организаций с участием Ким Ир Сена, Пак Хен Ена, Ким Ду Бона, Ким Ку и Ким Гю Сика. На этом совещании была выработана и опубликована декларация, предусматривающая в качестве политической программы немедленный вывод иностранных войск из Кореи, созыв общекорейского съезда для образования временного демократического правительства и проведения на основе прямого, равного и всеобщего избирательного права при тайном голосовании всеобщих выборов в законодательный орган.

Малик указал, что военная администрация США в Корее, вопреки ясно выраженной воле корейского народа в лице подавляющего большинства политических партий и общественных организаций, провела сепаратные выборы в Южной Корее. Судя по заявлениям австралийского и китайского представителей во временной комиссии ООН по Корее, военная администрация США в Корее во что бы то ни стало стремилась провести эти выборы и обеспечить господствующее положение в избранном органе представителей крайне правых реакционных партий «Ханкук» и клики Ли Сын Мана, что и было обеспечено в результате выборов. Та часть комиссии ООН, которая угодничала перед американской военной администрацией, настояла на том, чтобы комиссия приняла участие в этих незаконных выборах. Выборы проходили в условиях свирепого политического гнёта и репрессий.

На комиссию оказал давление межсессионный комитет, а на межсессионный комитет оказали давление представители США в нём. Малик назвал членов комиссии, которые особенно настаивали на участии в сепаратных выборах. Это представитель Филиппин, представители Сальвадора и Китая, а также представитель Индии.

Таким образом, сказал Малик, решение об участии в выборах было принято голосами четырёх членов комиссии, два члена из девяти голосовали против, два воздержались, а один вообще не принял участия в голосовании. Решение большой принципиальной важности принималось в комиссии простым голосованием в нарушение всех общепринятых правил процедуры — лишь бы только провести выборы в Южной Корее, угодные американской администрации. Из материалов комиссии видно, что сам командующий оккупационными войсками в Южной Корее генерал Ходж заявил, что, по его мнению, гарантировать свободные выборы невозможно. Несмотря на это, комиссия ООН и межсессионный комитет приняли решение о проведении этих выборов.

Малик указал, что такие действия наносят удар по авторитету и престижу ООН.

Малик заявил далее, что было бы странно и наивно со стороны политических партий, участвовавших в общекорейской конференции и опубликовавших указанную декларацию, сидеть сложа руки и смотреть, какой произвол учиняется военной администрацией США под прикрытием ООН в отношении их собственного народа. Вполне естественно, что эти организации приняли нужные меры. Было проведено второе общекорейское совещание представителей политических партий и общественных организаций, принявшее решение о проведении общекорейских выборов на севере Кореи и на юге Кореи. В Северной Корее эти выборы были проведены в нормальном порядке, а на юге тайно, на двухступенной основе: были избраны представители южнокорейского народа, которые затем собрались и избрали представителей в Общекорейское верховное национальное собрание. Эти выборы явились свободным волеизъявлением корейского народа. На съезд народных представителей Южной Кореи было избрано 1080 делегатов, однако прибыло только 1002 делегата, ибо 48 делегатов были арестованы американской администрацией, а 30 погибли в пути. Они были убиты или южнокорейской полицией, или американскими войсками. 25 августа съезд избрал тайным голосованием 360 депутатов от Южной Кореи в Верховное народное собрание. В Северной Корее в это собрание было избрано 212 депутатов.

Малик привёл данные, показывающие, что депутаты Верховного народного собрания Кореи представляют широкие слои корейского народа. На первой сессии этого Народного собрания была единогласно утверждена конституция и сформировано правительство Корейской народно-демократической республики. Малик подчеркнул, что все эти факты свидетельствуют о том, что корейский народ создал верховные органы власти, представляющие население как Южной, так и Северной Кореи.

Напомним о том, что 2-я сессия Генеральной ассамблеи в резолюции от 14 ноября 1947 года постановила пригласить избранных представителей корейского народа к участию в рассмотрении вопроса о независимости Кореи, Малик сказал, что такими избранными представителями всего народа Кореи являются только делегаты правительства Корейской народно-демократической республики. Малик заявил, что, исходя из всего изложенного, советская делегация поддерживает предложение Чехословакии о приглашении для участия в обсуждении корейского вопроса на Генеральной ассамблее представителей правительства Корейской народно-демократической республики.

Затем Малик перешёл к изложению точки зрения советской делегации на предложение делегации Китая о том, чтобы в качестве корейских представителей были приглашены представители так называемого южнокорейского правительства. Факты и документы, содержащиеся в материалах комиссии ООН, сказал Малик, свидетельствуют о полном отсутствии условий для проведения свободных выборов в Южной Корее. Это признали и подтвердили верховный судья Южной Кореи, видные правые деятели Ким Ку и Ким Гю Сик, а также многочисленные представители различных общественных

организаций Южной Кореи. Все эти материалы показывают, что Южная Корея превращена в полицейское государство, что вся власть находится в руках полиции, контролируемой американской администрацией, что командные должности в полиции от лейтенанта и выше на 53 процента занимают бывшие чиновники японской колониальной полиции в Корее, что корейская полиция заполнена коллаборационистами, что на ответственных гражданских должностях также находятся многие коллаборационисты. В этих условиях осуществляются жесточайшие гонения и репрессии против демократических организаций и демократических деятелей. Комиссия ООН отметила в своих выводах, что подавляющее большинство демократических деятелей находится либо в тюрьмах либо под арестом или следствием. Сам начальник южнокорейской полиции является членом партии «Ханкук», тесно связан с её руководством и с кликой Ли Сын Мана. Эта партия и клика Ли Сын Мана, опирающиеся на поддержку полиции, заняли в результате выборов, проведённых 10 мая, господствующее положение в составе южнокорейского собрания. Эти выборы были проведены насильственным путём в условиях полицейского гнёта и репрессий и, следовательно, фальсифицировали волю избирателей.

Малик сказал, что об этом свидетельствуют материалы самой комиссии ООН. Согласно меморандуму бригадного генерала США Векерлинга, за период с 7 февраля по 14 мая, когда готовились и были проведены отдельные выборы в Южной Корее, было ранено 758 и убито 416 человек.

Не все члены комиссии ООН были согласны с её утверждениями о том, будто выборы происходили свободно. Так, представитель Сальвадора заявлял ещё до выборов, что создание правительства только в южной части Кореи не соответствует резолюции Генеральной ассамблеи. Представитель Индии указывал, что правительство, если бы оно было избрано только в южной части Кореи, нельзя было бы назвать национальным в политическом смысле этого слова, поскольку оно не выражало бы волю народа в целом. Он добавил, что сомнительно, отражало ли бы оно волю народа и Южной Кореи.

Канадский представитель заявил, что при настоящих условиях невозможно создать национальное правительство и что проведение выборов только в Южной Корее будет незаконным. Такой же позиции придерживался и представитель Франции. Однако, несмотря на всё это, комиссия четырьмя голосами из 9 (учитывая, что один член не принимал участия в её работе) решила судьбу южнокорейского народа.

Малик заявил в заключение, что материалы комиссии дают полное основание считать, что выборы в Южной Корее производились в обстановке, исключающей возможность свободного волеизъявления избирателей, и поэтому не могут быть признаны законными. Вследствие этого и власти, созданные в Южной Корее в результате фальсифицированных антидемократических выборов, не могут считаться законным представительством населения Южной Кореи. В силу этого советская делегация возражает против приглашения

представителей сеульских властей для участия в обсуждении корейского вопроса, ибо эти власти не представляют ни всего корейского народа, ни народа южной части Кореи и не могут принимать участия в обсуждении его судьбы.

„Известия“ № 290 (9820)
от 8 декабря 1948 г.

(Спец. корр. ТАСС)

О ПРИЁМЕ НОВЫХ ЧЛЕНОВ В ОРГАНИЗАЦИЮ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ООН

(8 декабря)

1. ПРОТИВ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ ДИСКРИМИНАЦИИ

Перед Генеральной ассамблеей вновь стоит вопрос о приёме новых членов. Этот вопрос имеет свою историю. Он стоял перед Генеральной ассамблеей уже в прошлом году, когда Ассамблея сочла необходимым, вопреки возражениям делегации Советского Союза и ряда других делегаций, получить по этому вопросу консультативное заключение Международного суда. Теперь Ассамблее предстоит вновь заняться этим вопросом, рассмотрев также полученное от Международного суда консультативное заключение и одновременно доклад Политического комитета *ad hoc* (для этой цели), который также занимался этим вопросом. Кроме того, Генеральной ассамблее предстоит рассмотреть и определить своё отношение к представленным комитетом *ad hoc* проектам резолюций по отдельным кандидатам, претендующим на принятие в состав членов организации Объединённых наций.

Таким образом, объём работы, стоящей перед Генеральной ассамблеей, оказывается довольно значительным.

Уже в прошлом году делегация СССР возражала против обращения в Международный суд за получением консультативного заключения. Советская делегация исходила при этом из того соображения, что Международный суд не уполномочен давать такого рода заключения. Устав совершенно точно и определённо указывает на то, что Международный суд может давать заключения по юридическим вопросам, по вопросам правового характера. Но не может быть никакого сомнения, что вопрос о приёме новых членов в организацию Объединённых наций, имеющий политическое значение, является политическим вопросом.

Однако, преследуя цель использовать авторитет Международного суда для того, чтобы подкрепить позицию тех делегаций, которые превратным толкованием статьи 4 устава добивались оправда-

ния своего отказа принять в организацию Объединённых наций такие государства, как Албания, Болгария, Венгрия, Румыния и Монгольская Народная Республика, большинство Генеральной ассамблеи настояло на своём. В отношении именно этих государств ряд делегаций во главе с делегациями США и Великобритании не первый год уже проводит политику, которую справедливо здесь, а ещё раньше в комитете ad hoc мы называли политикой дискриминации в отношении некоторых государств, которым отказывают в приёме, в поддержке их просьбы о приёме в состав организации Объединённых наций, — дискриминации, которая становится тем более очевидной и тем более подчеркнутой, что в это же самое время эти же делегации упорно добиваются того, чтобы были приняты в состав организации Объединённых наций другие государства. Между тем некоторые из них, например Ирландия, Португалия, Трансйордания, не имеют для этого достаточных оснований, о чём уже много говорилось и на чём я сейчас не считаю нужным останавливаться, а другие государства, во всяком случае, имеют не больше оснований, чем пять государств, перечисленных мною выше, получающих систематически отказ в приёме их в члены организации Объединённых наций.

Делегация СССР неизменно возражала и продолжает возражать против такой политики, так как это политика дискредитации одних государств, непотизма, фаворитизма, кумовства, по-русски говоря, по отношению к другим государствам. Вот против такого различного отношения к одним и к другим государствам, против политики разделения претендентов на принятие в состав организации Объединённых наций на козлиц и овец, на удобных и неудобных, на любимых и ненавидимых, мы, делегация Советского Союза, и, как я полагаю, ряд других делегаций, стоящих на этой точке зрения, возражали и будем возражать. Мы будем против этого возражать, несмотря на всю демагогию, которую пускают в ход наши противники, несмотря на их демагогические крики о том, что мы требуем, чтобы в организацию Объединённых наций были приняты такие-то государства лишь в том случае, если будут приняты другие государства. Вопреки всем этим демагогическим крикам мы и впредь будем стоять на своей позиции против дискриминационной политики в отношении одних государств и политики фаворитизма, кумовства по отношению к другим государствам. Такая политика несовместима с принципами устава организации Объединённых наций. Такая политика несовместима и с требованиями той самой статьи 4, которая является сейчас центром нашего внимания, из-за которой был поднят на ноги даже Международный суд, хотя толку от этого получилось немного. Такой политике дискредитации и непотизма Советский Союз противопоставляет политику равного отношения ко всем государствам в вопросе их приёма в члены организации Объединённых наций, посколькo они удовлетворяют условиям и критериям, установленным статьёй 4 устава организации Объединённых наций.

Представители США и Великобритании, а также представители некоторых других поддерживающих их государств мотивируют свой отказ в приёме Болгарии, Румынии, Венгрии тем, что они не одобряют политики правительств этих стран, особенно их внешнюю

политику. Но такие мотивы отказа в приёме каких-либо государств в члены организации Объединённых наций порочны в самой своей основе, не только не имея ничего общего с принципами устава, но являясь грубым нарушением этих принципов.

И это сегодня мы вновь слышали из уст представителя США Коэна. Он повторил то, что уже говорил в комитете *ad hoc*. Дело дошло до того, что господа американские представители в качестве предварительного условия принятия в организацию Объединённых наций, например, Албании и Болгарии выставляют чисто политические требования, такие, как, например, прекращение помощи партизанам в Греции, хотя само это обвинение в помощи партизанам, как мы в этом могли уже убедиться во время прений по этому вопросу, в высокой степени сомнительно даже для тех, кто является противниками Албании и Болгарии.

В отношении Болгарии, в отношении Венгрии и Румынии американский представитель потребовал не больше и не меньше, как ликвидации этими правительствами, как он выразился, репрессивных мер в отношении лиц, обвиняемых в государственных преступлениях. Он указал на Петкова, на Лулчева. Но Петков был приговорён судом не за то, что использовал свободу печати, как здесь говорил г-н Коэн, а за шпионаж против своего государства, за измену своему народу, и был он приговорён на основе того самого закона 1945 года, который был издан в связи с требованием, предъявленным Болгарии мирным договором от 10 февраля, в силу которого Болгария обязана была принять энергичные меры против всякого рода фашистских организаций и их членов. Но, независимо от этого, это — внутреннее дело каждого государства, и организации Объединённых наций вмешиваться в такие дела не дано.

Мы не ставим на Генеральной ассамблее вопросов, касающихся внутренней жизни того или иного государства, и такие вопросы ставить запрещает и устав организации Объединённых наций. А тут говорят: отмените свою внутреннюю политику, уголовную политику, административную политику и действуйте так, как это нам, американцам, нравится, и вы будете приняты в организацию Объединённых наций.

В отношении Монгольской Народной Республики Коэн превзошёл самого себя, предъявив требование, чтобы эта республика доказала, что она действительно является независимым государством. Но как же можно доказать, что Монгольская Народная Республика является независимым государством, когда понятие о независимости у Коэна совершенно превратно, поскольку он считает, например, Трансильванию независимым государством. Но, независимо от того, как мы относимся к тому или иному кандидату, требовать того, что требует представитель США, это значит идти дальше, чем допускает статья 4 устава, горячим поклонником которой является г-н Коэн. Он дошёл до того, что потребовал от Албании, Болгарии, Венгрии, чтобы они представили доказательства своего желания вступить в члены организации Объединённых наций. Это уже напоминает печальную памяти практику сенатской комиссии в США по расследованию антиамериканской деятельности, требовавшей от остальных

граждан доказать, что они не ведут «антиамериканской» деятельности, но считавшей себя обязанной доказать, что эти граждане ведут «антиамериканскую» деятельность.

Имеются заявления ряда государств, в которых указывается, что они принимают на себя все обязательства по уставу и желают выполнять их, но тут выступает американский представитель и требует доказать, что это государство желает выполнять устав. Но никто не обязан этого доказывать. Докажите вы, что это государство не желает выполнять устав, тогда мы будем с вами разговаривать.

Однажды, когда во французском суде прокурор требовал от защитника, чтобы он привёл доказательства невиновности своего подзащитного, то защитник сказал: «Г-н прокурор, вы забываете, что защита не для того, чтобы доказывать невиновность своего подзащитного, это вы, г-н прокурор, здесь находитесь для того, чтобы доказать виновность моего подзащитного».

И здесь мы говорим: нельзя ставить так вопрос, как ставит его Коэн. Это недопустимая, я бы сказал — издевательская постановка вопроса, противоречащая духу и принципам устава.

Оказывается, государство, желающее быть принятым в члены организации Объединённых наций, должно доказать, что оно действительно желает этого. Разве всё это не означает, что здесь устанавливается дискриминация по отношению к ряду государств? Разве всё это не доказывает, что здесь подходят с точки зрения лицепрятия, недружелюбия, пристрастия, стремления во что бы то ни стало отклонить этих кандидатов, хотя все требования, которые к ним предъявляются, не имеют ничего общего с тем, что указано в уставе.

Советская делегация исходит из того, что ни одному государству не может быть отдано предпочтение в приёме в организацию Объединённых наций перед любым другим государством, если каждое из них удовлетворяет всем условиям и требованиям, обозначенным в уставе. Делегация СССР исходит из принципа: никакой член организации Объединённых наций не имеет права и не может поэтому настаивать на принятии в организацию Объединённых наций одних государств и отказывать другим, если они удовлетворяют условиям, установленным уставом. Нельзя допускать политику дискриминации в отношении одних государств и покровительства, кумовства в отношении некоторых государств, имеющих не больше прав и оснований для приёма в члены организации, чем другие государства.

Поскольку, однако, ряд делегаций, во главе с представителями США и Англии, упорно стремится проводить именно такую политику, используя своё большинство в Совете безопасности, делегация СССР неизбежно должна была голосовать во всех соответствующих случаях против предложений, продиктованных такой политикой. Поступая таким образом, делегация СССР выступает в защиту принципов организации Объединённых наций, в защиту прав тех государств, права которых так беззастенчиво попирались и продолжают попираяться так называемым большинством, преследующим цели, не имеющие ничего общего с целями и принципами организации Объединённых наций.

Делегация СССР в вопросе о приёме в члены организации Объединённых наций исходила из недопустимости использовать такой акт, как приём в организацию Объединённых наций, для политического давления на заинтересованные государства.

Делегация СССР в вопросе о приёме новых членов организации Объединённых наций исходит, таким образом, из того, что невозможно, нельзя, незаконно, неправильно, противоречит уставу, нарушает устав, искажает принципы устава предъявлять какие-либо требования политического характера как предварительное условие, выполнение которого может открыть путь в организацию Объединённых наций.

Делегация СССР исходила при этом также из того, что государства, подписавшие мирные договоры с Болгарией, Венгрией, Румынией, взяли на себя по этим договорам обязательство оказать им содействие в приёме в члены организации Объединённых наций. Может быть, нелишне также напомнить, что в Потсдамском соглашении также содержится обязательство великих держав поддержать пять государств, с которыми были заключены впоследствии мирные договоры, в их просьбах о принятии в члены организации Объединённых наций.

Всё это убедительно доказывает, как неправомерны, незаконны действия представителей, например, Соединённых Штатов Америки и Великобритании, отказывающихся в приёме в организацию Объединённых наций Болгарии, Венгрии, Румынии. Не менее незаконны и полны произвола действия США и Великобритании, отказывающихся в приёме и таким миролюбивым государствам, внесшим свой замечательный вклад в дело борьбы демократических стран против германского фашизма и понёсшим немало жертв в этой борьбе, как Албания и Монгольская Народная Республика.

При всех этих обстоятельствах можно лишь выразить крайнее удивление, что вопрос о принятии указанных пяти государств в состав организации Объединённых наций до сих пор не получил своего положительного разрешения и оказался столь запутанным и осложнённым всякого рода посторонними политическими мотивами, в противоречии с принципами устава.

Большинство комитета *ad hoc* под руководством представителей США и Великобритании продолжало в этом вопросе порочную практику англо-американского блока в Совете безопасности. Этим надо объяснить, что в комитете *ad hoc* по инициативе австралийской делегации приняли целый ряд проектов резолюций, рекомендующих Совету безопасности пересмотреть заявления таких стран, как Португалия, Трансвааль, Ирландия, Австрия, Италия, Финляндия и Цейлон, добывающихся приёма в состав организации Объединённых наций, и в то же время совершенно умалчивающих об Албании, Болгарии, Венгрии, Румынии, Монгольской Народной Республике. Принятие большинством комитета *ad hoc* этих резолюций означает, что большинство делегаций попрежнему намерено игнорировать законные требования кандидатов, имеющих все основания для приёма в члены организации Объединённых наций. Это означает намерение большинства указанных делегаций попрежнему поддерживать поли-

тику дискриминации в отношении одних государств и политику фаворизма в отношении других государств.

Делегация СССР считает это неправильным, противоречащим принципам и постановлениям устава, в силу чего она голосовала против этих предложений и будет настаивать на отклонении этих предложений также Генеральной ассамблеей.

2. НЕУДАВШАЯСЯ ПОПЫТКА ОБОЙТИ УСТАВ •

В комитете *ad hoc* аргентинская делегация предложила, чтобы вопросы о приёме новых членов рассматривались Ассамблеей независимо от того, имеется ли положительная рекомендация Совета безопасности. Аргентинский представитель даже пытался утверждать, что устав вовсе не предусматривает обязательных положительных рекомендаций Совета безопасности как условия для того, чтобы вопрос о приёме новых членов мог быть поставлен на рассмотрение Генеральной ассамблеи.

Аргентинская делегация исходила из того соображения, что якобы в уставе, а именно в статье 4 устава, не говорится о том, что Генеральная ассамблея рассматривает вопрос о приёме новых членов в случае положительной рекомендации Совета безопасности, но говорится, что она рассматривает этот вопрос по получении вообще рекомендации. Из этого аргентинский делегат делает вывод, что, следовательно, может быть любая рекомендация, хотя бы и отрицательного характера. Но аргентинский представитель забыл, конечно, или недоучёл того обстоятельства, что если нет положительной рекомендации, то нет вообще решения Генеральной ассамблеи. Это совершенно авторитетно разъясняет правило 125 процедуры Генеральной ассамблеи, которое не оставляет никакого сомнения в том, что ни о какой отрицательной рекомендации речи быть не может, тем более, что по поводу отрицательных рекомендаций говорится в правиле 126 правил процедуры Генеральной ассамблеи.

Поэтому надо просто удивляться такому бесцеремонному обращению с правилами процедуры и с уставом, которое взяла уже за правило для себя аргентинская делегация, чтобы утверждать такие экстравагантные, несуразные вещи, выдумывая такую чепуху, что будто бы Генеральная ассамблея может рассматривать вопрос о приёме новых членов даже тогда, когда нет положительной рекомендации, т. е. вообще нет рекомендации Совета безопасности.

Смысл всего этого предложения аргентинского представителя совершенно ясен. Ведь по пункту 3 статьи 27 устава все вопросы непроцедурного характера — а следовательно, и вопрос о приёме новых членов — должны решаться не просто семью голосами, а должны решаться семью голосами, включая 5 совпадающих голосов всех постоянных членов Совета безопасности. Аргентинское предложение и направлено было против этого принципа. Оно было направлено против принципа единогласия, оно было направлено на то, чтобы элиминировать (т. е. устранить.— *Ред.*) этот принцип и поставить

Совет безопасности в совершенно иное положение, абсолютно не оказывающее и не способное оказывать никакого влияния на решение вопроса о приёме новых членов.

Однако это предложение Аргентины, ввиду слишком очевидной экстравагантности, необоснованности и несоответствия уставу, не было поддержано в комитете. Зато другое предложение Аргентины встретило поддержку большинства комитета. Это предложение поддержал, в частности, и представитель Соединённых Штатов Америки, который назвал его многообещающим актом. Между тем это — предложение, сводящееся к тому, чтобы считать рекомендацию принятой, или считать данное постановление рекомендацией, если она соберёт в Совете безопасности 7 голосов, хотя бы не включая в число этих семи голосов совпадающих голосов пяти постоянных членов. Но без этого условия, наличия совпадающих голосов в Совете безопасности, нет вообще решения Совета безопасности, нет, следовательно, и рекомендации.

Аргентинское предложение, чтобы Генеральная ассамблея могла рассматривать и решать вопрос о приёме новых членов безотносительно к тому, имеется или не имеется положительная рекомендация Совета безопасности, а также без учёта того, принято ли Советом безопасности такое решение 7 голосами, включая совпадающие голоса постоянных членов, представляет собой грубое и беззастенчивое нарушение устава, представляет собой грубое и беззастенчивое нарушение того порядка приёма новых членов, который установлен уставом. По существу же это предложение направлено на то, чтобы обесценить роль Совета безопасности в решении такого вопроса, как приём новых членов.

В самом деле, если Генеральная ассамблея может рассматривать вопрос о приёме новых членов и без положительной рекомендации Совета безопасности, — иначе говоря, без рекомендации Совета безопасности, что совершенно противоречит уставу, — то в таком случае к чему же сводится значение Совета безопасности в вопросе о приёме новых членов? Не ясно ли, что в этом случае Совет безопасности теряет всякое своё значение, ибо его значение в этом вопросе тем и объясняется, что Генеральная ассамблея не может рассматривать вопрос о приёме тех или других новых членов, не имея рекомендации Совета безопасности о том, что эти кандидаты рекомендуются быть принятыми в состав организации Объединённых наций.

Принятие аргентинского предложения означало бы не что иное, как превращение рекомендации Совета безопасности в пустую формальность, лишённую всякого практического, да и вообще всякого содержания.

Такое предложение, как это указывалось и в комитете, находится в прямом и полном противоречии и с уставом, и с правилами процедуры Генеральной ассамблеи, и с той практикой, которая уже установилась за эти три года в этом вопросе.

Но почему я останавливаюсь на этом предложении Аргентины? Потому, что это предложение Аргентины симптоматично. Оно явилось не случайным фактом — эпизодом, оно явилось проявлением того похода против Совета безопасности и против принципа единогласия,

лежащего в основе всей деятельности совета, который сейчас осуществляется уже не первый год на глазах всего мира.

Ведь, в сущности говоря, отрицая значение для Генеральной ассамблеи рекомендации Совета безопасности по вопросу о приёме новых членов, сторонники этого предложения отрицают значение и Совета безопасности. Отсюда один шаг до того, чтобы вообще отказаться от рекомендаций Совета безопасности, а следовательно, устранить влияние Совета безопасности на решение вопросов о приёме новых членов, какое сейчас осуществляет Совет безопасности, опираясь на соответствующие положения устава, осуществляя при- своиственные ему уставом права, обязанности, полномочия.

Аргентинское предложение было сработано, надо отдать ему справедливость, с откровенной грубостью или с грубой откровенностью и носило столь открытый характер удара по Совету безопасности, что даже у сторонников этого предложения нехватило решимости поддержать Аргентину, и аргентинская попытка разъяснить понятие «рекомендации» путём уничтожения всякого значения этого слова провалилась.

Тем не менее эта попытка заслуживает, по основаниям, которые я только что назвал, серьёзного внимания. Аргентинский путь борьбы против Совета безопасности, против принципа единогласия и, раньше всего, в вопросе о приёме новых членов, аргентинский путь в данных условиях оказался слишком откровенным, и поэтому его пришлось оставить. Но нашёлся другой путь — путь, на котором, по мнению тех, кто его открыл, можно добиться тех же результатов, так же ослабить значение и роль Совета безопасности в вопросе приёма новых членов в организацию Объединённых наций и подготовить почву для того, чтобы, может быть, если не на четвёртой, то на пятой сессии Генеральной ассамблеи уже поставить открыто и прямо вопрос о том, чтобы лишить Совет безопасности какого бы то ни было права давать свои рекомендации Генеральной ассамблее. Как говорится, мы-де «сами с усами» — и обойдёмся без содействия совета и помощи других каких бы то ни было органов.

Ведь мы должны признать, что сейчас делаются всякого рода подготовительные шаги, предпринимаются всякого рода подготовительные меры к тому, чтобы не только лучше и более эффективно атаковать через некоторое время принцип единогласия в Совете безопасности, но чтобы его и вовсе уничтожить. Об этом откровенно говорят: для этого не пришло, мол, ещё время, но оно зреет, оно придёт. Впрочем, об этом вопросе мы ещё будем говорить, если наша Генеральная ассамблея дотянет до рассмотрения вопроса о так называемом «вето». С политической точки зрения это одна линия, с политической точки зрения это не разные вопросы, это одни и те же вопросы, звенья одной и той же политической цепи, в которую хотят заковать сейчас нашу организацию, лишить её свободы политического действия, которая соответствует её достоинству высокого международного органа.

3. ЗАГОВОР ПРОТИВ УСТАВА

Межсессионный комитет прямо рекомендует при решении вопроса о приёме удовлетвориться семью голосами и не обращать внимания на голоса постоянных членов Совета безопасности. Принятые по предложению Соединённых Штатов Америки, Англии, Франции и Китая комитетом *ad hoc* решения рекомендуют дословно: «Всем постоянным членам Совета безопасности, чтобы они добивались соглашения между собой о том, при каких возможных решениях Совета безопасности они могут не использовать своего права «вето», когда семь положительных голосов уже было подано в совете, оказывая предпочтение тому списку решений, которые содержатся в приложении 2, в части 4 доклада межсессионного комитета».

Если вы обратитесь к этому приложению 2 части 4 доклада межсессионного комитета, то вы увидите там на одном из первых мест: «Решения о приёме новых членов».

Что же мы имеем, перед чем же мы сейчас стоим? Мы стоим сейчас перед таким фактом, когда, прикрывая незаконные действия незаконного межсессионного комитета, четыре великие державы, постоянные члены Совета безопасности организации Объединённых наций, на которых возложена основная ответственность блюсти неприкосновенность, силу и святость нашего устава, приглашают Генеральную ассамблею принять решение, по которому они должны сговориться, как бы лучше нарушить устав.

Нам говорят, что нужно сговориться между собой о том, чтобы оставить в стороне совпадающие голоса пяти постоянных членов Совета безопасности и договориться между собой о порядке сговора за спиной устава, как лучше нарушать устав.

В принятой комитетом резолюции по предложению указанных государств рекомендуется нарушить это правило. Рекомендуется постоянным членам Совета безопасности добиваться соглашения о том, чтобы при приёме новых членов не считаться с голосами постоянных членов.

Но чем же это отличается от рекомендации межсессионного комитета или от предложений аргентинской делегации?

Ничем.

Но нужно обратить внимание ещё на следующее обстоятельство. Я уже сказал отчасти об этом. Ведь такая рекомендация — незаконная, господа делегаты, незаконная. Статья 27, пункт 3, указывает, как я сказал, что решения Совета безопасности по всем вопросам, кроме процедурных, считаются принятыми, когда за них поданы семь голосов членов совета, включая совпадающие голоса всех постоянных членов совета.

Вопрос о приёме новых членов не может рассматриваться в качестве процедурного вопроса, так как понятие о процедуре носит совершенно определённый характер, и было бы абсолютно недопустимо принимать такое расширительное толкование, при котором стиралась бы всякая грань, отделяющая процедурные вопросы от непроцедурных. Совершенно естественно, что нельзя соглашением постоянных членов между собой искусственно относить к процедур-

ным вопросам вопросы непроцедурные. Это было бы уже само по себе грубым искажением устава.

Сама резолюция комитета ad hoc — я имею в виду документ 24/20 от 26 ноября этого года — рекомендует постоянным членам договариваться о том, при каких возможных решениях Совета безопасности они могут не использовать своего права «вето».

Значит, здесь имеются в виду вопросы, при которых должно было быть применено право «вето», т. е., иначе говоря, имеются в виду непроцедурные вопросы. Но если дело идет о непроцедурных вопросах, то, в соответствии с уставом, какой же порядок голосования при решении этих вопросов нужно применять? Не тот, который указан во 2-м пункте статьи 27, относящейся к процедурным вопросам, а тот порядок, который указан в пункте 3 статьи 27. А статья 27 говорит, что решения Совета безопасности считаются принятыми тогда, когда в эти семь голосов входят пять голосов постоянных членов Совета безопасности. Если в Совете безопасности все сговорятся принимать решения по каким-либо вопросам без наличия совпадающих голосов постоянных членов, то это будет незаконное решение, т. е. вовсе не будет решением. Спрашивается: законным ли будет такой сговор с точки зрения устава?

На это может быть отрицательный ответ. И каждый не член Совета безопасности получит в таком случае полное право прийти к нам и сказать: «Вы приняли решение в Совете безопасности семью голосами без совпадающих голосов постоянных членов».

Это не соответствует правилам устава, который считает принятыми только те решения, которые принимаются большинством семи, включая голоса постоянных членов. Следовательно, решение, принятое, хотя бы по взаимному соглашению между пятью постоянными членами Совета безопасности, не применяя принципа единогласия, установленного в пункте 3 статьи 27, является незаконным, лишено всякой юридической силы. Ни один член организации не может после этого считаться — хотя бы морально — с такого рода решением, ибо принятыми решениями в Совете безопасности считаются только те решения по вопросам непроцедурного характера, которые приняты семью голосами, включая в это число пять голосов всех постоянных членов Совета безопасности. Это — важное условие, но этого условия в данном случае не будет.

Генеральная ассамблея не вправе давать подобную рекомендацию своим членам, так как такая рекомендация означала бы решение по сговору между собой нарушать устав. Достаточно только поставить этот вопрос, чтобы была очевидна полная произвольность такого решения, полное неуважение к уставу, полная ничтожность, с юридической точки зрения по крайней мере, самой такой рекомендации Генеральной ассамблеи.

Никакая рекомендация, которая будет направлена на то, чтобы призвать каких-то членов организации сговориться между собой для нарушения устава, не может быть признана законной. С такой рекомендацией нельзя считаться, с ней никто из нас считаться не может, хотя бы она и была принята большинством голосов. Такая рекомендация означала бы изменение устава. А между тем Генеральная

ассамблея не вправе менять устав. Для этого установлен особый порядок. Для этого установлен специальный порядок в статье 109 устава.

Согласно этому порядку, для пересмотра устава должна быть созвана генеральная конференция всех членов организации, причём изменение, рекомендованное двумя третями голосов, должно быть ратифицировано участниками этой конференции, тоже двумя третями, включая всех постоянных членов Совета безопасности и, как сказано ещё в уставе, действующих «в соответствии с их конституционной процедурой».

Вы хотите, господа, менять устав. У вас есть легальный путь. У вас есть путь закона, путь, установленный самим уставом. Если это изменение будет принято, оно будет обязательно, оно будет морально обязательно, оно будет юридически обосновано.

Но вы хотите внести изменение в устав, нарушая этот устав.

Г-н Арсе из Аргентины говорил в комитете, что самая статья 109 может быть изменена. Правильно, г-н Арсе, но вы должны раньше всего её изменить, чтобы не сослаться на неё, чтобы считать себя свободным от всех обязательств, которые 109-я статья устава на вас налагает.

Извольте эту статью изменить, потом сослаться на внесённые в неё изменения.

Какой политический смысл имеет пункт 2 резолюции комитета ad hoc, предложенный на утверждение Генеральной ассамблеи? Политический смысл этого пункта один — свести на нет роль Совета безопасности в деле приёма новых членов, практически осуществить уничтожение принципа единогласия, к чему стремятся враги этого принципа, т. е. смысл в том, чтобы, в сущности говоря, вынуть из фундамента нашей организации краеугольный камень, на котором держится вся организация Объединённых наций.

Делегация Советского Союза стояла, стоит и будет стоять непоколебимо за сохранение принципов устава, отвергая самую возможность подобного сговора, который правильнее было бы назвать не сговором, а заговором против устава организации Объединённых наций, против организации Объединённых наций.

4. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ТАК НАЗЫВАЕМОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА

Комитет ad hoc принял также резолюцию, рекомендующую Совету безопасности и Генеральной ассамблее при приёме новых членов действовать в соответствии с заключением Международного суда от 28 мая 1948 года. Делегация СССР уже обращала внимание комитета на то, что говорить о консультативном заключении Международного суда оснований нет. В действительности Международный суд оказался не в состоянии представить своё заключение, поскольку по ряду весьма важных вопросов, стоявших перед судом, он не собрал необходимого большинства. Поэтому так называемое консультативное заключение представляет собою лишь мнения отдельных

групп судей — членов Международного суда. Это можно доказать несколькими фактами.

Раньше всего надо обратиться к следующему факту. Консультативное заключение подписано девятью судьями. Но девять судей, нам скажут, из пятнадцати всегда составляют большинство. Это верно. В том, что касается вопросов небольшого принципиального значения, мы имеем действительно заключение, подписанное девятью членами суда, т. е. большинством суда. Однако в числе этих девяти судей имеется двое судей, которые не присоединились к мнению остальной семёрки по вопросам, являющимся основными. Без ответа на эти вопросы, в сущности говоря, нет консультативного заключения. Но именно по этим вопросам нет согласованного ответа этих девяти судей, а имеется ответ или заключение только семи судей. А семь из пятнадцати никогда не составляют большинства ни по каким арифметикам.

Эти двое судей — представители латино-американских стран, профессора Альварес и Асеведо, которые хотя и подписали консультативное заключение в числе девяти судей, но сделали оговорку об особом своём мнении, причём это особое мнение высказано по весьма важным и серьёзным вопросам, которые не могут не интересовать Генеральную ассамблею.

Таким образом, мнение девяти судей по этим вопросам превращается в мнение семи судей.

Но этим дело ещё не кончается. Мы имеем в числе этих пятнадцати судей другую группу судей в лице четырёх членов Международного суда, людей, достаточно известных в международном праве и в международной судебной практике. Это — представитель Франции проф. Бадеван; это — представитель Великобритании проф. Макнейр; это — представитель Канады Рид; это — представитель Польши Винярский. Эти люди представили своё особое мнение, которое расходится с указанной семёркой по всем важным вопросам, сколько-нибудь носящим серьёзный юридический или политический характер. К этой четвёрке примкнули представитель Советского Союза проф. Крылов и представитель Югославии проф. Зоричич. Получилось шесть.

По ряду важных политических вопросов к этим шести примкнули Альварес и Асеведо. Таким образом, получилось уже восемь голосов.

Поэтому, хотя и имеется заключение, подписанное девятью членами, если взять из этого заключения важные, политические вопросы, то получается, что другое мнение поддерживают уже восемь судей, а группа в девять судей уменьшается до семи. Эту семёрку можно назвать большинством только при очень большой фантазии, только в том случае, если, кроме стоящих на бумаге подписей, ничего больше не видеть.

Вот почему мы говорим: нет заключения большинства Международного суда. Есть несколько заключений. Есть заключение одной группы; есть заключение другой группы, с разными оттенками. Но в основном эта группа из восьми членов Международного суда по важнейшим политическим вопросам единодушна.

Вот как обстоит дело не формально, а по существу с так называемым «большинством» Международного суда.

Поэтому делегация Советского Союза оспаривала и оспаривает сейчас попытку некоторых делегаций рассматривать мнения, представленные отдельными группами членов Международного суда, как консультативное заключение Международного суда.

Немалое значение при этом имеет и то обстоятельство, что четверо судей являются крупнейшими представителями международного права. Юристы, имена которых я назвал, — крупнейшие представители международного права. Они не нуждаются в похвалах, но для полной картины создавшегося положения то обстоятельство, что мнение так называемого меньшинства поддерживают крупные авторитеты в области международного права, имеет, мне кажется, значение. Разве это обстоятельство не обязывает вас насторожиться, отнестись к этому делу не с точки зрения простой техники голосования? Ведь было время, когда пытались голосованием опровергнуть Галилея. Однако всё-таки земля вертится.

Так обстоит дело с качественной стороной этого вопроса. Но в чём же, в сущности говоря, самый вопрос? Позвольте и на этом остановиться.

Основной вопрос, который вызвал разногласия в составе Международного суда, — это был вопрос о том, как рассматривать установленные статьёй 4 условия. Являются ли эти условия исчерпывающими — или, как говорят судьи, достаточными, — или лишь необходимыми, т. е. не исчерпывающими и допускающими использование при решении вопроса о приёме новых членов и каких-либо ещё дополнительных условий?

Часть членов Международного суда, которых иногда здесь именуют большинством, что, как я старался сейчас здесь показать, не соответствует действительности, признала, что статья 4 содержит достаточные условия, т. е. исчерпывающие, и что если в статье 4 не указано, какие это условия или критерии для решения вопроса о приёме новых членов, то нельзя никакими дополнительными критериями или условиями пользоваться. Но интересно отметить, что само большинство Международного суда, которое высказалось в этом духе, оказывается непоследовательным, так как эти же судьи в своём заключении признали, что хотя статья 4 и носит исчерпывающий характер, всё же — это их дословное заявление — «эта статья не исключает дискреционной оценки фактических обстоятельств, позволяющих проверить наличие требуемых условий». Статья 4, говорит большинство, не запрещает учитывать любые фактические обстоятельства, которые с полной обоснованностью и добросовестностью могут быть связаны с критериями и условиями этой статьи. Этот учёт, говорит так называемое большинство в своём консультативном заключении, не устраняет никакого политического соображения, могущего быть связанным с критериями или условиями, предъявляемыми при приёме в члены организации Объединённых наций.

Разве это не означает, что при приёме новых членов Совет безопасности и Генеральная ассамблея могут руководствоваться не

только критериями, прямо выраженными в статье 4 устава, но могут руководствоваться и политическими критериями, хотя они прямо в уставе не выражены? Разве это не означает, что статья 4 не носит исчерпывающего характера; что те условия, которые в ней установлены, не являются, как говорят судьи в другом случае, достаточными, а являются только необходимыми, или, как сказал один из судей, являются «минимумом», а вовсе не максимумом тех требований, которые могут быть предъявлены?

Однако вывод, к которому пришло так называемое большинство, был другой, а именно, что нельзя пользоваться никакими добавочными соображениями, кроме тех, какие установлены в статье 4. Это явное противоречие. Я должен указать, что большинство в своём консультативном заключении по этому важнейшему вопросу впало в коренное и очень серьёзное противоречие. Наоборот, остальные судьи, а их в этом случае уже восемь, допускают, что при решении вопроса о приёме новых членов можно руководствоваться политическими мотивами, хотя эти мотивы в статье 4 и не указывались.

Позиции судей, не согласных в этом вопросе с девяткой, отчётливо изложил проф. Альварес, заявивший, кстати сказать, что он вообще не согласен с Международным судом относительно самого метода, который тот избрал для того, чтобы притти к изложению своего консультативного заключения. Альварес заявил, что этот вопрос не может быть разрешён ни путём простого толкования устава, ни путём изучения подготовительной работы, которая была проделана на других стадиях организацией Объединённых наций, когда выработывался этот устав.

Вот что он говорит: «Следует принять другой метод, прибегнув главным образом к основным принципам нового международного права». Что это за «новое международное право»? По нашему мнению, это — право, которое освобождено от узких пут формализма и юридической схоластики, которое не противопоставляет право политике, которое исходит, наоборот, из признания того неоспоримого факта, что право и политика теснейшим образом связаны между собой и что право, — скажем мы уже от себя, это не слова Альвареса, — является инструментом политики, средством, при помощи которого осуществляются политические задачи в интересах господствующих в данном обществе классов.

Таким образом, Международный суд не обнаружил единства в отношении ряда важных вопросов; одним из них был вопрос, поставленный перед Международным судом Генеральной ассамблеей. Я должен напомнить, что поставленный по решению Генеральной ассамблеи от 17 ноября 1947 года перед Международным судом вопрос гласит следующее: «С юридической точки зрения, имеет ли право член организации Объединённых наций, выражающий, согласно статье 4 устава, своё мнение путём голосования в Совете безопасности или в Генеральной ассамблее по вопросу о приёме какого-либо государства в члены организации Объединённых наций, обуславливать своё согласие на приём этого члена соображениями, не предусмотренными определённо в пункте 1 указанной статьи, в частности, может ли такой член организации, признавая, что

данное государство отвечает условиям, изложенным в этой статье, обусловить, кроме того, подачу своего голоса в пользу этого государства тем, что вместе с этим государством должны быть приняты в число членов организации Объединённых наций другие государства?»

Вот как был сформулирован в прошлом году Генеральной ассамблеей вопрос, по которому потребовалось консультативное заключение Международного суда. Международный суд, прежде чем ответить на этот вопрос, сам поставил перед собой другой вопрос: какой характер носит вопрос Генеральной ассамблеи — юридический или политический?

Так называемое большинство судей решило, что это юридический вопрос, поскольку речь идёт о толковании устава. С этим не согласились шесть судей. С этим не согласились также Альварес и Асеведо, т. е. не согласились 8 судей, и создано большинство из 8 судей, которое высказалось в пользу того, что вопрос, сформулированный 17 ноября 1947 года Генеральной ассамблеей для получения консультативного заключения Международного суда, одновременно является и юридическим и политическим вопросом.

Второй возникший перед судом вопрос сводился к следующему: могут ли быть привлечены при решении вопроса о приёме новых членов организации политические мотивы или политические критерии? Так называемое большинство судей и на этот вопрос дало отрицательный ответ, а меньшинство, состоящее из тех же шести судей плюс Альварес и Асеведо, т. е. опять-таки большинство судей, дало на этот вопрос положительный ответ. Я сослался бы при этом на мнение Альвареса, которое, по-моему, представляет значительный интерес. Вот что сказал Альварес: «Могут возникнуть случаи, когда приём какого-либо государства сможет вызвать беспокойство в международной обстановке, или, по крайней мере, в международной организации. Например, если это принятие должно оказать самое широкое влияние на некоторые группы государств или повести за собою глубокое расхождение между ними. В подобных случаях вопрос более не является юридическим, он становится политическим и должен рассматриваться как таковой».

Другой латино-американский судья, Асеведо, высказался в том смысле, что юридическое рассмотрение вопроса может быть расширено до границ политического действия. В другом месте Асеведо говорит, что все политические соображения могут оказать влияние на определённое решение органов организации Объединённых наций относительно условий, требуемых в статье 4 устава. Самые условия, изложенные в статье 4 устава, рассматриваются как минимум, необходимый для того, чтобы не допускать произвольных действий.

Что это означает?

Статья 4 даёт условия, которые являются минимумом. Это значит, что, кроме этого минимума, можно пользоваться и какими-то другими условиями сверх этого минимума. Таким образом, мнения шести судей — Бадевана, Макнейра, Рида, Винярского, Крылова и Зоричича, — так же как и мнение Асеведо и Альвареса, сходятся в том, что данный вопрос является не только юридическим, но и по-

литическим. Это означает, что при решении этого вопроса надо подходить не только с юридической, но и с политической стороны.

Наконец, перед Международным судом стал третий вопрос: можно ли требовать одновременного приёма нескольких государств? Это — то, против чего спорит большинство, и то, что отстаивает меньшинство.

Международный суд и по этому поводу раскололся. Мы имели мнение 7 судей и мнение остальных шести, к которым присоединился опять-таки Альварес. — то-есть тоже 7. Эти последние 7 допускают возможность требования одновременного приёма нескольких государств. Такое требование, по выражению Альвареса, может быть оправдано в исключительных случаях. Но мы считаем, что случай, с которым мы имеем сейчас дело, — это и есть исключительный случай.

Вопрос, поставленный Генеральной ассамблеей перед Международным судом, в сущности говоря, в юридическом отношении сводится к тому, чтобы установить:

1. Можно ли при решении вопроса о приёме новых членов не руководствоваться статьёй 4?

2. Можно ли, исходя из статьи 4 об условии приёма одних государств, требовать приёма других?

На оба эти вопроса следует ответить отрицательно. Однако, помимо этих двух юридических вопросов, следует поставить ещё и третий вопрос — политического характера, а именно:

Можно ли при решении вопроса о приёме новых членов на основании статьи 4 устава игнорировать политические условия и отказываться от руководства политическими мотивами или соображениями, вытекающими из всей политической обстановки, характеризующей международное положение.

На этот вопрос дали отрицательный ответ 8 судей, которые хотя и не принадлежат к официальному большинству, но составляют в этом вопросе настоящее большинство, потому что официальное большинство, от которого отделились в этом вопросе двое судей, превратилось фактически в меньшинство. Эти судьи сказали: нет, нельзя, потому что вопрос о приёме новых членов есть не только юридический, но и политический вопрос.

Но разве не присоединились к их мнению представитель США Коэн и представитель Англии в своих выступлениях в комитете? Коэн заявил, что Албания, Болгария, Монгольская Народная Республика, Венгрия могут быть приняты только тогда, когда будут решены поставленные им политические вопросы. Вот почему нельзя понять Коэна, который, в сущности говоря, поддерживает мнение судей, считающих, что это вопросы не только юридические, но и политические, и который сам выдвигает эти политические критерии, ибо требования изменить внутреннюю политику, прекратить репрессивные или другие мероприятия и т. д. и есть политические критерии. И в то же самое время он поддерживает резолюцию, где требуется исходить исключительно из тех условий, которые установлены в статье 4, хотя в статье 4 не установлено ни одного политического

условия, кроме того, и Международный суд в своём заключении сказал, что это вопрос юридический, а не политический.

В своих выводах, хотя и вступая в противоречия сами с собою, представители Соединённых Штатов Америки и Англии считают правильным консультативное заключение суда, в силу которого не должны предъявляться при решении вопроса о приёме политические требования. Но в таком случае, исходя из консультативного заключения большинства Международного суда, как же может Коэн предъявлять Монгольской Народной Республике, Албании, Болгарии и другим государствам политические требования? Явно здесь у него концы с концами не сходятся.

Перед Международным судом стоял также вопрос — можно ли требовать одновременного приёма нескольких государств? Официальное большинство Международного суда подтвердило, что его заключение дано в абстрактной форме и что не имеется в виду его применять к каким-либо конкретным, практическим случаям. Однако его используют именно для конкретного решения относительно Португалии, Транснордании, Цейлона, Болгарии, Венгрии и других государств, которые претендуют на принятие в члены организации Объединённых наций и вопрос о которых должен стоять на Совете безопасности.

Международный суд говорит: мы дали абстрактное заключение. Мы никоим образом не имеем в виду, что оно будет применено к каким-то конкретным случаям. И вот это консультативное заключение, которое считают правильным и перед которым здесь расшаркиваются с уважением, группа делегатов включает в свой проект резолюции и предлагает как практическое руководство для решения вопроса о приёме тех или иных кандидатов, о которых будет идти речь в Совете безопасности.

Разве это правильный метод? Мы говорили в комитете: вы не имеете права этого делать хотя бы потому, что вы выдёргиваете два абзаца из всего консультативного заключения. Но ведь в консультативном заключении, если вы хотите с ним считаться, имеются и другие тезисы, имеются и другие выводы, которые мы здесь приводили.

Почему же вы на них не ссылаетесь в своей резолюции? Почему вы их игнорируете? В консультативном заключении имеются мнения четырёх авторитетнейших судей: Бадевана, Рида, Макнейра и Винярского, имеется особое мнение Альвареса и Асеведо, имеются мнения Крылова и Зоричича. Почему же вы не рекомендуете Совету безопасности при рассмотрении вопроса о приёме новых членов учесть все эти мнения и сделать на основании учёта мнений всех этих учёных свои выводы в интересах справедливости, в интересах мира и международного сотрудничества?

Вот почему мы указывали на то, что эта резолюция даже с точки зрения целей и задач большинства неудовлетворительна, не выдерживает критики, представляет собой спекуляцию на вырванных из контекста заключения большинства некоторых правилах, которыми хотят заставить руководствоваться Совет безопасности, скрыв от него то, что в этом заключении есть ещё другие мнения, также

важные, я бы сказал даже очень ценные, для того, чтобы Совет безопасности мог найти правильный путь к истине.

Вот почему мы против этой резолюции. В проекте резолюции, представленном на утверждение Генеральной ассамблеи, делается прямая ссылка на то, что Международный суд считает, что при голосовании в Совете безопасности нельзя ставить условий, не предусмотренных в статье 4, и что никакое государство не может оговаривать своё согласие на приём другого государства какими-либо дополнительными условиями. Это неправильно, это не соответствует ни содержанию этого консультативного заключения в целом, ни особым мнениям тех судей, которых нельзя оставить в стороне и с которыми нельзя не считаться.

Делегация СССР считает, что такая рекомендация Совету безопасности со ссылкой на отдельные места из консультативного заключения является не чем иным, как попыткой оказать политическое давление на Совет безопасности, и с этим мы согласиться не можем. Нельзя вырывать из документов Международного суда отдельные параграфы и рекомендовать Совету безопасности руководствоваться именно ими в то время, как в этих документах имеется много других положений, опровергающих первые и представляющих ценность и требующих внимательного к себе отношения.

Вот почему единственно правильным выводом из рассмотрения всего этого вопроса будет то, что при приёме новых членов следует руководствоваться не только юридическими, но и политическими критериями.

Даже Асеведо, которого никак нельзя заподозрить в правовом нигилизме, пришёл к заключению, что «юридическое рассмотрение вопроса может быть расширено до границ политического действия».

Это даёт основание утверждать, что установленные в статье 4 устава условия или критерии для приёма членов, являющиеся необходимыми для решения вопроса о приёме, не исключают возможности руководствоваться также и политическими критериями. В оценке этих критериев или условий по приёму новых членов каждый член организации свободен, и мотивы его голосования не подлежат контролю, ибо это является делом его политической совести.

При решении в организации Объединённых наций вопросов о приёме новых членов не могут не оказывать своего влияния политические соображения. Об этом вполне ясно говорится в материалах Международного суда. Это значит, что допустимы и оправданы и такие политические соображения при решении вопросов о приёме, как требование одновременного приёма государств, удовлетворяющих указанным выше условиям. Этим положительно решается и вопрос о недопустимости проведения в деле приёма новых членов дискриминации, о недопустимости неравного отношения к равным суверенным государствам. Этим положительно решается и вопрос о допустимости при приёме новых членов выдвигать такие политические требования, которые были бы направлены на защиту государств, права которых попираются незаконными, дискриминацион-

ными требованиями, что противоречит принципам, целям и задачам организации Объединённых наций.

Делегация Советского Союза считает поэтому неправильным и необоснованным принятие комитетом *ad hoc* решения, изложенного в документе 24/21. Делегация СССР возражала в специальном комитете, она возражает и теперь против проекта резолюции, предложенного большинством комитета, и будет против него голосовать по мотивам, которые были изложены выше.

Делегация СССР, с другой стороны, поддержала в комитете проект шведской резолюции, который проводит мысль о необходимости равного подхода в решении вопросов о приёме в члены организации государств, указанных в специальных докладах, т. е. всех тех государств, которые подали заявление о приёме. Эта резолюция, также принятая комитетом, была поддержана делегацией СССР и будет поддержана и при голосовании этого проекта резолюции на пленуме Генеральной ассамблеи.

„Известия“ № 292 (9822)
и 293 (9823)
от 10 и 11 декабря 1948 г.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ВЫБОРОВ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ ПОД ПРИКРЫТИЕМ КОМИССИИ ООН

ВЫСТУПЛЕНИЕ ДЕЛЕГАТА СССР Я. А. МАЛИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОМИТЕТЕ

(8 декабря)

В начале своей речи делегат СССР напомнил, что корейский вопрос уже второй раз стоит в повестке дня Генеральной ассамблеи. Первый раз он был поставлен делегацией США на 2-й сессии Генеральной ассамблеи в ноябре 1947 года. Теперь он внесён в виде докладов так называемых временной комиссии ООН по Корее и межсессионного комитета, созданных, как известно, по настоянию США. Стремясь навязать своё господство корейскому народу, США стараются использовать ООН как ширму, рассчитывая на поддержку так называемого большинства организации.

Вместо безотлагательного вывода своих войск из Южной Кореи, как это сделал Советский Союз, вывода свои войска из Северной Кореи, США постановкой вопроса о Корее перед организацией Объединённых наций затягивают разрешение корейского вопроса и препятствуют восстановлению Кореи, как единого независимого демократического государства. С этой же целью они добились незаконного создания временной комиссии ООН по Корее и без всяких оснований притянули вопрос о Корее в незаконно созданный межсессионный комитет.

Малик напомнил, что постановка корейского вопроса на сессии Ассамблеи является неправильной и противозаконной. Этот вопрос, являющийся частью общего вопроса о послевоенном урегулировании, должен быть разрешён соответствующими заинтересованными государствами в соответствии с имеющимися международными соглашениями. Делегация СССР придерживается этой же точки зрения и в настоящее время. Поскольку, однако, этот вопрос включён большинством в повестку дня Ассамблеи, советская делегация должна изложить свою точку зрения на положение в Корее и на деятельность временной комиссии ООН и внести свои предложения по этому вопросу.

ПРЕДАТЕЛИ КОРЕЙСКОГО НАРОДА — ОПОРА ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ США В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Рассматривая и изучая материалы, представленные Генеральной ассамблеей временной комиссией ООН по Корее, нельзя не прийти к выводу о том, что комиссия, хотела она этого или не хотела, документально подтвердила тот непреложный факт, что Южная Корея превращена американскими военными властями в полицейское государство. То, о чём мир знал только по отдельным газетным сообщениям, изложено теперь в официальных документах комиссии ООН. Из этих документов видно, что американское военное командование по прибытии оккупационных войск США в Южную Корею в августе 1945 года установило там настоящей режим военной оккупации, хотя Южная Корея является не вражеской территорией, а территорией, освобождённой от вражеской оккупации.

Созданные народом Южной Кореи в первые дни после освобождения от японского колониального рабства демократические органы власти были разгромлены. Вслед за этим американские власти восстановили прежнюю японскую колониальную административную систему с сохранением японских законов и полицейских правил, а также оставили во всех звеньях административного и полицейского аппарата квислингов и коллаборационистов, много лет служивших японским милитаристам. Для оправдания такой политики была пушена в ход колониальная теория о том, будто бы корейцы «не способны» к самоуправлению и к восприятию демократических форм управления. Эту антинародную клеветническую теорию восприняла и временная комиссия ООН и даже записала её в свой доклад. Такая теория понадобилась американской администрации для того, чтобы найти в глазах корейского народа и перед мировым общественным мнением хоть какое-нибудь оправдание своей политике опоры на японских коллаборационистов. Чтобы убедиться в лживости этой, с позволения сказать, теории, достаточно сопоставить то, что творится в Южной Корее, с конкретной действительностью Северной Кореи, идущей по пути демократического развития.

С самого начала своего пребывания в Северной Корее советское военное командование оказало корейскому народу всемерную

помощь в упразднении японской колониальной администрации и в привлечении к участию в управлении своей страной широких масс корейского народа. На основе свободных демократических выборов были созданы местные демократические органы власти и народный комитет Северной Кореи, а также проведены широкие демократические реформы. В результате этих реформ в Северной Корее выросли свои национальные кадры государственных деятелей и работников административного аппарата, создана своя национальная интеллигенция. Таким образом, факты опровергают антинародную теорию о неспособности корейского народа к самоуправлению.

Опыт демократического развития Северной Кореи показывает, что задача создания корейского демократического правительства на основе широкого участия демократических партий и общественных организаций была вполне осуществима с первых дней освобождения Кореи, что ускорило бы политическое и экономическое объединение Кореи. Однако этому воспротивились США. Американские военные власти, осуществляя свои экспансионистские цели и опираясь на корейских коллаборационистов, пытались и пытаются превратить Южную Корею в колонию американского капитала и в стратегическую базу США.

Приводя документальные данные, почерпнутые из докладов самой временной комиссии ООН по Корее, Малик убедительно показал, что американские власти в Южной Корее превратили Южную Корею в полицейское государство, ввел режим полицейского террора. Американская администрация не только сохранила существовавший при японском режиме полицейский корпус, но и значительно усилила его. По имеющимся в материалах комиссии официальным данным, полученным от начальника полиции Южной Кореи, полицейские силы увеличены почти до 30 тысяч человек вместо 7 тысяч при японских милитаристах. Из материалов комиссии далее видно, что полиция Южной Кореи полна коллаборационистов и что она может арестовать кого угодно и держать под арестом в течение неопределённого срока. По заявлению представителя Австралии в комиссии Джексона, полиция в Южной Корее попрежнему руководствуется японскими полицейскими правилами и постановлениями. Председатель верховного суда Южной Кореи заявил, что любой кореец может быть арестован полицией без решения суда и что полиция может лишиться свободы тысячи людей.

О подавлении всякого демократического движения в Южной Корее свидетельствует протокол одного из заседаний комиссии, в котором говорится: «Большинство лиц с демократическими взглядами теперь или находится под арестом, или в тюрьмах, или же свобода их передвижения ограничена».

В помощь полиции в Южной Корее создана огромная террористическая организация реакционно-фашистской молодёжи, насчитывающая свыше 300 тысяч членов и имеющая свои филиалы во всех городах и крупных населённых пунктах.

Читая записи бесед членов комиссии с корейцами, — продолжал Малик, — мы видим, как страх сковывал людей, которые приходили

в комиссию для того, чтобы рассказать о положении в Южной Корее. Эти люди боятся за свою жизнь и за жизнь своих товарищей. Они просят не называть их имён в протоколах. Тюрьмы Южной Кореи забиты жертвами политического террора и полицейского произвола. Из материалов комиссии видно, что в тюрьмы заключено 30 тысяч демократических деятелей, многие из которых были арестованы ещё во времена японского режима за то, что они боролись за свободу и независимость своей родины. Попытка комиссии поставить вопрос об освобождении политических заключённых закончилась провалом.

Американская военная администрация обещала комиссии амнистировать к 1 апреля с. г. 3 140 политических заключённых. Однако в это число было включено 1 253 человека, уже отбывших срок заключения к 1 апреля, а в число остальных «амнистированных» вошли главным образом лица, арестованные в 1948 году за участие в демонстрациях, направленных против посылки в Южную Корею комиссии ООН, а также в связи с забастовками. Таким образом, эта «амнистия» ни в какой мере не коснулась основного состава политических заключённых, брошенных в тюрьмы за их демократические убеждения.

Комиссия в своих материалах признала, что в политической жизни Южной Кореи господствует крайне правая реакционная партия «Ханкук» и клика Син Ман Ри (Ли Сын Ман). «Ханкук» насчитывает всего лишь несколько тысяч человек и состоит из крупнейших капиталистов, землевладельцев и активных коллаборационистов. Члены этой партии являются чиновниками аппарата американской военной администрации в Южной Корее. Одним из деятелей этой партии является начальник южнокорейской полиции Чу Бьон Ок.

Всякие попытки очистить административный и полицейский аппарат Южной Кореи от коллаборационистов и предателей встречают упорное сопротивление со стороны американского военного командования. Это не случайно. Это — система господства над народами других стран, при которой в качестве опоры используются реакционно-фашистские элементы, квислинги, коллаборационисты и предатели. Такая система применяется в Греции, Японии, Германии и ряде других стран. Эта же система применяется и в Южной Корее.

Несмотря на наличие такого чудовищного полицейского гнёта, — указал Малик, — временная комиссия ООН по Корее сочла возможным дать от имени ООН заключение о том, будто бы в Южной Корее имеются условия для проведения свободных выборов. Между тем сами члены комиссии отдавали себе отчёт в том, что в условиях Южной Кореи свободные выборы невозможны и всякое свободное волеизъявление народа исключается. Так, представитель Австралии в комиссии при обсуждении этого вопроса заявил, что «выборы в настоящее время контролировались бы только одной партией — правой, и эта партия сделала бы невозможным для демократических элементов сказать своё слово». Он добавил, что политика правительства США и генерала Ходжа «преследует цель образовать в Южной Корее чрезвычайно крайнюю правую партию».

Это заявление проливает свет на то, почему представители США сорвали в прошлом году работу совместной советско-американской комиссии, целью которой являлось содействие образованию временного корейского демократического правительства и восстановлению Кореи, как независимого демократического государства. Это же проливает свет и на то, почему США так упорно добивались постановки вопроса о Корее в ООН и почему им понадобилось создание специальной комиссии ООН по Корее. Американская администрация рассчитывала с помощью этой комиссии создать в Южной Корее марионеточное правительство из реакционеров и японских коллаборационистов.

КОРЕЙСКИЙ НАРОД БЫЛ ПРОТИВ СЕПАРАТНЫХ ВЫБОРОВ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Из материалов комиссии ООН и документов общекорейского совещания 56 политических партий и общественных организаций в апреле 1948 года видно, что политические партии, общественные организации и виднейшие деятели Южной и Северной Кореи, в том числе южнокорейские правые деятели Ким Ку и Ким Гю Сик, решительно выступали против проведения сепаратных выборов в Южной Корее. Даже руководители правых и умеренных партий и организаций указывали, что в Южной Корее отсутствует обстановка, обеспечивающая свободу выборов, и что при этих обстоятельствах выборы поведут к установлению непредставительного государственного строя. Такую же точку зрения изложили перед комиссией правые деятели Ким Ку и Ким Гю Сик.

Оказавшись перед лицом всенародного протеста против проведения сепаратных выборов в Южной Корее и видя, что в условиях полицейского гнёта и репрессий свободные выборы невозможны, комиссия обратилась за консультацией в так называемый межсессионный комитет. Последний под давлением представителя США дал под видом «рекомендации» прямое указание комиссии принять на себя функции наблюдения за выборами в Южной Корее. Межсессионный комитет, будучи сам незаконным органом, учинил таким образом ещё одно беззаконие. Он присвоил себе право принимать решения по такому важному политическому вопросу, как сепаратные выборы в Южной Корее, т. е. по вопросу, который не входит даже в компетенцию Генеральной ассамблеи. Такого рода незаконными действиями межсессионный комитет подрывает авторитет ООН.

Малик отметил, что комиссия решила принять функции наблюдения за выборами всего лишь голосами четырёх членов комиссии. Три из них принадлежали представителям стран, правящие круги которых находятся в значительной зависимости от США. Это были представители Филиппин, Сальвадора и Китая. Четвёртым голосовал за выборы представитель Индии, 2 члена комиссии голосовали против, 2 воздержались, а 1 вообще не принимал участия в её работе.

Представитель Канады в комиссии назвал рекомендации межсессионного комитета «неразумными и неконституционными», а пред-

ставитель Австралии заявил, что «выборы будут бойкотироваться всеми партиями Кореи, за исключением крайне правой партии», что впоследствии подтвердилось. Председатель комиссии — представитель Индии заявил, что он разделяет сомнения канадского представителя относительно юридической правильности решения межсессионного комитета. «Я серьёзно сомневаюсь в том, — сказал он, — что этот шаг (т. е. выборы) приведёт к объединению Кореи. Я серьёзно сомневаюсь в том, что национальное правительство, которое будет создано в результате выборов, будет подлинно национальным. Я серьёзно сомневаюсь в том, что мы сможем обеспечить свободную атмосферу выборов».

Малик указал, что приходится удивляться, как мог представитель Индии голосовать за выборы в таких условиях. Но, так или иначе, 4 голосами из 9 голосов членов комиссии был решён вопрос о принятии комиссией функций наблюдения за выборами; тем самым была решена судьба сепаратных выборов в Южной Корее. Подобная деятельность комиссии не только не способствовала проведению свободных выборов, но, наоборот, привела к тому, что выборы в Южной Корее были проведены в условиях жесточайшего полицейского гнёта и репрессий.

КАК ПРОШЛИ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ, ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫЕ ВЫБОРЫ

Учитывая, что в обстановке всеобщего протеста корейского народа выборы могли провалиться, военная администрация США совместно с подчинённой ей южнокорейской полицией приняла все меры к тому, чтобы провести выборы насильственным путём. Для запугивания избирателей командующий оккупационными силами США издал приказ о том, что «всякий, кто воздержится от участия в голосовании, потеряет право заявлять неудовольствие против действий и политики правительства, составленного в результате выборов, в которых он не участвовал».

Накануне дня выборов по всей Южной Корее были произведены массовые аресты. Только с 7 по 10 мая с. г., т. е. за три дня до выборов, за участие в движении против сепаратных выборов было арестовано 5 424 человека, убито и ранено 350 человек. После выборов с 11 по 14 мая, по материалам комиссии, было ранено 137 и убито 128 человек в отместку за неучастие в выборах. Выборы проходили в условиях прямого вмешательства военно-полицейских сил. Были мобилизованы американские войска, полиция, террористические банды молодёжи и специально созданные отряды «Хиандобан». По сообщениям южнокорейских газет, американские войска были приведены в полную боевую готовность, и к берегам Кореи были вызваны американские военные корабли. В день выборов над Южной Кореей летали американские самолёты, по дорогам разъезжали американские патрули с автоматами наготове. В ряде мест полицейские находились внутри избирательных помещений.

Малик привёл заявление корреспондента Юнайтед Пресс Роу, опубликованное в газете «Ча ю синмун». Он писал, что «в воздухе летали американские истребители, избирательные участки строго

охранялись членами отряда «Хиандобан», которые были вооружены дубинами. На расстоянии 30 метров от избирательных участков были выставлены полицейские, вооружённые винтовками и саблями. Секретарь комиссии ООН Шмидт посетил три избирательных участка и порицал одного надзирателя, избивавшего одного избирателя».

Выборы в Южной Корее не только были проведены в условиях полицейского террора, но и были фальсифицированы. 11 мая центральная избирательная комиссия объявила, будто бы в выборах по всей Южной Корее участвовало 92 процента зарегистрированных избирателей, в том числе на острове Квельпарт, в частности, участвовало 70 процентов избирателей. Однако позже выяснилось, что в двух из трёх округов на этом острове 10 мая голосование вообще не состоялось, и американское командование было вынуждено назначить в этих округах выборы на 23 июня. Таким образом, цифра в 70 процентов явно фальсифицирована. Отсюда следует, что и общий процент участия избирателей в голосовании был также фальсифицирован. По решению американского командования было установлено, что если в избирательном округе баллотировался только один кандидат, то он считался избранным без голосования. Таким способом оказались «избранными» 12 человек, в том числе и Син Ман Ри, впоследствии назначенный под давлением американской военной администрации марионеточным президентом Южной Кореи. Комиссия ООН, вопреки фактам, ею же самой установленным и приведённым в её докладах и материалах, заявила, что результаты выборов якобы выражают свободную волю избирателей Южной Кореи.

Такое фальшивое заключение комиссии находится в вопиющем противоречии не только с фактами и документами, приведёнными в материалах самой же комиссии, но и с мнением и заключением объективных наблюдателей. Так, руководитель американского союза гражданских свобод Ролжер Болдуин, касаясь выборов в Южной Корее, заявил, что «США не создали демократических институтов в Южной Корее» и что «американские военные власти создали полицейское государство, которое подавляет прогрессивное движение».

Комиссия ООН превысила свои полномочия, и вся её деятельность свелась к тому, чтобы прикрыть авторитетом ООН планы разделения Кореи и превращения Южной Кореи в колонию и стратегическую базу США; прикрыть махинации американской администрации в связи с сепаратными выборами, фальсификацию этих выборов, проходивших в условиях разнузданного террора и жестоких преследований демократических групп населения; прикрыть создание марионеточного сепаратного южнокорейского правительства.

Совесть народов, объединённых в ООН, не может допустить, чтобы ООН использовалась одним из её членов для антинародных и антидемократических целей: это противоречит принципам устава этой организации.

По указке проамериканских заправил во временной комиссии она стала прямым орудием в руках политиков США и американской военной администрации в Южной Корее.

Что может быть более чудовишным, когда четыре члена временной комиссии под прикрытием ООН решают судьбу сепаратных выборов в стране с многомиллионным населением? Разве Генеральная ассамблея может признать такие выборы законными, свободными и демократическими?

Осуждая подобную незаконную деятельность этой комиссии, как деятельность, которая противоречит интересам корейского народа и наносит ущерб авторитету ООН,— сказал Малик,— советская делегация вносит следующее предложение:

«Генеральная ассамблея, признавая, что временная комиссия Объединённых наций по Корее, созданная решением Генеральной ассамблеи от 14 ноября 1947 года, своей деятельностью за истекшее время не содействовала ликвидации пагубных последствий длительного японского господства в Корее, осуществлению целей восстановления Кореи как независимого демократического государства и созданию условий для развития страны на демократических началах;

отмечая, что деятельность комиссии, принявшей на себя функции наблюдения за выборами, проведёнными военными властями Соединённых Штатов Америки в Южной Корее в мае месяце 1948 года, не только не способствовала проведению свободных выборов, но, наоборот, привела к тому, что выборы в Южной Корее проходили в условиях полицейского гнёта и репрессий;

считая, что существование комиссии используется для прикрытия антидемократической политики и установления реакционного антинародного режима в Южной Корее, а также в целях расчленения Кореи и подавления демократических сил корейского народа, что несовместимо с принципами и задачами организации Объединённых наций,—

постановляет временную комиссию Объединённых наций по Корее упразднить».

КАК ДАЛЛЕС ПЫТАЛСЯ ПРИКРЫТЬ РЕАКЦИОННУЮ ПОЛИТИКУ АМЕРИКАНСКИХ ВЛАСТЕЙ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Вторую часть своей речи Малик посвятил ответу на выступления Даллеса и некоторых других делегатов, которые сказали немало высокопарных слов о стремлении корейского народа к объединению, свободе, независимости и демократии, но не потрудились объективно рассмотреть те факты, которые содержатся в материалах комиссии ООН и которые свидетельствуют об отсутствии в Южной Корее демократических свобод и беспощадном терроре. Это, сказал Малик, не случайно. Здесь, среди большинства выступавших, царил явный заговор молчания, чтобы скрыть эти факты от международного общественного мнения и прикрыть реакционную, антидемократическую политику американских властей.

Даллес здесь елевым голосом заявлял, что «мы, т. е. делегация США, ненавидим террор и насилие». Но кто этому поверит из тех, кто объективно и добросовестно ознакомится с материалами

временной комиссии ООН по Корее? Обратите внимание на количество арестованных, убитых и раненых в Южной Корее в ходе предвыборной кампании. Обратите внимание на то, что количество политических заключённых исчисляется в 30 тысяч человек.

Даллес заявил, что ему не нравятся «коммунистические методы». Коммунистические методы, как известно, сводятся к тому, что широкие массы трудового народа и интеллигенции принимают прямое и непосредственное участие в управлении государством на основе проведения широких демократических реформ и всеобщего избирательного права. Г-ну Даллесу не нравятся эти методы, зато он в восторге от методов, применяемых южнокорейской полицией с ведома и под руководством американской военной администрации в Южной Корее. Эти методы он не только одобряет, но и требует, чтобы Генеральная ассамблея наложила на них печать законности.

Кто проводит этот террор и насилия над корейским народом в Южной Корее? Южнокорейская полиция, которой руководят бывшие лакеи японского империализма, ныне находящиеся на службе у военной администрации США.

Почему Даллес умалчивает о всех этих фактах и документах? Несомненно, только для того, чтобы добиться, — как он сам заявил в своём выступлении, — чтобы ООН прежде всего «наложила печать законности» на всё то, что было проведено в Южной Корее. Вот к чему сводятся стремления Даллеса.

Касаясь заявления Даллеса о том, что нужно отказаться от политики силы в международных отношениях, Малик сказал: то, что делает американская военная администрация, является наглядным примером применения политики силы и насилия. В Корее десятки тысяч заключённых томятся в тюрьмах, находящихся под контролем американской администрации; в Греции тысячи патриотов и борцов против фашизма расстреляны и заточены в тюрьмы греческими монархо-фашистами с ведома и согласия своих высоких покровителей из военной миссии США. Это звенья одной и той же цепи — политики силы и насилия, проводимой американскими экспансионистами.

Касаясь сказок о «коммунистическом терроре», Малик указал, что Даллес преследует этими сказками две цели: во-первых, он хочет оправдать террор и насилия, проводимые американской военной администрацией в отношении демократических деятелей и организаций, и, во-вторых, прикрыть циничные захватнические намерения продолжать военную оккупацию Кореи под видом обеспечения её безопасности. Это нашло своё отражение в том проекте резолюции, которую внёс Даллес в специальном комитете.

Цель этой резолюции, во-первых, заключается в том, чтобы добиться признания незаконного марионеточного антидемократического режима Южной Кореи. Вторая цель заключается в том, чтобы создать прикрытия для продолжения военной оккупации американскими войсками в Южной Корее. В этом отношении, — сказал Малик, — история повторяется, полностью выдавая замыслы делегации США.

Напомнив, что в прошлом году Генеральная ассамблея заявила, что все оккупационные войска должны быть выведены с территории Кореи в возможно короткий срок, Малик сказал, что с тех пор прошло больше года, а американские войска попрежнему оккупируют Корею.

Делегация США, повидимому, имеет своё особое представление о кратких сроках. Прошлогодня резолюция Ассамблеи о выводе оккупационных войск в возможно короткий срок не выполнена. Если год считать сроком, который не соответствует этой формуле, то какой период времени следует понимать под новой предлагаемой Даллесом формулой «при первой возможности»? Для того, кто не желает расстаться с чужой территорией, а пытается её превратить в свою постоянную военно-стратегическую базу, такая «первая возможность» для вывода войск может не наступить в течение весьма длительного периода времени. Именно такая формула и нужна американским оккупантам в Южной Корее.

Правительство США ведёт двойную игру. В специальном комитете Генеральной ассамблеи оно вносит резолюцию, рекомендующую, чтобы оккупирующие державы вывели свои войска из Кореи «при первой возможности», а в Южной Корее оно проводит политику закрепления позиций американских оккупационных войск на территории Кореи.

Малик указал, что именно с этой целью США заключили со своими южнокорейскими марионетками соглашение, закабаляющее Южную Корею и превращающее её в колонию США. Малик указал также, что США, предлагая создать комиссию по Корее для того, чтобы она наблюдала за выводом оккупационных войск, надеются с её помощью прикрыть продолжение оккупации Южной Кореи точно так же, как они с помощью временной комиссии ООН прикрыли свою реакционную политику и антинародные выборы в Южной Корее.

Это является третьей целью сказок «о коммунистическом терроре», которую преследует Даллес.

Таковы незатейливые способы, посредством которых США пытаются удерживать своё господство над народами других стран. Таковы цели, ради которых создаются под давлением США комиссии ООН в Греции, в Корее, в Индонезии и в других странах.

ГОЛОС АМЕРИКИ ПОД ВИДОМ ГОЛОСА КОРЕИ

Останавливаясь на выступлении в комитете представителя сеульских марионеточных властей, Малик сказал, что, слушая это выступление, каждый объективный человек не мог не понять, что это был не голос Кореи, а голос Америки.

Этот голос Америки пытался доказать, будто выборы в Южной Корее проходили свободно. Представитель сеульских властей в качестве «доказательства» заявил, что он сам голосовал и сам является избранным. В этом можно не сомневаться. Именно такие, как

этот человек, и составляют опору администрации США в Южной Корее. Он заявил, что «среди корейцев мало таких, которые любят меньше родину, чем иностранное государство». В этом тоже можно не сомневаться. Среди корейского народа, как и всякого другого, предатели и иностранные агенты насчитываются единицами, а патриоты — миллионами. Если бы было иначе, тогда марионеточному сеульскому режиму не понадобилось бы обращаться с просьбой к Генеральной ассамблее за одобрением продления оккупации Кореи американскими войсками, не надо было бы просить Генеральную ассамблею создавать комиссию, которая прикрывала бы авторитетом ООН антинародный и антидемократический характер марионеточного режима в Южной Корее.

Но именно с такого рода просьбой обращается этот представитель марионеточного сеульского режима к Политическому комитету Генеральной ассамблеи. Он боится своего собственного народа, он боится остаться с ним с глазу на глаз. Без опоры на иностранные штыки и на международную комиссию этот так называемый представитель не может жить в Корее, ибо он не кореец. Он — Джон, а не Ким. Отметив, что Даллес и его подопечные выступают с циничным требованием признания южнокорейского марионеточного режима в качестве национального правительства в Корее, Малик сказал: Претензии Даллеса заходят слишком далеко, он жаждет распространения сеульского режима на территорию Северной Кореи. Можно не сомневаться, что эти мечты американских марионеток никогда не осуществляются. Народ Северной Кореи совместно с народом Южной Кореи избрал в августе 1948 года своё народное демократическое правительство, создал Корейскую народно-демократическую республику и никогда не будет рабом американских оккупантов и их агентыры.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВЫСТУПЛЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ КИТАЯ

Отвечая представителю Китая, который пространно цитировал избирательные рекомендации временной комиссии ООН, представленные ею американской администрации в Южной Корее, Малик отметил, что представитель Китая умолчал о том, какие из этих рекомендаций не были приняты.

Военная администрация США не приняла рекомендации о лишении избирательных прав корейских коллаборационистов, ссылаясь на то, будто невозможно проверить данные, касающиеся избирателей. Однако причина не в этом. Причина состоит в том, что коллаборационисты — эти злейшие враги корейского народа — являются опорой американской военной администрации. Комиссия ООН сочла возможным согласиться с предоставлением избирательных прав коллаборационистам, т. е. прикрыла антидемократическую реакционную политику американских властей.

Представитель Китая, продолжал Малик, напомнил также заявление американского генерала Векерлинга о том, что прежде,

чем проводить выборы в Южной Корее, американские военные власти тщательно изучили опыт плебисцита в Сааре. Как известно, саарский плебисцит был проведён 13 января 1935 года гитлеровским правительством. Как известно, благоприятный для Германии исход голосования в Сааре был обеспечен прежде всего работой гитлеровской агентуры. Он достигнут был огромными денежными затратами, широко развёрнутой пропагандой и применением жесточайшего террора против непокорных элементов. Помогли в исходе плебисцита Гитлеру Англия и Италия.

Вот откуда черпает американская военная администрация в Южной Корее опыт проведения так называемых «свободных», «демократических» выборов. Она черпает его из гитлеровского арсенала террора, насилий и фальсифицированного плебисцита. Этот опыт пришёлся американским администраторам по вкусу и был точь в точь, без всяких изменений повторён в Южной Корее под прикрытием временной комиссии ООН.

В заключение Малик коснулся выступления британского делегата Уокера. Можно было бы, — сказал Малик, — не останавливаться на выступлении Уокера, которому лавры Геббельса не дают, видимо, покоя. Но он затронул вопрос о выборах делегатов на съезд народных представителей в Южной Корее, избравший затем депутатов от Южной Кореи в Верховное народное собрание. Уокер заявил сначала, что таких выборов вообще не было, но тут же добавил, что в связи с этими выборами в Южной Корее происходило голосование по избирательным бюллетеням. Таким образом, Уокер сам себя опроверг.

Говоря о копиях фальшивых избирательных бюллетеней, которые демонстрировал Уокер в комитете, Малик сказал, что вряд ли стоит вступать с ним в споры на этот счёт, тем более, что после нашумевшей истории с «протоколом М» авторы и место изготовления подобного рода фальшивок уже не являются секретом.

Итак, — сказал Малик, обращаясь к Уокеру, — выборы в Южной Корее депутатов на съезд народных представителей действительно имели место к вашему неудовольствию.

„Известия“ № 293 (9823)
и 294 (9824)
от 11 и 12 декабря 1948 г.

О ПРОЕКТЕ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ООН

(9 декабря)

1. КРУПНЫЕ НЕДОСТАТКИ ПРОЕКТА

Как известно, представители Советского Союза принимали активное участие в работе третьего комитета по подготовке проекта Декларации прав человека, как ещё до того они принимали такое же активное участие в разработке этого вопроса в различных органах, занимавшихся этим делом. На долю третьего комитета выпало завершить эту работу, начатую ещё в Женеве, где в 1947 году был подготовлен первоначальный проект этой декларации, известный под именем «Женевского проекта».

Несмотря на некоторые свои достоинства, этот проект имеет ряд крупных недостатков, главный из которых заключается в его формально-юридическом характере и в отсутствии в нём каких бы то ни было мероприятий, которые были бы способны содействовать осуществлению провозглашённых в этом проекте основных свобод и прав человека. Женевский проект, как известно, в дальнейшем подвергся изменению, но этот его основной недостаток остался, к сожалению, неустранённым до последнего времени. Этот недостаток не был устранён и при подготовке проекта на настоящей сессии Ассамблеи.

Формально-юридический характер этого проекта, о котором я сейчас сказал, выражается в абстрактном построении ряда статей, посвящённых весьма важным вопросам, связанным с правами человека. Так, статья 4 представленного на рассмотрение Генеральной ассамблеи проекта Декларации прав человека гласит: «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность». Отвлечённый характер этой статьи, кажется, не требует никаких комментариев. Бросается в глаза, что проект, говоря о таком исключительной важности вопросе, как право человека на жизнь, на свободу, на личную неприкосновенность, не ставит перед собой задачи указать, хотя бы элементарно, необходимые меры, какие должны быть приняты государством для содействия, не говорю уже для обеспечения, осуществления этих прав на деле. Вполне было поэтому естественным попытаться внести в эту статью улучшения, внести в неё такие поправки, которые устранили бы этот недостаток.

Делегация Советского Союза пыталась это сделать. Она предложила решить задачу, изложенную в статье 4 проекта декларации третьего комитета, внесением в него поправки, сказав, что «государству необходимо обеспечить каждому человеку защиту от преступных на него посягательств, обеспечить условия, предотвращающие угрозу смерти от голода и от истощения», и т. д. К сожалению, эта поправка, несмотря на то, что она так серьёзно и значительно улучшала дело, была отклонена третьим комитетом.

Эта поправка не нашла поддержки со стороны большинства третьего комитета, и, таким образом, статья 4 проекта Декларации прав человека осталась в своём первоначальном виде, со всеми её недостатками.

Я приведу другой пример. В проекте третьего комитета имеется статья 23, которая провозглашает право на социальное обеспечение и на осуществление, как говорится в этой статье, необходимых для поддержания достоинства человека, и для свободного развития его личности, прав в экономической, культурной и социальной областях, через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства.

Статья ставит перед собой очень важную задачу, и нужно было бы только приветствовать постановку этой задачи. Но удовлетворительно ли решает проект эту задачу? Делегация СССР отвечает на этот вопрос отрицательно. Из этого вытекала необходимость изменить ту формулу, которую дал проект Декларации прав человека, подготовленный третьим комитетом. Здесь громадная диспропорция между тем, что хотели выразить авторы этого параграфа, и тем, что они, действительно, смогли выразить. У нас нет никакого сомнения, что у самих авторов этого параграфа происходила борьба между стремлением, с одной стороны, к осуществлению того, что они в преамбуле называют, кстати скажу, без достаточного основания, «идеалом», и, с другой стороны, их идеологией, их политическими установками, которые мешают им развернуть формулу, которая действительно соответствовала бы важности и значению выраженной в этой статье идеи, хотя выраженной плохо, неудовлетворительно.

Эта статья, надо сказать, составляет только часть той статьи, которую предлагала советская делегация. Но вместо того, чтобы принять всю статью, частью которой являются эти несколько строк, большинство комитета избрало другой путь. То, что наиболее важно, то, что наиболее ценно, что представляет собою наиболее существенное в этой статье, большинство комитета отбросило в сторону и оставило только кусочек этого большого и важного параграфа, который звучит совершенно иначе в изложении делегации Советского Союза, чем в проекте комитета, где он превратился в какой-то хвостик большого, но невидимого, отсутствующего в проекте предмета.

Большинство третьего комитета отклонило другую, как я сказал, более существенную часть этого предложения, которая указывала на обязанности государства и общества принять все необходимые меры, в том числе и законодательные, для того, чтобы обеспечить каждому человеку реальную возможность пользования всеми правами, указанными в декларации. Это оказалось отклонённым, это оказалось отброшенным в сторону. Что же осталось? Осталось голое провозглашение, т. е. именно то, что составляет самую слабую сторону этой декларации,— остались тенденция, пожелание, возглас, лозунг, но не статья, та статья, которая могла бы внушить уверенность в том, что действительно будут обеспечены те блага,

которые провозглашаются в этой 23-й статье. Это всё отброшено. Нет в этой статье главного — именно указания на то, что общества и государства обязаны принять меры, в том числе и законодательные, в целях обеспечения возможности свободного развития личности в экономической, социальной и культурной областях. Это всё, я говорю, отброшено. Осталось то, что называется в русских сказках «рожки да ножки».

Советская делегация предлагала принять статью, в которой было бы сказано, что социальное страхование лиц, — речь идёт о социальном обеспечении и социальном страховании, — что социальное страхование лиц, работающих по найму, т. е. рабочих и служащих, должно осуществляться за счёт государства каждой страны. Здесь советская делегация поставила эту проблему на реальную почву, указывая конкретный источник покрытия тех расходов, которые необходимы для того, чтобы трудящийся мог бы пользоваться благами социального страхования, благами социального обеспечения. Она говорит: вот источник — государство; вот источник — предприниматели, которые извлекают из эксплуатации рабочего труда прибыль. За этот счёт необходимо обеспечить трудящегося человека пенсионным и другим обеспечением на случай инвалидности, старости, болезни и т. д.

Кажется, это совершенно естественная и конкретная постановка вопроса. Однако она натолкнулась в этом комитете на жестокое сопротивление большинства, и это большинство отклонило и эту поправку. Между тем, если бы, кроме того текста, который сам по себе не вызывает никаких возражений и который оказался включённым в нынешний проект статьи 23 Декларации прав человека, в проект декларации были бы также включены и указанные выше предложения делегации Советского Союза о действительно реальных, конкретных, практических мерах социального обеспечения, мерах, хотя только морально обязательных, то проект от этого только выиграл бы.

Если бы эти предложения были приняты, тогда статья 23 носила бы конкретный характер, указывая направление, идя по которому можно было бы на деле осуществлять провозглашённые этой декларацией важнейшие права человека.

Вот второй пример того, как большинство третьего комитета изуродовало прекрасную мысль и идею и не справилось со своей задачей. Оно предпочло тому пути, на который советская делегация всё время пыталась толкать работу третьего комитета, — пути конкретного, положительного решения вопроса о тех рекомендациях, — хотя бы чисто морального порядка, — которые нужно дать другим государствам, чтобы они следовали этому пути, — путь абстрактный, усыянный цветами пышной фразеологии, которая была более уместна полтора века тому назад, которая сейчас уже никого не может прельстить, ибо все эти фразы и формулы эпохи Французской революции, эпохи американской революции и английской революции XVII века сейчас уже поблекли, потому что живая жизнь показала, что за этими звонкими формулами скрывается жестокая действительность, разрушающая фетиши и иллюзии.

2. ПРОТИВ ФАШИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Третий пример. В проекте Декларации прав человека третьего комитета в статье 20 говорится: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их. Это право включает свободу придерживаться своих убеждений без вмешательства и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». В таком виде делегация Советского Союза не могла принять данную статью, не могла признать эту статью удовлетворительной, не могла признать её отвечающей тем требованиям, которые должны быть предъявлены при решении вопросов, затронутых в этой статье.

В самом деле, первый недостаток этой статьи заключается в том, что она провозглашает так называемую свободу вообще, свободу распространять «информацию и иные идеи».

Какие идеи можно распространять свободно и беспрепятственно? Большинство комитета на этот вопрос отвечает — всякие идеи. Советская делегация на этот вопрос отвечает: Мы этого признать не можем, ибо «идеи» фашизма, расовой ненависти, ненависти национальной, сеяния вражды между народами, подстрекательства к новой войне, — распространять такие идеи мы считаем невозможным, мы не можем допустить такой «свободы».

Распространять так называемые «идеи» фашизма мы считаем невозможным, потому что знаем на опыте, за который мы заплатили миллионами жизней наших детей, наших братьев, наших отцов, наших сестёр, наших матерей, наших дочерей. Мы знаем это на опыте, который стоил нашему народу потоков крови, которая лилась на нашей земле в годы второй мировой войны.

Мы все знаем очень хорошо, к чему привела эта так называемая свобода распространения фашистских «идей», и мы не хотим и не допустим повторения этого опыта. Мы не позволим извращать идею свободы тем, что будем спокойно созерцать, как снова развернётся фашистская пропаганда, которая уже сейчас подняла голову и будет подымать её выше, когда увидит эту декларацию, где провозглашается право свободного распространения всяких, а значит, и фашистских «идей». Нет. Мы должны задушить в корне эту страшную пропаганду фашизма, которая пыталась утопить в крови миролюбивые, демократические страны. Нас нельзя сбить с нашей позиции демагогическими криками и всхлипываниями о том, что нельзя, мол, ограничивать человеческую свободу, права человека. Нет — можно, если эта свобода используется в ущерб общественному благу, интересам народа.

Нельзя допустить, чтобы свободно бегали по улицам городов люди с горящими факелами, собираясь поджечь наши дома и погубить нас самих. Такой свободы мы не признаём, и мы не можем согласиться с тем, чтобы в нашей декларации от имени Объединённых наций была провозглашена такая свобода распространения идей Гитлера и Геббельса.

Нам говорят: но мы будем бороться против фашистских «идей» своими идеями. Вы это говорили, господа сторонники такой негра-

нической свободы, и раньше, тогда, когда писался и пропагандировался «Мейн кампф» и тому подобная преступная литература. Вы это тогда уже говорили, и вы боролись, конечно, по-своему. Но к чему ваша борьба привела в конечном итоге? Одержали ли вы в этой борьбе победу? Сумели ли вы этой борьбой предотвратить нашествие гитлеровской чумы? Нет, нет и нет.

Наоборот, пока вы, из высоких побуждений невозможности ограничивать что бы то ни было свободу, даже фашистских убийц и злодеев, оставались спокойными, пребывая в своём философском созерцании, разбойники и убийцы точили ножи, собирали людей в свою шайку, организовывали свои банды, разрабатывали свои планы нападения, выжидая момент, когда удобнее всего можно будет поразить.

Вы можете бороться идеями и обязаны бороться идеями против того, что противоречит вашим идеям, но есть «идеи», представляющие собой общественную опасность, которые недостойны называться идеями, и средством борьбы против этой опасности является не только человеческое слово, но и закон, неумолимый уголовный закон.

Мы поэтому настаивали на том, чтобы возможность распространения фашистских «теорий» и так называемых «идей» была исключена, чтобы нельзя было допускать использования свободы слова и печати в целях пропаганды вражды между народами, в целях пропаганды фашизма и агрессии.

Но и эти наши требования в комитете остались гласом вопиющего в пустыне. Большинство всё-таки приняло положения, против которых мы должны возражать самым резким образом.

Конечно, вы — большинство на Ассамблее. Но придёт время, и, может быть, большинство увидит, что оно сделало большую ошибку. Но мы, оставшиеся в меньшинстве, не хотим, не можем и не смеем делать таких ошибок. Долг наш перед нашим народом обязывает нас не соглашаться с такой постановкой вопроса, какую мы видим в проекте третьего комитета, ибо в нашем сознании восстанавливаются страшные картины только что минувшей войны, во время которой тысячи и тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч и миллионы наших братьев погибли от руки фашистских палачей, пользовавшихся свободой безгранично и беспрепятственно распространять свои убийственные и злодейские так называемые «идеи» в некоторых странах.

Другим существенным недостатком этой статьи является и то, что она ограничивается простым провозглашением права на свободу и на распространение идей, но умалчивает о том, какими средствами можно распространять благородные идеи, не разбойничьи, не злодейские, не фашистские «идеи», которым теперь открывает эта статья проекта декларации широкий путь, а действительно благородные, возвышенные идеи, те идеи, которые рождаются на мансардах и чердаках, те идеи, которыми осчастливили человечество умы лучших людей мира. Можно было бы назвать десятки и сотни таких людей, которые были слишком бедны для того, чтобы свободно распространять свои идеи, не говоря уже о том, что эти идеи наталкивались на сопротивление господствующих классов и общества.

Эта статья проекта умалчивает, стыдливо умалчивает о тех средствах и способах, при помощи которых и можно было бы пользоваться этой свободой, провозглашённой декларацией.

Я хотел бы напомнить, что в историческом выступлении по проекту Конституции Советского Союза в 1936 году И. В. Сталин указывал на то, что когда говорят о свободе слова, собраний и печати, то забывают, что все эти свободы могут превратиться для рабочего класса в пустой звук, если он лишён возможности иметь в своём распоряжении подходящие помещения для собраний, хорошие типографии, достаточное количество печатной бумаги и т. д., т. е. всё то, что он имеет сейчас в нашей великой стране. Вот это умалчивание о тех средствах и способах, при помощи которых только и можно было бы на деле пользоваться этой свободой и иметь возможность практически и реально распространять свои благородные идеи и теории,— это умалчивание и является большим пороком статьи, о которой я сейчас говорю.

Делегация Советского Союза, стремясь устранить этот указанный выше порок из декларации, предлагала в третьем комитете дополнить эту статью — не заменить, а дополнить эту статью словами: «С целью обеспечения права на свободное выражение мнений значительных слоёв населения, а также для их организации, государство оказывает им содействие и помощь материальными средствами (помещением, печатными машинами, бумагой и т. д.), необходимыми для издания демократических органов печати».

Это предложение тоже было отклонено большинством комитета. При этом отклонение советского предложения мотивировалось не более и не менее, как тем, что предоставление широким кругам населения материальных средств для выражения его мнений будет по существу означать... покушение со стороны государства на свободу мысли. А действительный смысл отклонения предложения советской делегации заключается, по нашему мнению, — и это должно быть совершенно понятно, — в том, чтобы лишить широкие народные массы возможности вести свою независимую от газетных капиталистических монополий культурно-просветительную и политическую работу, направленную на защиту интересов широких народных масс. В этом действительный смысл тех возражений, на которые наткнулось в третьем комитете предложение делегации Советского Союза.

Четвёртый пример. В проекте третьего комитета имеется статья 21, пункт 1, в котором говорится: «Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций». Не плохая сама по себе статья. Но она недостаточна. Мы указывали в третьем комитете на неудовлетворительность этой статьи, потому что в этой статье ничего не говорится о свободе, например, уличных шествий и демонстраций. Но мы знаем, что на практике (и не нужно очень далеко уходить, чтобы найти такие факты) эта свобода шествий натывается на очень неприятные препятствия. Поэтому мы говорили, что надо сказать о свободе уличных шествий и демонстраций. Это показалось опасным, и наше предложение было отклонено.

В статье ничего не говорится о недопустимости организации всякого рода обществ и союзов фашистского типа или антидемократического характера, о недопустимости их деятельности в любой форме, которая должна быть запрещена под угрозой наказания. Всё это было отклонено. Все те предложения, которые в этом духе были внесены делегацией СССР, были отклонены.

Делегация СССР внесла предложение — взамен принятого третьим комитетом текста сказать:

«В интересах демократии должны быть гарантированы законом свобода собраний и митингов, уличных шествий, демонстраций, организации добровольных обществ и союзов. Всякие общества и союзы и иные организации фашистского и антидемократического характера, как и их деятельность в любой форме, запрещаются законом под угрозой наказания».

Такова эта реальная, практическая, с глубоким политическим содержанием статья, которая действительно способна содействовать тому, чтобы основные свободы и права человека не остались на бумаге и не третируются бы на деле, а чтобы они действовали, и чтобы они были действенным средством политического воспитания и защиты гражданских прав и интересов широких народных масс.

Нельзя не отметить, что когда отклонялось это предложение делегации СССР, то выдвигались такие, например, странные возражения, что понятие «фашизм» или понятие «организация фашистского типа» недостаточно ясно. Ведь некоторые чудаки даже позволяли себе задавать вопрос: что же такое в самом деле фашизм? Что же это такое — организация фашистского типа?

Нужно ли разоблачать ещё раз всю несостоятельность и фальшь подобного рода мотивировок, направленных, в сущности говоря, к тому, чтобы сорвать законные требования, отвечающие в полной мере интересам демократии и мира и безопасности народов, требования принять реальные и эффективные меры против возрождения и тем более против развития фашистских и антидемократических обществ, союзов и организаций? Нужно ли вновь и вновь разоблачать скрывающиеся за такого рода оговорками попытки оказать содействие возрождению фашизма и развитию его деятельности в ущерб интересам демократии и прогресса?

Борьба с фашизмом в течение всех лет, предшествовавших войне, навязанной гитлеровцами демократическим странам и миролюбивым народам, борьба с фашизмом во время второй мировой войны оставила достаточно глубокие рубцы на теле народов демократических стран, чтобы можно было с такой беззастенчивостью приводить столь явно искусственные и фальшивые ссылки на то, что понятие «фашизм» является якобы «неясным и неопределённым».

Позвольте при этом ещё пятый пример. В проекте Декларации прав человека, представленном третьим комитетом, в пункте 1 статьи 28 говорится о «праве каждого человека свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами...» и т. д. и т. д. Сколько звонких, прекраснотонных фраз. Но в этой статье нет самого существенного — нет ничего, что определяло бы

главное направление научной работы, указывало бы её главную цель и главные задачи.

Делегация Советского Союза предлагала дополнить эту статью параграфом, в котором говорится, что развитие науки должно служить интересам прогресса и демократии, должно служить делу мира и сотрудничества между народами.

Делегация СССР предлагала добавить несколько слов, которые нужны, чтобы дать направление развитию науки, чтобы показать, что наука должна содействовать именно тому, что здесь сказано, т. е. интересам демократии, интересам мира, сотрудничеству между народами, а не другим противоположным целям, когда науку сажают на золотую цепь зависимости от милитаристических учреждений, когда её заставляют думать и делать, работать и следовать не тому, что нужно для мира, а тому, что нужно для войны, что, конечно, противоречит задачам служения прогрессу и интересам демократии.

Но такая формула — служение интересам прогресса и демократии — оказалась для большинства третьего комитета неприемлемой, и она была отклонена. Но почему, какие были для отклонения основания? Мы предлагали сказать, что наука должна служить делу мира. Разве вся наша организация не призвана служить делу мира? Мы предлагали сказать, что наука должна служить интересам международного сотрудничества. Но разве вся организация Объединённых наций не поставлена на службу этой великой задаче?

Так почему же нельзя сказать в Декларации прав человека, которую намереваются издать от имени организации Объединённых наций, что наука должна преследовать вот эти задачи?

Почему это предложение было отвергнуто? Почему оно было отклонено? Почему с упорством невежд какие-то силы, организовавшиеся в среде третьего комитета, ополчились против призыва к науке служить делу прогресса человечества и делу международного сотрудничества? Почему? Таким людям мы отвечаем: ваша позиция не соответствует целям, задачам и принципам организации Объединённых наций, которая должна стоять на основе прогресса, демократии, мира и сотрудничества между народами.

Поэтому мы не можем согласиться с этой статьёй, как она дана большинством комитета, этой урезанной, этой ослабленной, этой изуродованной статьёй. Надо её поправить, надо её усилить, надо придать ей тот благородный лик, с которым наука всегда будет великим делом и великой общественной службой передовому человечеству.

Между тем это предложение советской делегации было отклонено, вероятно, по той простой причине, что это — советское предложение. Многие наши предложения не встречают поддержки большинства Ассамблеи и её комитетов не потому, что они сами по себе неподходящи, а потому, что они идут из наших рядов, но от этого проигрывает прежде всего сама организация Объединённых наций.

Шестой пример. В проекте Декларации прав человека, представленном третьим комитетом, ни звука не говорится о праве каждого человека, независимо от того, принадлежит ли он к расовому, на-

циональному и религиозному большинству или меньшинству населения, на свою национальную культуру; на обучение в школах на родном языке; на пользование этим языком в печати, на собраниях, в судах, на государственной службе, в общественных местах. В этой связи нельзя не напомнить, что в первоначальном Женевском проекте Декларации прав человека была соответствующая статья, хотя и далеко не достаточная, не отражавшая всего громадного значения этого вопроса. В Женевском проекте указывалось на то, что государства, среди населения которых имеются этнические, языковые или религиозные группы, имеют право содержать свои школы и культурные и религиозные учреждения, а также пользоваться своим собственным языком в печати, в письмах, в устной речи, на открытых собраниях, в судах и в других присутственных местах.

Вот даже такая, в высшей степени робкая статья, которая была в этом Женевском проекте, эта попытка, такая слабая, ответить на вопрос, связанный с принципом национальной политики, затрагивающей миллионы и миллионы людей, была отвергнута сначала в комиссии по правам человека, которая занималась разработкой этого проекта, а затем и третьим комитетом нашей сессии Генеральной ассамблеи. Больше того, третий комитет, признавая на словах значение этого вопроса, в своей резолюции о судьбе меньшинств — смотрите приложение «С» в документе А/777 — постановил не вводить в настоящую декларацию положения о национальных меньшинствах.

Таким образом, Декларация прав человека вообще осталась без статьи, которая бы отвечала этим в высокой степени важным, принципиально важным требованиям, отражающим стремление удовлетворить насущнейшие нужды миллионных масс, принадлежащих к так называемым национальным меньшинствам.

Это является одним из коренных недостатков проекта декларации. Это означает отказ от последовательного проведения принципа равноправия всех граждан, независимо от расы, национальности, пола, сословия, религии и языка. Хотя в статье 2 и содержится общее упоминание о том, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашёнными декларацией, без какого бы то ни было расового, национального, религиозного и тому подобного различия, тем не менее это не получило сколько-нибудь достаточного отражения в конкретных частях этой декларации.

К этому следовало бы добавить также и такой существенный недостаток проекта, как игнорирование суверенных прав и интересов государства, что нашло своё отражение в статьях 14 и 20 рассматриваемого проекта, представленного третьим комитетом. Об этом я хотел бы более подробно сказать позже.

Вот далеко не полный перечень тех предложений делегации Советского Союза, которые были направлены на улучшение проекта декларации, чтобы изъять, ослабить её недостатки и исключить из этого проекта указанные недостатки и чтобы включить в проект мероприятия, которые были бы способны облегчить проведение в жизнь основных демократических прав человека.

Отклонение указанных выше поправок сыграло наиболее отрицательную роль в отношении качества представленного третьим комитетом проекта декларации. Принятие лишь некоторых менее важных предложений, внесенных делегацией Советского Союза, частично улучшающих проект этой декларации, в силу этого не в состоянии было устранить неудовлетворительный характер проекта декларации в целом, о чём советская делегация и сделала соответствующее заявление в третьем комитете при подведении итогов его работы.

Все эти недостатки не позволяют нам признать проект декларации, представленный третьим комитетом, отвечающим требованиям, предъявляемым к такому документу, призванному сыграть свою роль в достижении целей и задач, стоящих перед организацией Объединённых наций. При таком состоянии этого документа было бы ошибкой, было бы проявлением излишней поспешности принимать этот проект декларации на данной сессии без внесения в него серьёзных изменений в целях улучшения ряда статей этого проекта.

Чтобы добиться такого улучшения в представленном проекте декларации, необходимо время. Все те усилия, которые затрачены до сих пор и в комиссии по правам человека, и в третьем комитете, и в редакционном комитете — поскольку там можно было добиваться всякого рода улучшения дела по существу, — не дали пока результатов. Надо и дальше работать над устранением из этого проекта декларации имеющихся в нём серьёзных недостатков. Надо бороться за то, чтобы добиться такого улучшения в проекте декларации, которое сделало бы эту декларацию достойной тех её целей, которые ставит перед собой организация Объединённых наций. Это серьёзная и большая задача.

То, что проделано, проделано не напрасно. Но то, что сделано, совершенно недостаточно. В проекте имеются такие зияющие провалы, такие важные недостатки, что принимать проект Декларации прав человека в его настоящем виде на этой сессии было бы серьёзной ошибкой.

Вот почему делегация Советского Союза предлагает на этой сессии Декларации прав человека не принимать, и принятие Декларации прав человека со всеми приложениями к ней, которые также имеют серьёзное принципиальное значение, отложить до четвёртой очередной сессии Генеральной ассамблеи. Оставшееся до 4-й сессии Ассамблеи время нужно будет использовать, чтобы проект Декларации прав человека улучшить и сделать декларацией, достойной её высокого назначения. Те ошибки, те недостатки, те провалы, которые имеются сейчас в проекте декларации, представленном третьим комитетом, исключают сейчас всякую возможность рекомендовать Генеральной ассамблее принятие этого проекта на этой сессии.

С этой целью советская делегация внесла и будет поддерживать своё предложение отложить принятие Декларации прав человека на 4-ю сессию Генеральной ассамблеи.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ООН

(10 декабря)

1. ПОПЫТКИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПРОЕКТ ДЕКЛАРАЦИИ
В ПОХОДЕ ПРОТИВ СУВЕРЕНИТЕТА

Делегация Советского Союза уже дала вчера — и другие делегации, поддерживающие позицию делегации СССР, сделали то же самое — оценку представленного третьим комитетом на рассмотрении Генеральной ассамблеи проекта Декларации прав человека.

Ссылаясь на конкретные статьи проектов декларации, мы указали на ряд примеров, которые дают нам основание сделать вывод, что этот проект декларации неудовлетворителен. Несмотря на то, что, как я вчера говорил, в нём есть некоторые элементы положительного характера и известные достоинства, не к лицу Генеральной ассамблее выпускать такого рода документ от имени организации Объединённых наций именно ввиду того значения, которое должна иметь Декларация прав человека.

Мы говорили о том, что в ряде статей этого проекта совершенно игнорируются суверенные права демократических государств, не говоря уже о том, что в проекте имеются положения, которые находятся в противоречии с принципами, провозглашёнными уставом организации Объединённых наций, о невмешательстве во внутренние дела государств.

Мы указывали на то обстоятельство, что делегация СССР приложила в процессе работы немало усилий к тому, чтобы устранить из Декларации прав человека эти указанные выше недостатки. Но это нам не удалось сделать, и это является одним из главных мотивов, почему мы не можем присоединиться к такой декларации.

В представленном Ассамблее проекте декларации бросается в глаза и такой серьёзный недостаток, как отсутствие каких-либо указаний на связь прав человека с проблемой государственного суверенитета. Это объясняется в значительной степени тем, что вновь ожила «теория» отрицания государственного суверенитета.

В настоящее время получила некоторое хождение — правда, достаточно отчётливо уже проявившаяся в прошлом году в среде определённой группы членов организации Объединённых наций — совершенно неправильная и фальшивая «теория» о том, что принцип государственного суверенитета представляет собой реакционную и якобы уже устаревшую идею и что будто бы отказ от этого принципа государственного суверенитета и является одним из необходимых условий международного сотрудничества.

Проект Декларации прав человека как будто бы идёт навстречу этим действительно реакционным взглядам и теориям, направленным против государственного суверенитета и находящимся, таким образом, в полном противоречии с принципами организации Объединённых

ных наций. Проект декларации в этом отношении представляет собой новый этап в походе против государственного суверенитета.

Иногда слышатся возражения такого рода, что вопросы государства не должны затрагиваться Декларацией прав человека потому, что эта декларация посвящена правам человека. Но с такого рода позиций нельзя согласиться уже по одному тому, что права человека немислимы вне государства. Самое понятие права есть понятие государственное. Больше того, права человека немислимы без того, чтобы они не пользовались защитой и охраной со стороны государства. В противном случае права человека превращаются в пустую абстракцию, в ничего не значащую иллюзию, которые, как известно, легко создаются, но также легко и исчезают.

С возражениями против включения в Декларацию прав человека вопросов, относящихся к государству, определяющих его роль в деле защиты прав человека, выступил здесь ряд ораторов, и между ними — член французской делегации проф. Кассен, кажется вице-председатель международного союза юристов-демократов. Его выступление нельзя оставить незамеченным. Проф. Кассен напал здесь на абсолютный, как он выразился, суверенитет. Он говорил о том, что абсолютный суверенитет провозглашал и Гитлер. Он процитировал замечание Гитлера о том, что всякий, мол, сам хозяин в своём доме: «Вас не касается то, что я делаю со своими соотечественниками».

«Таким образом, — говорил г-н Кассен, — великое преступление осталось безнаказанным; преступление против прав немецкого человека стало преступлением против прав человека в других странах».

Но это представление о причинах развязки второй мировой войны — о чём можно было судить по этому замечанию г-на Кассена — противоречит фактам и поэтому является совершенно неправильным. Причины второй мировой войны идут не от нарушения прав немецкого человека, а совсем по другой линии. Причины лежат в политике тогдашних руководителей Европы, а именно Франции во главе с Даладье, Англии во главе с Чемберленом, которых поддерживали в этой политике Соединённые Штаты Америки. Сущность и всё направление этой внешней политики заключались в том, чтобы поддержать и всячески ускорить восстановление военной мощи гитлеровской Германии и чтобы направить подготавливавшуюся Гитлером агрессию на Восток.

Дело не в нарушении прав немецкого человека, а дело в нарушении прав народов. Это мюнхенское соглашение открыло путь мировой войне, и тогдашнее французское и английское правительства, при поддержке тогдашнего правительства Соединённых Штатов Америки, сделали всё для того, чтобы, отводя угрозу гитлеровской агрессии, открыть ворота немецкой агрессии на Восток, в направлении Советского Союза. Вот каковы действительные причины возникновения и развязывания второй мировой войны.

Г-н Кассен забыл, вероятно, обо всём этом или он просто плохо разбирается в уроках истории. Он говорил здесь о суверенитете в том же духе, в котором в прошлом году говорил г-н Спаак. Следует признать, что вопрос о суверенитете действительно является

в высокой степени важным вопросом. Целый ряд учёных-международников, например Прадье-Фодере, в своём «Курсе международного права» определяет «право государства самому и для себя осуществлять развитие для достижения своих собственных целей без всякого внешнего вмешательства, право проявлять и осуществлять свою волю, действуя в области своей юрисдикции без каких-либо препятствий со стороны внешней силы, возможность самому поддерживать свои права, соблюдать обязанности, которые являются необходимой и важнейшей основой для каждого свободного общества, действующего в своей области действительно самостоятельно. не служа никогда в качестве орудия для другого государства». Это — правильное определение сущности и значения государственного суверенитета — осуществлять свою волю и никогда не служить орудием политики или воли какого-либо другого государства. Вот суверенное государство.

Прадье-Фодере более близок к истине, чем г-н Кассен, который вчера с такой юношеской резвостью атаковал принцип государственного суверенитета. Но то же самое, что у Прадье-Фодере, можно прочесть и у других видных представителей международного права.

Но есть и другие авторы, которые занимают действительно реакционную позицию, всячески опорочивая государственный суверенитет, как якобы «реакционную идею», которую нужно-де сдать в архив истории.

Нам говорили вчера здесь по поводу государственного суверенитета в духе действительно реакционном, в духе реакционных идей таких учёных, как, например, Ссейль, Морелли и др., нападающих на суверенитет. Пропаганда против государственного суверенитета, прикрываемая тем, что имеется в виду абсолютный суверенитет, а не суверенитет вообще, это не что иное, как идеологическая подготовка к окончательной политической капитуляции своей страны перед более могущественной державой, перед её экономической мощью.

Нужно предостеречь против такой обработки общественного мнения, направленной на то, чтобы сломить волю к сопротивлению планам мирового господства, угрожающим экономической и политической самостоятельности других государств, тем более слабых государств.

Мы против такой пропаганды, роющей яму независимости государств и благополучию народов. Мы отвергаем «теорию» отрицания государственного суверенитета, которую так ярко здесь выразил проф. Кассен, вдохновлённый, повидимому, Иденом, заявившим 22 ноября 1945 года в палате общин, что в связи с изобретением атомной бомбы он не видит другого способа оградить мир от неё, кроме как отказаться от «нынешнего представления о суверенитете». Или, может быть, проф. Кассен был вдохновлён Бевинем, который подкрепил в своё время Идена, заявив, что на смену суверенитету отдельных государств придёт «суверенитет всего человечества в целом».

Это, повторяю, означает капитуляцию перед более сильным государством, стремлению которого к мировому господству всё ещё мешает государственный суверенитет, являющийся орудием защиты

более слабых стран против алчности более сильных государств, государственный суверенитет которых, хотя и подрубленный в корне такими мероприятиями, как «план Маршалла», как создание западноевропейского политического блока и т. д., всё же ещё сохраняет свою силу и своё значение. Вот к чему ведёт линия, которую вчера здесь пробовал защищать проф. Кассен и другие противники суверенитета.

2. КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА?

Делегация СССР в процессе всей работы по подготовке Декларации прав человека прилагала все усилия к тому, чтобы Декларация прав человека отвечала, по крайней мере, следующим двум основным требованиям:

1) Декларация прав человека должна обеспечить уважение к правам человека и к основным свободам для всех, без различия расы, национальности, сословия, религии, языка, пола в соответствии с принципами демократии, государственного суверенитета и политической независимости государства.

2) Декларация прав человека должна не только провозглашать права, но и обеспечивать их осуществление с учётом, разумеется, экономических, социальных и национальных особенностей каждой страны.

Нельзя ограничиваться фиксированием только формальных прав граждан. Необходимо не просто провозглашать равенство прав граждан, но необходимо и обеспечить осуществление этого права известными материальными средствами, а также законодательными мерами. Нельзя, разумеется, ставить перед таким документом, как Декларация прав человека, издаваемым организацией Объединённых наций, такие же задачи, какие ставятся перед конституциями государств. Но Декларация прав человека, тем не менее, должна быть построена таким образом, чтобы преодолеть этот узко формальный горизонт, этот абстрактный характер тех принципиальных положений, которые включаются в Декларацию прав человека. При этом необходимо, разумеется, учитывать экономические, социальные и национальные особенности каждой страны, без учёта которых невозможно было бы решить настоящую задачу и невозможно было бы найти практические пути для осуществления провозглашённой декларации.

Надо признать, что представленный проект Декларации прав человека не удовлетворяет указанным требованиям. Я уже об этом говорил и поэтому критической стороны не буду касаться. Я должен, однако, напомнить, что именно исходя из этой критики делегация СССР предлагает отложить на следующую сессию принятие Декларации прав человека со всеми теми приложениями, которые к ней подготовлены. На случай, если это наше предложение не будет принято, мы представили ряд предложений, которые могли бы в значительной степени, как мы в этом убеждены, исправить и улучшить эту декларацию.

3. ПРОЕКТ ДЕКЛАРАЦИИ ИГНОРИРУЕТ ВАЖНЕЙШИЙ ПРИНЦИП ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ — ПРАВО НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Важнейшей нашей поправкой к проекту декларации является предложение дать новую статью, посвящённую вопросу о праве каждого народа и каждой нации на национальное самоопределение, о равенстве прав каждого народа и каждой национальности в пределах государства.

В своём историческом докладе о проекте Конституции Советского Союза в 1936 году Генералиссимус И. В. Сталин указывал, что Конституция СССР исходит из того, что все нации и расы равноправны, что разница в цвете кожи или в языке, в культурном уровне или в уровне государственного развития, равно как и другая какая-либо разница между нациями и расами, — не может служить основанием для того, чтобы оправдать национальное неравноправие; что все нации равны, независимо от их прошлого и настоящего положения, независимо от их силы или слабости; что они все должны пользоваться одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, общественной, государственной и культурной жизни общества.

Известно, что конституции капиталистических стран исходят из предпосылки о том, что расы и нации не могут быть равноправными, что есть нации полноправные и есть нации неполноправные и что, кроме того, существует ещё третья категория наций и рас, в колониях например, у которых имеется ещё меньше прав, чем у неполноправных наций.

Эту замечательную по своей силе характеристику особенностей конституций буржуазных стран, сделанную Генералиссимусом И. В. Сталиным в 1936 году, очень важно напомнить сейчас в связи с рассматриваемым нами проектом Декларации прав человека, ибо этот проект носит на себе печать этих же самых особенностей. Это, в частности, выражено в статье 2, которая хотя и провозглашает равноправие без различия расы, национальности, языка и т. д., но ограничивается общей фразой о том, что человек должен обладать всеми правами. Этого, конечно, совершенно недостаточно. Ещё более недостаточна статья 3 проекта, которая ограничивается общими формулами относительно распространения прав, провозглашаемых декларацией, на жителей подопечных и несамостоятельных территорий.

Делегация СССР не может не обратить внимание на то, что проект третьего комитета совершенно обходит такой исключительной важности вопрос, как право каждого народа и каждой нации на национальное самоопределение. «Право на самоопределение, т. е.: только сама нация имеет право определить свою судьбу, никто не имеет права *насильственно* вмешиваться в жизнь нации, *разрушать* ее школы и прочие учреждения, *ломать* ее нравы и обычаи, *стеснять* ее язык, *урезывать* права» (Сталин), — является громадным достижением национальной политики Советского Союза. И именно это и вдохновляет нас на необходимость — мы далеки, разумеется, от того,

чтобы рекомендовать провести это в Декларацию прав человека организации Объединённых наций в полном объёме,— рекомендовать учесть опыт решения национального вопроса в Советском Союзе, в нашей стране.

Делегация СССР считает поэтому статью 3 проекта декларации неудовлетворительной, не отвечающей на главное существо вопроса, искусственно ограничивающей свою задачу вопросом лишь о правах жителей подопечных и самоуправляющихся территорий. Поэтому делегация СССР считает необходимым статью 3 заменить новым текстом, который имеется в документе А/784, находящемся в вашем распоряжении. Я, за недостатком времени, воспроизводить этого текста не буду. Я напому только слова министра иностранных дел Советского Союза В. М. Молотова о том, что разрешение национального вопроса в Советском Союзе является одним из самых поучительных фактов современности, что мы нашли правильное решение национального вопроса на основе укрепления дружбы народов с полным развитием их экономического уклада, быта и национальной культуры.

Повторяю, мы не можем, разумеется, претендовать на то, чтобы в Декларацию прав человека, которую готовится принять организация Объединённых наций, были введены статьи и положения, отвечающие в полной мере требованиям и принципам, осуществлённым в великой Сталинской Конституции Советского Союза. Для ряда государств это задача, решение которой ещё потребует больших и серьёзных усилий и соответствующих экономических, социальных и политических предпосылок. Известно ведь, что имеется значительное число стран, где национальный вопрос представляет собой ещё далеко не решённую задачу.

Этого, разумеется, нельзя не учитывать при составлении проекта Декларации прав человека, который будет исходить от организации Объединённых наций, но, с другой стороны, нельзя не учитывать и накопленный уже в передовых странах исторический опыт в борьбе за права человека и те успехи, которые уже достигнуты этими странами в результате этой борьбы.

Без включения в Декларацию прав человека положения о праве каждой нации, каждого народа на национальное самоопределение декларация не может отвечать своему назначению. Без указания на то, что «государства,— как говорится в предложении делегации СССР,— несущие ответственность за управление самоуправляющимися территориями, в том числе колониями, должны способствовать осуществлению этого права, руководствуясь принципами и целями Объединённых наций в отношении народов этих территорий»,— декларация была бы далеко не полной и далеко не удовлетворительной. Без принятия такого предложения не может иметь достаточного значения статья 3 проекта, которую мы предлагаем включить в проект декларации в новой нашей редакции в качестве третьего пункта этой статьи, но в исправленном виде.

4. ПРОЕКТ ДЕКЛАРАЦИИ ОБЛЕГЧАЕТ ВОЗРОЖДЕНИЕ ФАШИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Статья 20 проекта декларации также неудовлетворительна. Я говорил уже об этом, указывая на дефекты этой статьи. Главный дефект — это то, что под флагом неограниченной свободы слова и печати, свободы без всяких ограничений, протаскивается возможность пропаганды фашистских «идей». Эта тенденция и, вместе с тем, серьёзнейшая опасность, связанная с пропагандой человеко-ненавистнических взглядов и «теорий» фашизма, была вчера здесь продемонстрирована английским делегатом Дэвисом. В своём выступлении английский делегат допустил грубые клеветнические выпады против СССР. Это была смесь клеветы и глупых вымыслов. Он следовал известному иезуитскому методу: «Клеветайте, клеветайте, может быть, что-нибудь останется». Мы уверены, что от такой клеветы, в которой изохрился здесь представитель английской делегации, ничего не может остаться, кроме смрада. Ниже нашего достоинства было бы отвечать или вступать в споры с клеветниками. Дело к тому же не в них.

Английская делегация исходит в критике наших предложений из того, что советские поправки были отклонены потому, что они ограничивают свободу. Но мы говорили отчётливо и ясно, что мы требуем только ограничения свободы фашистской пропаганды и фашистской деятельности, и поэтому никак не можем подменить одно наше утверждение другим. Мы не требуем ограничения пропаганды и деятельности разных общественных организаций для кого бы то ни было, кроме фашистских организаций. Пропаганда фашизма — это преступление. Но если говорить, что ограничение фашистской пропаганды недопустимо с точки зрения принципов свободы, то в таком случае можно было бы то же самое сказать относительно законов, ограничивающих деятельность любых преступников — убийц, грабителей, воров, насильников, мошенников и т. п. В таком случае надо было бы провозгласить неприкосновенность убийц, грабителей и других уголовных преступников, признав неограниченную свободу их деятельности и полную их безнаказанность. Но если так уж начать рассуждать, то, мне кажется, законно должен возникнуть вопрос, не таково ли состояние оратора, который заводит такие разговоры, что необходимо, пожалуй, обратиться скорее всего к содействию психиатра...

Делегация СССР предлагает статью 20 проекта заменить текстом в следующей редакции:

«Неотъемлемым правом каждого человека является свободное выражение и распространение демократических взглядов и идей, защита демократических порядков и демократических государственных и общественных институтов, борьба против фашизма в области идеологии, политики, государственной и общественной жизни».

Такая статья вполне соответствовала бы задаче создать Декларацию прав человека, отвечающую требованиям борьбы за принципы демократии и прогресса, против фашизма и мракобесия, против реакции и агрессии, злоупотребления правом и свободой для разжи-

гания человеконенавистничества, для подстрекательства к новым войнам. Такая статья морально укрепит передовые силы всюду, где ведётся борьба за принципы демократии, мира, прогресса и международного сотрудничества.

Советская делегация также предлагает статью 22 проекта заменить текстом такого содержания, который говорил бы о том, что «каждый гражданин любого государства, независимо от расы и цвета кожи, национальности, сословия, имущественного положения, социального происхождения, языка, религии или пола, должен иметь право на участие в управлении государством».

Мы предлагаем сказать в статье 22 о том, что каждый человек имеет право избирать и быть избранным во все органы власти на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, а также иметь равную с другими гражданами возможность занятия любой государственной и общественной должности в своей стране. В нынешней статье 22 проекта эти вопросы не нашли должного отражения. Недостаточно сказать о праве каждого человека принимать участие в управлении своей страной или государством. Надо сказать, что каждый гражданин любого государства имеет право на участие в управлении государством; надо сказать, что он имеет право избирать и быть избранным во все органы власти и не только на основе всеобщего, равного и тайного избирательного права, но и на основе прямого избирательного права.

Надо сказать, что каждый гражданин любого государства должен иметь равную с другими гражданами возможность на занятие любой государственной и общественной должности в своей стране. Ничего этого нет в статье 22 проекта. Предложение делегации СССР говорит также о несовместимости с указанным выше принципом установления имущественного, образовательного или иных цензов, которые ограничивают участие граждан любого государства при выборах в представительные органы. В статье 22 проекта Декларации прав человека третьего комитета отсутствует указание на эти важные гарантии демократического избирательного права. При наличии указанных выше недостатков делегация СССР не может присоединиться к проекту декларации.

Делегация СССР предлагает, кроме того, после статьи 30 проекта Декларации прав человека включить новую статью следующего содержания:

«Перечисленные в настоящей декларации права и основные свободы человека и гражданина обеспечиваются законами государств. Всякие нарушения и ограничения этих прав, прямые или косвенные, являются нарушением настоящей декларации и несовместимы с высокими принципами, провозглашёнными в уставе организации Объединённых наций».

Почему нельзя принять этой статьи? Почему возникают препятствия тогда, когда мы ставим вопрос о том, чтобы записать в Декларацию прав такую статью? Эта статья говорит сама за себя, она призывает обеспечить законами государства права и основные свободы человека и гражданина; она провозглашает нарушением настоящей декларации всякие нарушения и ограничения прав, прямые

или косвенные; она признаёт такие нарушения несовместимыми с высокими принципами, провозглашёнными в уставе организации Объединённых наций. Почему это нельзя сказать? Почему нельзя принять такую статью, которая совершенно соответствует духу и принципам, выраженным в уставе организации Объединённых наций?

Таковы постановления важнейшего принципиального значения, которые должны быть включены в Декларацию прав человека, чтобы она могла удовлетворять стремлениям миллионов и миллионов простых людей, стремлениям всех миролюбивых народов в установлении и в укреплении основных свобод и прав человека, демократии и прогресса, мира и безопасности народов.

Без поправок делегации СССР, которые были мною оглашены, проект Декларации прав человека, по нашему глубокому убеждению, останется недоработанным, неудовлетворительным. При таких двух недостатках Декларация прав не достигнет, не может, не в состоянии достигнуть той цели, которой призван служить этот документ в соответствии с теми правильно понятыми требованиями, которые должны предъявляться к подобному документу, исходящему от организации Объединённых наций.

Позвольте мне пять остающихся минут употребить на один вопрос, который возник в процессе прений, который, как мне кажется, имеет далеко не теоретический характер, хотя он подавался в теоретическом плане. Это вопрос о той тенденции, к которой стремится якобы советская делегация, внося свои предложения.

Об этом говорили в таком смысле, что Советский Союз стремится к подчинению человеческой личности государству, к тому, чтобы государство довлело над личностью человека и чтобы человек был превращён в простой винтик всемогущего государства, пожалуй, чего-то вроде «Левиафана» Гоббса.

Но это, конечно, пустые разговоры, свидетельствующие о том, что авторы этих рассуждений не отдали себе достаточно ясного отчёта в том, что они излагают, и не проконтролировали в достаточной мере смысл того, что они позволяли себе говорить в отношении Советского Союза.

Они забывают, очевидно, что противоречия между государством и личностью — это факт, который существует в истории со времени, когда появились в обществе антагонистические классы. Где общество разделено на классы, там господствующие классы держат в своих руках аппарат господства, орудие власти, которым и является государство. В таких обществах государство, являющееся орудием господства классов, противоположно по своим целям и защищаемым им интересам остальным классам, составляющим основную массу населения. Здесь государство стремится к господству над личностью, над человеком, интересы которого сталкиваются с интересами государства.

Иное дело в обществе, где нет антагонистических классов. Там, естественно, нет и не может быть противоречия между государством и человеком, ибо государство в таком обществе это есть коллективный человек. Историческое противоречие в таком обществе исчезает, его просто нет, оно уничтожено развитием общества, которое при-

шло уже к тому, что нет деления этого общества на противоположные классы, на класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых. Здесь поэтому нет проблемы взаимоотношений между государством и личностью в её историческом смысле. Эта проблема снята историей, в частности, в нашем отечестве.

Над этим следовало бы задуматься некоторым ораторам, которые выдумывают, что в СССР хотят якобы подчинить личность государству. В СССР отношения между государством и личностью находятся в состоянии гармонии. Их интересы совпадают.

Это нашло своё выражение в формуле, которой гордятся все передовые люди, всё передовое человечество: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян».

Этим уже сказано, что в СССР, на одной шестой части земного шара, уже осуществлено то, о чём в проекте декларации говорится, как о высоком идеале.

Вот почему совершенно нелепыми и свидетельствующими, может быть, о неспособности пснать то, что действительно происходит вокруг, являются заявления о том, что Советский Союз якобы стремится обезличить личность человека и подчинить её государству.

Г-н представитель Канады здесь говорил о том, что идёт борьба двух линий — линии уважения прав человека и линии утверждения превосходства государства над человеком. Это же говорил здесь, отчасти, представитель Уругвая. Что идёт борьба двух линий — это верно, господа, но не тех линий, не та борьба, о которой говорили эти представители.

Две линии борьбы, конечно, отразились и в вопросе о подготовке проекта Декларации прав.

Одна линия — это линия защиты принципа демократии и прогресса, мира и безопасности народов. Эта линия требует обуздать фашизм и фашистско-нацистскую деятельность.

Другая линия — это линия реакции и агрессии.

Одна линия — против всех и всяких антидемократических и фашистских поползновений так называемых «теорий» и т. п., посягающих на самые священные блага человечества.

Другая линия — это линия поддержки и использования реакционных сил, вплоть до фашизма-нацизма, пытающегося поднять свою голову для борьбы против передовых идей современности, за узко корыстные интересы новоявленных претендентов на мировое господство.

Столкновение и борьба этих линий нашли своё отражение и в работе третьего комитета и в том сопротивлении, которое встретили в этом комитете предложения делегации Советского Союза и ряда других делегаций, борющихся за демократию и прогресс, за мир и международное сотрудничество, против реакции и агрессии.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН
ПО ПАЛЕСТИНСКОМУ ВОПРОСУ

(11 декабря)

1. ПОПЫТКИ США И АНГЛИИ СОРВАТЬ ВЫПОЛНЕНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
АССАМБЛЕИ ОТ 29 НОЯБРЯ 1947 ГОДА

В четвёртый раз Генеральная ассамблея занимается рассмотрением палестинского вопроса. Перед каждым из нас, естественно и законно, встаёт вопрос: что же заставляет Генеральную ассамблею вновь и вновь возвращаться к этому вопросу? Ответ на это мы можем найти, если проследим шаг за шагом за ходом событий в Палестине за истекшее время. Эти события подтверждают, что Великобритания и Соединённые Штаты Америки, которым принадлежит такая важная роль в развитии палестинских событий, используют своё влияние — политическое, экономическое и военное — для того, чтобы добиться нужного им решения палестинской проблемы.

Тот факт, что Генеральная ассамблея в четвёртый раз занимается палестинским вопросом, свидетельствует лишь о том, что этим державам, которые на предыдущих сессиях Генеральной ассамблеи занимались этим вопросом, не удалось добиться осуществления своих планов в отношении Палестины.

Преследуя в Палестине, как я сказал, свои планы и цели, британское правительство на первой стадии обсуждения палестинского вопроса заняло позицию, которую нельзя назвать иначе, как позицией сопротивления решению Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года. Оно заняло такую позицию под тем предлогом, что с этим решением не согласна одна часть Генеральной ассамблеи и что, таким образом, невозможно будет это решение провести в жизнь в силу сопротивления со стороны этой части.

Такой позиции британское правительство придерживалось вплоть до того момента, пока специальная сессия Генеральной ассамблеи, имевшая место, как все помнят, в апреле и мае этого года, не приняла под сильным нажимом со стороны представителей Великобритании и Соединённых Штатов Америки 14 мая резолюцию о назначении в Палестине посредника организации Объединённых наций.

Советская делегация имела случай отмечать зигзаги в политике Великобритании и Соединённых Штатов Америки и двойную игру этих держав в палестинском вопросе. Все эти зигзаги, конечно, не были случайны. Они были обусловлены направлением политики этих государств в палестинском вопросе. Они были поэтому с точки зрения узко корыстных целей, которые преследовали в Палестине эти державы, вполне понятны.

Британское правительство на первой стадии рассмотрения палестинского вопроса сформулировало свою позицию в том смысле, что оно не поддержит никакого решения палестинской проблемы, если только с этим решением не будут согласны обе стороны, оба народа, населяющие Палестину, — еврей и арабы. Эта формула служила британскому правительству, однако, прикрытием его действительных намерений в отношении Палестины. Дело шло, как это было совершенно очевидно, к обострению положения в стране, вызвавшего междоусобицу. Дело шло об усложнении этого положения в расчёте на то, что можно будет вернуться к прежнему состоянию вещей в Палестине под предлогом наведения в стране порядка. Но, как известно, этого не случилось. Тогда возникла новая идея: создать институт посредника организации Объединённых наций, и такой институт был создан. Назначение посредника организации Объединённых наций в Палестину преследовало цель создать для Соединённых Штатов Америки и Великобритании возможность воспользоваться этим институтом как орудием или средством для осуществления своих замыслов и планов в отношении Палестины.

2. ИЗВРАЩЕНИЕ РОЛИ ПОСРЕДНИКА В УГОДУ ИНТЕРЕСАМ США И АНГЛИИ

Сейчас вряд ли найдётся кто-нибудь, кто мог бы это отрицать, ибо события, последовавшие после принятия Генеральной ассамблеей решения от 14 мая этого года, показали в подлинном свете действительный смысл назначения посредника в Палестине. Это особенно отчётливо показал так называемый план посредника, проникнутый одной идеей, направленный к одной цели, поставивший перед собой одну задачу — сорвать решение Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года; принять все меры к тому, чтобы это решение было, по существу, фактически отменено.

Роль посредника, и это уместно сейчас сказать, должна была ограничиться теми функциями, которые были направлены главным образом на то, чтобы добиться в Палестине перемирия, попытаться урегулировать отношения между евреями и арабами, попытаться содействовать созданию и укреплению между ними добрососедских, дружественных отношений. Роль посредника, по постановлению Генеральной ассамблеи от 14 мая 1948 года, должна была заключаться в том, чтобы посредничать между спорящими сторонами, играть роль примиряющего начала.

Но, как известно, посредник занялся вовсе не этим, или во всяком случае в значительной степени занялся не этой задачей. Он занялся тем, что начал готовить новые планы решения, новую программу решения палестинского вопроса; он начал заниматься разработкой нового плана, который находился в противоречии — и, надо прямо сказать, в резком противоречии — с решением Ассамблеи по вопросу о Палестине, принятым Генеральной ассамблеей 29 ноября прошлого года.

В докладе, который посредник представил Генеральной ассамблее 16 сентября, этот план изложен в части I и хорошо, вероятно, известен всем тем, кто интересуется палестинским вопросом. Поэтому здесь нет никакой необходимости сколько-нибудь подробно на нём останавливаться. Незачем здесь сейчас излагать и предложения посредника в отношении Палестины, ибо они также, я полагаю, всем хорошо известны. Однако надо сказать, что позиция, занятая в отношении предложений посредника британским и американским правительствами, заслуживает того, чтобы быть ещё раз отмеченной.

Как британское правительство, так и правительство Соединённых Штатов Америки проявили к предложениям посредника чрезвычайно повышенный интерес. Можно сказать, что они ухватились за эти предложения и сделали это столь поспешно и с такой энергией стали доказывать, что эти, именно эти предложения и являются единственным разумным и приемлемым для всех планом разрешения палестинского вопроса, что мало у кого могло оставаться сомнение в том, что предложения, представленные посредником, полностью совпадают с планами Соединённых Штатов Америки и Великобритании в отношении Палестины, что этот план, эти предложения посредника, в сущности говоря, выполнены под их непосредственным влиянием, а может быть, и по прямому их указанию.

Большинство Первого комитета так и расценило эти предложения посредника. Эти предложения посредника встретили здоровое сопротивление со стороны тех делегаций, которые стоят на позиции выполнения и проведения в жизнь решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября, сопротивление тех делегаций, которые считают для себя обязательным выполнение этого решения.

Вот почему главные пункты британского проекта, в основу которых были положены предложения графа Бернадотта, оказались в комитете отвергнутыми.

Следует при этом отметить весьма любопытный факт изменения взглядов британского правительства на самый принцип разрешения палестинского вопроса. Как уже было сказано, до появления предложений посредника позиция британского правительства в палестинском вопросе была такова, что оно не одобряло никакого решения, с которым не были бы согласны арабы и евреи, или одна из этих сторон.

Однако после представления посредником плана своих предложений британское правительство круто меняет свою позицию. Британское правительство поспешно одобряет эти предложения, хотя ему хорошо известно, что в этом случае уже ни та, ни другая сторона с этими предложениями не согласны, т. е., что не согласны с этими предложениями ни арабы, ни евреи.

Вот какой совершился с божьей помощью поворот. Британское правительство даёт согласие на тот план, выражает своё согласие с теми предложениями, которые прямо противоречат той позиции, которую оно так упорно защищало до этого, заявляя, что не может поддержать ни одного из предложений по палестинскому вопросу, если какая-нибудь из заинтересованных непосредственно в этом

сторон, какой-нибудь из палестинских народов будет возражать против этого плана. Когда, однако, надобность в этой позиции миновала, британское правительство ни на минуту не задумалось над тем, чтобы отказаться от неё и поддержать предложения посредника, которые идут вразрез с упомянутыми решениями Генеральной ассамблеи, предложения неприемлемые, как я сказал, ни для арабов, ни для евреев.

Такая на первый взгляд противоречивая позиция британского правительства, однако, не является случайностью, она полностью вытекает из тех задач, которые, очевидно, ставит себе британское правительство в Палестине, исходя из своих целей. Можно утверждать, что на первой стадии рассмотрения палестинского вопроса британское правительство имело в виду создать в Палестине такие условия, которые позволили бы Великобритании в той или иной форме вновь поставить Палестину под свой контроль.

Однако после принятия Генеральной ассамблеей решения от 29 ноября и после того, как 14 мая в Палестине было провозглашено еврейское государство Израиль, британские политики, оценив обстановку, решили, очевидно, бороться за то, чтобы вернуть под свой контроль, по крайней мере, значительную часть Палестины, если будет невозможно восстановить прежнее положение в целом. Вот почему и произошёл этот поворот в политике Великобритании в отношении палестинского вопроса.

Надо также сказать, что в этой своей политике как британское правительство, так и Соединённые Штаты Америки не склонны считаться с интересами ни еврейского, ни арабского населения, ни вообще с интересами установления мира и сотрудничества между палестинскими народами. Великобритания и Соединённые Штаты Америки, однако, и на этот раз потерпели неудачу в своей палестинской политике. Весьма показательна в этом отношении та борьба, которая происходила в Первом комитете при рассмотрении палестинского вопроса. Как известно, британская делегация поспешила в самом начале рассмотрения палестинского вопроса в Первом комитете внести свой проект резолюции раньше других, с тем, чтобы на этом основании добиваться, чтобы её проект был взят за основу решения комитета.

3. США И АНГЛИЯ ДОБИВАЮТСЯ УСТАНОВЛЕНИЯ СВОЕГО КОНТРОЛЯ НАД ПАЛЕСТИНОЙ

Как известно, этот проект был целиком основан на предложениях посредника и был по существу направлен на то, чтобы решение Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года относительно Палестины подвергнуть коренной ревизии. Так, например, в британском проекте предусматривалось, что решение Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года относительно границ еврейского государства должно быть пересмотрено на основе предложений посредника. Это означало, что у еврейского государства должна быть отнята область Негев, которая составляет примерно две трети территории еврейского государства.

Если бы это было осуществлено, то таким образом можно было бы реализовать намерение свести территорию еврейского государства до самых минимальных размеров, каковые пожелания, как известно, открыто высказывались некоторыми представителями английских военных властей. Затем предлагалось остальную часть Палестины, которая не входит в состав государства Израиль, т. е. значительную часть Палестины, может быть, даже до четырёх пятых всей её территории, передать Трансиордании, отношения которой с Великобританией хорошо известны, как хорошо известна и та марионеточная роль, которую Трансиордания играет в этих отношениях.

Проведением в жизнь этого предложения посредника Англия, при поддержке Соединённых Штатов Америки, повидимому, намеревалась осуществить план установления посредством Трансиордании своего контроля над большей частью Палестины, вместо того, чтобы на территории Палестины, не входящей в состав государства Израиль, создать независимое арабское государство, как это предусмотрено известным вам всем решением Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года.

В этой связи не случайно, мне кажется, бывший министр колоний Великобритании Стэнли в декабре 1947 года во время обсуждения палестинского вопроса в английской палате общин заявил, что решение палестинского вопроса, быть может, явится «окончанием главы», но что, по его мнению, это не будет «концом истории». «Мы дали обязательство,— сказал Стэнли,— сложить с себя полномочия, но я уверен, что Англия никогда не утратит интереса к Палестине».

Мне кажется, это замечание бывшего министра колоний Великобритании имеет определённое значение и проливает определённый свет на ход тех мероприятий и той политики, которой придерживается Великобритания в отношении Палестины при поддержке Соединённых Штатов Америки.

4. МАНЕВРИРОВАНИЕ США И АНГЛИИ

После нескольких дней дискуссии, когда определилось отрицательное отношение большинства Первого комитета к британскому проекту, американская делегация, поспешив на выручку своему коллеге, внесла ряд поправок к этому проекту. Цель этих манёвров американской делегации состояла в том, чтобы создать видимость того, что британский проект, если в него внести поправки, которые предлагают Соединённые Штаты Америки, изменится в лучшую сторону и станет более приемлемым для комитета. Однако по существу американские поправки ничего не изменили в основе британского проекта, оставшегося столь же неприемлемым с точки зрения решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года, каким он был и до предъявления американских поправок.

Следует отметить, что британская и американская делегации в Первом комитете, в сущности говоря, разделили между собою роли:

одни, именно британская делегация, вносили свои проекты, а другие, именно американская делегация, вносили к этим проектам свои поправки. Было ясно, что эти довольно сложные манёвры производились по соглашению между двумя влиятельными делегациями в Первом комитете.

Все эти манёвры неоднократного внесения и пересмотра британских проектов и пересмотра американских поправок имели, конечно, своей целью создать впечатление, что британский проект якобы всё более улучшается, что британская делегация идёт навстречу критикам британского проекта, принимая различного рода поправки, и т. д. Однако, если вникнуть в существо дела, то можно убедиться, что как и первоначальный британский проект, так и второй и третий варианты британского проекта сохранили свою основу неприкосновенной, а основой британского проекта, как было сказано раньше, явились предложения посредника, направленные на пересмотр границ государства Израиль с той целью, чтобы добиться, таким образом, резкого сокращения территории этого молодого государства, добиться передачи всех остальных территорий Палестины — Трансиордании.

Ввиду того, что большинство делегаций в Первом комитете всё же решительно возражало против основы британского проекта, этот проект с американскими поправками потерпел неудачу, так как из него были выброшены все основные, я бы сказал, решающие пункты и статьи. Однако и после этой операции британский проект в комитете собрал весьма шаткое большинство, как мы уже слышали об этом от докладчика и знаем из материалов этого дела. За это предложение голосовало 25 делегаций, против голосовала 21 делегация и воздержалось 9 делегаций. И вот теперь этот документ представлен на рассмотрение Генеральной ассамблеи.

Следует отметить, что в документе сохранились положения, которые находятся в противоречии с резолюцией Генеральной ассамблеи от 29 ноября. Эти положения касаются, например, Иерусалима. Резолюция от 29 ноября предусматривает, что для Иерусалима будет устанавлен международный статут, который должен выработать Совет по опеке. Административная власть Иерусалима также должна осуществляться Советом по опеке от имени организации Объединённых наций. Однако в проекте резолюции, который имеется перед вашими глазами, разработку проекта статута города Иерусалима, по каким-то особым соображениям, поручается возложить на согласительную или примирительную комиссию, причём эта же комиссия уполномочивается назначить и администратора для города Иерусалима.

Но, внося такие предложения, авторы их совершенно игнорируют решение Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года, где устанавлен совершенно другой порядок и для разработки статута города Иерусалима, и для назначения администратора. Почему же такое неуважение к решению от 29 ноября? Почему же понадобилось зачеркнуть теперь это решение по такому организационному вопросу, который неплохо был решён постановлением Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года?

Это, конечно, наводит на весьма грустные размышления. Во всяком случае, остаётся фактом, что это предложение резко расходится с постановлением от 29 ноября 1947 года и что внесением такого рода предложения, в резолюцию, в сущности говоря, подрывается основа постановления Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года.

Известно, что имеются различные способы ликвидации неугодных постановлений. Один способ — это прямой атакой, когда открыто вносится предложение, отменить неугодное предложение; другой способ, который как раз мы и усматриваем в этой кампании, которая ведётся против решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года, заключается в том, чтобы не вносить прямых и ясных, открытых постановлений или предложений об отмене ранее принятого и ставшего неугодным постановления, а чтобы внести целый ряд таких новых практических предложений, которые, по существу, свели бы это постановление на нет, привели бы к его полной ликвидации.

Вот эта тактика и применяется в настоящее время с полным пренебрежением к собственным решениям Генеральной ассамблеи, именно к решению от 29 ноября.

5. ПРИМИРИТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ — ОРУДИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ПЛАНОВ

В представленном Генеральной ассамблее Первым комитетом проекте предусматривается далее учреждение примирительной (согласительной) комиссии, состоящей из трёх членов. Уже в Первом комитете советская делегация указывала на то, что она в принципе не против того, чтобы была создана такая комиссия. Но она считает, что комиссия должна состоять не из трёх, а из большего числа членов, примерно из пяти.

Почему советская делегация защищает такое положение? Потому, что пятичленная комиссия имеет то преимущество перед трёхчленной, что она меньше подвержена всяким односторонним влияниям. Пятичленный состав даст возможность составить комиссию в более приемлемом с точки зрения объективности виде. При ограниченном составе комиссии, скажем, состоящей из трёх членов, имеется больше опасности для разного рода субъективных влияний или внешних влияний на работу комиссии. Кроме того, если комиссия будет избрана на основе принципа справедливого географического распределения, а не в том порядке, как это предполагается в проекте рассматриваемой нами резолюции, то это тоже создаёт новые преимущества для комиссии из пяти членов против комиссии из трёх членов.

По всем этим соображениям советская делегация считала, что нельзя и не следует принимать в интересах дела предложение об учреждении комиссии из трёх членов. Согласительная комиссия должна раньше всего быть согласительной по отношению к постановлению Генеральной ассамблеи, а для этого необходимо, ко-

нечно, чтобы в состав её входили представители таких государств, которые твёрдо и последовательно проводят и готовы проводить в жизнь постановления Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года. Создать комиссию из представителей таких государств, которые направляют свои усилия на ревизию, на пересмотр, на отмену решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября, — значило бы ещё больше запутывать палестинский вопрос, ещё больше, следовательно, затягивать разрешение этого вопроса вопреки интересам и арабского, и еврейского населения Палестины, вопреки интересам всех миролюбивых народов, вопреки интересам мира и безопасности народов, что в высокой степени связано одно с другим.

Делегация Советского Союза считает необходимым обратить серьёзное внимание членов Генеральной ассамблеи на изложенные соображения. Едва ли можно рассчитывать на то, что комиссия, избранная так, как это предлагается в проекте, будет должным образом учитывать волю большинства, отклонившего в Первом комитете все основные предложения британского проекта.

Поэтому делегация Советского Союза считает, что комиссия должна быть избрана в соответствии с принципом справедливого географического распределения и, что является особенно важным, с учётом позиции стран в Первом комитете в отношении предложений посредника, которые, по существу, были уже отвергнуты подавляющим большинством Первого комитета. Такая комиссия была бы более авторитетной, и можно было бы рассчитывать на более объективный подход с её стороны к порученной ей работе, а следовательно, и на то, что её работа будет сопровождаться большим успехом, чем это мы наблюдали в аналогичных случаях до сих пор.

6. СССР ТРЕБУЕТ ВЫВОДА ИЗ ПАЛЕСТИНЫ ИНОСТРАННЫХ ВОЙСК

Делегация Советского Союза в Первом комитете вносила предложение о немедленном выводе всех иностранных войск из Палестины. Против этого предложения не было выдвинуто ни одного серьёзного возражения. Противники этого предложения, правда, пробовали мотивировать своё несогласие с ним тем, например, что оно является слишком простым, или что оно якобы несвоевременно, или что, в сущности говоря, делая это предложение, предлагающие вторгаются в компетенцию Совета безопасности. Но эти возражения нельзя признать заслуживающими внимания или считать их состоятельными. Вывод иностранных войск с территории Палестины должен привести к полному прекращению военных действий в Палестине, которые подогреваются присутствием этих войск, и должен помочь установлению в Палестине мира.

Поэтому странное впечатление произвели, например, возражения французского представителя в Первом комитете относительно того, что это предложение преждевременно. Оказывается, предложение о выводе иностранных войск и иностранного военного аппарата преждевременно. Не менее странно звучали и такие аргументы,

что принятие Генеральной ассамблеей резолюции о выводе иностранных войск из Палестины приведёт к конфликту с Советом безопасности, о чём, например, в Первом комитете говорил представитель Соединённых Штатов Америки. Его поддерживали представители Великобритании, Франции, Ливана и некоторые другие.

Но надо же иметь в виду, что эта аргументация способна доказать лишь одно: именно то, что те страны, которые выдвигают этот неосновательный аргумент, — о чём я скажу несколько ниже, — пытаются в данном случае использовать его исключительно для того, чтобы не допустить принятия решения о выводе иностранных войск из Палестины.

Самым любопытным в этом деле оказывается то, что эти возражения исходят как раз из уст тех, кто на протяжении длительного времени не раз направлял свои усилия на то, чтобы урезать права Совета безопасности, и, во всяком случае, не очень заботился о поддержании авторитета Совета безопасности, стараясь даже отстранить его от решения ряда вопросов, связанных с мирным урегулированием, что составляет одну из главных обязанностей Совета безопасности. Теперь, когда понадобилось противопоставить Совету безопасности другие предложения, — Совет безопасности оказывается к месту.

Но для господ противников беда в том, что на повестке Совета безопасности не стоит вопрос о выводе иностранных войск из Палестины, и, таким образом, ссылка на то, что, внося подобное предложение на Генеральную ассамблею, можно вторгнуться в компетенцию Совета безопасности по этому вопросу, является совершенно необоснованной. Отсутствие же в рассматриваемом нами проекте требования о выводе из Палестины иностранных войск делает его бессодержательным, делает его лишённым в значительной степени своего значения.

7. АНГЛИЯ ДОБИВАЕТСЯ ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ РЕКОМЕНДАЦИИ О ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ЕВРЕЯМИ И АРАБАМИ

Из доклада, представленного Первым комитетом Генеральной ассамблеи, можно убедиться в том, что 21 делегация высказалась против этого проекта резолюции, а девять делегаций воздержались, т. е., иначе говоря, 30 делегаций не согласны с этим проектом. Такой исход голосования британского проекта в Первом комитете — не случайный. Такой исход показывает, что подавляющее большинство членов организации Объединённых наций отказывается поддерживать проект, не отвечающий постановлению Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года и носящий явно односторонний, англо-американский характер.

Посредством этого проекта британская и американская делегации, вероятно, рассчитывают добиться в Палестине своей собственной цели, которая не имеет ничего общего с целями организации Объединённых наций. Они хотят получить одобрение Генеральной ассамблеи резолюции, которая, по существу, направлена

против интересов и еврейского и арабского населения. Я уже не буду говорить ещё раз о том, что эта резолюция направлена против постановления Генеральной ассамблеи от 29 ноября.

Однако британская и американская делегации, несмотря на постигающие их в этом деле неудачи, не останавливаются перед дальнейшим отстаиванием своей позиции. Неудача, которую они потерпели в Первом комитете, заставила их снова маневрировать, искать новые пути. И вот сейчас перед нами новые поправки, внесённые с очевидной целью во что бы то ни стало провести на Генеральной ассамблее хотя бы те остатки британского проекта резолюции, которые ещё сохранились.

Г-н Макнейл, в частности, призывает принять этот проект с поправкой в отношении пункта 2 (С). Но это довольно странное, — чтобы не сказать больше, — предложение, поскольку в пункте 2 (С) не больше и не меньше, как рекомендуется еврейскому населению или государству Израиль установить дружественные отношения и с арабским населением и с остальной частью населения Палестины вообще.

Оказывается, что это вызывает какие-то возражения, настолько серьёзные, что предлагается пункт 2 (С) проекта резолюции, где содержится такого рода рекомендация, исключить. Это, действительно, совершенно чудовищно. Буквально, когда читаешь и перечитываешь это предложение, не веришь собственным глазам.

Действительно, что же означает такое предложение, как не то, что в скрытой форме здесь выражается, по крайней мере, безразличное отношение к тем военным действиям, которые ведутся между арабами и евреями. По крайней мере, содержится скрытое поощрение того, чтобы сохранить это неурегулированное положение и дальше, то неурегулированное положение, которое (надо это откровенно здесь сказать) создано политикой в Палестине именно Соединённых Штатов Америки и Великобритании, в руках которых была вся власть для того, чтобы избежать кровопролития на территории Палестины, в руках которых и сейчас имеются достаточные возможности для того, чтобы действительно добиться мирного урегулирования на основе решения Генеральной ассамблеи.

Исключение вот этого единственного во всём проекте пункта, который говорит, что «согласительная комиссия должна содействовать установлению добрых отношений между государством Израиль, палестинскими арабами и соседними арабскими государствами», — исключение этого пункта, обязывающего комиссию содействовать установлению добрых отношений между Израилем и арабами Палестины и соседними арабскими государствами, способно пролить свет на подлинные намерения и цели тех, кто стремится поддержать в Палестине состояние вражды между народами и препятствует установлению в Палестине мира.

Ознакомившись с новым британским проектом резолюции, нельзя не прийти к выводу, что теперь, когда попытки Англии и Соединённых Штатов Америки добиться решения палестинского вопроса в свою пользу посредством лобовых атак потерпели неудачу и проект резолюции, основанный на предложениях посредника,

отвергнут,— главной заботой Англии и Соединённых Штатов Америки является найти — попытаться, по крайней мере, найти — новые пути, которые привели бы к большему успеху в реализации их планов. Этот путь думают найти сейчас в учреждении назначаемой в предложенном французской делегацией порядке комиссии. Но комиссия из трёх членов, назначаемых в предложенном французской делегацией порядке, не может помочь удовлетворительному разрешению стоящих перед Генеральной ассамблеей целей и задач.

8. ПОЗИЦИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПАЛЕСТИНСКОМ ВОПРОСЕ

Советский Союз в палестинском вопросе занимает ясную и последовательно принципиальную позицию. Он стоит за свободу народов, за право народов на самоопределение, за поддержание мира и безопасности. Эта позиция Советского Союза соответствует принципам, задачам и целям организации Объединённых наций, как они сформулированы в уставе нашей организации. Именно поэтому делегация Советского Союза попрежнему считает, что коренное урегулирование палестинской проблемы может быть достигнуто на основе решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года, дающего обоим народам Палестины право на самостоятельное и равноправное существование.

В свете вышеизложенного делегация Советского Союза считает, что никаких поправок такого рода, как те, которые внесены сейчас — в так называемом предложении семи государств в документе 424 — в постановление Генеральной ассамблеи от 29 ноября, принимать не следует.

Нужно позаботиться о выполнении этого решения, потому что выполнение этого решения вполне соответствует интересам еврейского и арабского населения Палестины, ибо оно решает задачу осуществления этими народами права на национальное самоопределение, на создание самостоятельных, независимых, демократических государств. События в Палестине и весь ход этих событий, всё их развитие убедительно подтвердили правильность позиции Советского Союза в палестинском вопросе, ибо эта позиция отвечает всеобщим интересам всех миролюбивых народов, всего прогрессивного человечества.

Что касается представленного Первым комитетом проекта резолюции, то, по мнению делегации СССР, он может иметь только отрицательные последствия, именно по тем соображениям, которые я уже имел возможность изложить в своём выступлении. Кроме того, предлагаемый проектом состав согласительной или примирительной комиссии, отсутствие в данном проекте такого важного мероприятия, направленного на достижение мирного урегулирования в Палестине, как немедленный вывод из Палестины всех иностранных войск и военного персонала, делает проект резолюции для делегации Советского Союза неприемлемым, и она должна будет голосовать против этого предложения.

Советская делегация считает, что в целях установления мира в Палестине необходимо, чтобы с территории еврейского и арабского государств в Палестине, создание которых предусмотрено решением Генеральной ассамблеи, были немедленно выведены все находящиеся там иностранные войска и военный персонал и чтобы Совет безопасности принял надлежащие меры для недопущения возобновления военных действий в Палестине.

Мы должны найти путь к решению палестинского вопроса. Этого пути не открывает перед нами резолюция, внесённая на ваше рассмотрение большинством Первого комитета. В настоящее время этот путь открывает только осуществление тех принципов, которые нашли своё выражение в постановлении Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года.

«Известия» № 296 (9826) и 297 (9827)
от 15 и 16 декабря 1948 г.

РЕЧЬ Я. А. МАЛИКА
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН
ПО КОРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ

(12 декабря)

1. США ПРЕПЯТСТВУЮТ ВОССТАНОВЛЕНИЮ НЕЗАВИСИМОСТИ КОРЕИ

Вопрос о Корее является одним из важных вопросов послевоенного мирного урегулирования, — сказал Малик в начале своего выступления. — На Московском совещании трёх министров иностранных дел в декабре 1945 года было достигнуто соглашение о восстановлении Кореи как единого независимого демократического государства, о содействии образованию временного корейского демократического правительства и о создании условий для развития страны на демократических началах.

Правительство СССР, со своей стороны, предприняло всё от него зависящее для того, чтобы добиться решения вопроса о Корее в соответствии с обязательствами, взятыми на себя СССР и США по Московскому соглашению.

Важнейшим условием для проведения в жизнь этого соглашения являлось обязательство обоих государств консультироваться с корейскими демократическими партиями и общественными организациями. Это полностью соответствовало желаниям и чаяниям корейского народа, ибо вполне естественно, что при подготовке решения о будущем Кореи необходимо учитывать прежде всего мнение самого корейского народа.

Однако представители США в совместной советско-американской комиссии с первых дней работы этой комиссии стали на путь нарушения принятых обязательств: они настаивали на проведении

консультации с антидемократическими партиями и решительно возражали против привлечения к консультации демократических партий и организаций Южной Кореи, объединяющих подавляющее большинство населения.

Уже в ходе работы совместной советско-американской комиссии стало очевидным, что правительство США, согласившись в декабре 1945 года провести консультацию с корейскими демократическими партиями и общественными организациями, лишь предприняло манёвр, рассчитанный на то, чтобы прикрыть свои действительные намерения и политику в Корее. Военная администрация и командование США взяли курс не на сотрудничество с демократическими партиями и общественными организациями в Южной Корее, а на поддержку коллаборационистов, сотрудничавших с японскими милитаристами, и крайне правых реакционных элементов. Таким образом, представители США грубо нарушили взятые на себя обязательства.

Убедившись, что правительство США не желает выполнять Московское соглашение и затягивает и срывает работу совместной советско-американской комиссии, правительство СССР внесло через своего представителя в этой комиссии новые предложения. Сущность этих предложений состояла в том, что все иностранные войска, находящиеся на территории Кореи, должны были быть выведены из Кореи в начале 1948 года. Тем самым предусматривалось, что корейский народ должен был сам решить дела своего государства, а именно: организовать выборы в представительные учреждения, создать национальное демократическое правительство Кореи, создать свои собственные вооружённые силы и организовать без всякого давления и вмешательства извне всю внутреннюю, политическую и экономическую жизнь страны на демократических началах. Эти новые советские предложения соответствовали коренным целям и интересам корейского народа и совпадали с общими интересами поддержания международного мира и безопасности.

Предложение советского правительства о выводе иностранных войск из Кореи нашло горячий отклик среди самых широких слоёв корейского народа. Все политические партии и общественные организации Южной и Северной Кореи, — в том числе и правые партии и организации, — встретили это советское предложение с полным одобрением. Против вывода иностранных войск из Кореи возражали только отъявленные враги корейского народа, на которых опиралась в своих действиях американская администрация в Южной Корее.

Против вывода иностранных войск из Кореи стали решительно возражать Соединённые Штаты Америки. Стало очевидным, что США хотят продлить как можно дольше оккупацию своими войсками Южной Кореи, укрепить позиции антинародных реакционных группировок, на которые опирается американское командование в Южной Корее, и провести там так называемые «выборы» с тем, чтобы обеспечить избрание своих ставленников в представительные учреждения и в правительство. Сущность такого рода планов в отношении выборов сводилась к тому, чтобы не допустить свободного

волеизъявления корейского народа и помочь антидемократическим элементам остаться у власти.

Учитывая враждебное отношение корейского народа к попыткам оставить у власти предателей, США решили прикрыть свою политику в Южной Корее авторитетом организации Объединённых наций. Рассчитывая на поддержку так называемого «большинства», они добились включения корейского вопроса в повестку дня 2-й сессии Генеральной ассамблеи и создания так называемой временной комиссии ООН по Корее. Образование этой комиссии было незаконным и противоречило принципу национального самоопределения корейского народа.

Деятельность этой комиссии проходила в обстановке произвола, насилий, террора, проводимых военной администрацией США через подконтрольные ей полицейские органы в отношении населения Южной Кореи. При соучастии комиссии и вопреки воле корейского народа были проведены антидемократические и фальсифицированные выборы в Южной Корее и создано марионеточное правительство, состоящее из ненавистных корейскому народу японских коллаборационистов и американских агентов из клики южнокорейской реакции.

Все политические партии и общественные организации юга и севера Кореи выступили против проведения американской администрацией сепаратных выборов в Южной Корее. 56 правых, центристских, умеренных и левых политических партий и общественных организаций юга и севера Кореи, объединяющих свыше 10 миллионов членов, созвали общекорейскую конференцию, на которой единогласно было решено бойкотировать сепаратные выборы в Южной Корее и требовать немедленного вывода иностранных войск. Американская администрация и так называемая временная комиссия ООН по Корее игнорировали этот голос корейского народа. Комиссия ООН по Корее, руководимая проамериканской группой её членов, состоящих из представителей Филиппин, Сальвадора и Китая, была превращена в слепое орудие американской военной администрации. Она стала ширмой для прикрытия односторонних насильственных действий американской военщины.

2. США НАВЯЗАЛИ ЮЖНОЙ КОРЕЕ МАРИОНЕТОЧНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

В результате фальсифицированных антидемократических выборов, проведённых в условиях полицейского гнёта и репрессий и прямого вмешательства в ход выборов, было создано в Южной Корее марионеточное правительство, состоящее из представителей только одной крайне правой реакционной партии «Ханкук» и клики Ли Сын Мана.

Малик отметил, что обсуждение данного вопроса в Политическом комитете освобождает делегацию СССР от необходимости вдаваться в подробности и излагать факты и документы, подтверждающие, что «выборы» 10 мая 1948 года были проведены в условиях полицейского гнёта и репрессий, исключающих возможность свободного волеизъявления избирателей. Никто не опроверг приведённые в

Политическом комитете делегациями СССР и ряда других государств доказательств того, что эти «выборы» были насильственными и фальсифицированными.

Делегация США ссылаясь на то, что результаты этих выборов признала законными временная комиссия ООН по Корее.

Но на чём основывается это утверждение комиссии? Этот вопрос был поставлен рядом делегатов в Политическом комитете, но остался без ответа.

Малик указал, что в материалах самой комиссии содержится множество фактов, показывающих, что выборы в Южной Корее проводились в условиях террора. Эти факты были столь очевидны, что отдельные члены комиссии, в частности представитель Франции Поль-Бонкур, настойчиво советовали американским военным властям принять меры к тому, чтобы скрыть их от внешнего мира.

На основании ознакомления с материалами временной комиссии ООН по Корее делегация СССР утверждает, что эта комиссия действовала необъективно и исключительно в угоду интересам США. На основании материалов, находившихся в распоряжении комиссии, любой объективный наблюдатель пришёл бы к выводу о полном отсутствии в Южной Корее свободной обстановки для выборов.

Малик добавил, что комиссия ООН вообще не была в состоянии проверять и наблюдать ход выборов в Южной Корее. Как видно из её доклада, она создала для наблюдения за выборами лишь 9 групп, значительная часть персонала которых была набрана из состава американской администрации. По данным самой комиссии, эти группы могли посетить не более 2 процентов избирательных участков.

— Так называемое сеульское правительство, — сказал Малик, — не может считаться законным представителем населения Южной Кореи. Будучи создано американскими властями вопреки воле и национальным интересам корейского народа, оно представляет собой лишь марионеточный режим, опирающийся на американские штыки и проводящий политику превращения Южной Кореи в колонию США.

Малик отметил, что ни представители военных властей США, ни глава марионеточного режима Ли Сын Ман не скрывали и раньше своего намерения превратить юг Кореи в американскую колонию. Так, по сообщению корейской печати от 25 октября 1948 года, Ли Сын Ман по возвращении из Токио заявил, что Маккартур обещал защищать южнокорейский режим так же, как и штат Калифорния. На заседании временной комиссии ООН по Корее 5 февраля 1948 года председатель этой комиссии заявил: — Ли Сын Ман сказал нашей комиссии, что в случае создания сепаратного правительства в Южной Корее оно всё же должно быть поддержано символической группой американских войск. Я могу сослаться на личную беседу, которую я имел, когда упомянул об этом высокопоставленному американскому представителю в Корее. Этот американский представитель ответил: «Каково будет положение этого так называемого национального правительства, которое всё же должно

поддерживаться штыками Соединённых Штатов или даже Объединёнными нациями? По сути дела это было бы, если употребить слово, которое так ненавидят корейцы, нечто вроде подопечной территории США или ООН. Если, с другой стороны, это правительство не будет поддерживаться силой иностранных войск, то оно не сможет устоять в течение длительного времени».

Малик указал далее, что даже «Институт по корейским делам» в Вашингтоне, являющийся рупором госдепартамента, характеризовал сеульский режим, как режим полицейской диктатуры. Этот антинародный режим, являющийся порождением политики американских оккупационных властей, проводит, вопреки национальным интересам корейского народа, политику закрепления раскола страны и превращения Южной Кореи в вотчину американского капитала.

Характерно, что американская военная администрация, как это явствует из материалов временной комиссии, прежде чем проводить антидемократические насильственные выборы в Южной Корее, изучала опыт проведения германскими фашистами плебисцита в Сааре. Опыт саарского плебисцита, насильственного и фальсифицированного, был повторён в Южной Корее под прикрытием временной комиссии ООН, а теперь делегация США требует, чтобы ООН одобрила «выборы» в Южной Корее так же, как Лига наций в своё время одобрила саарский плебисцит.

В силу этого делегация СССР не может согласиться с предложением утвердить доклад временной комиссии ООН по Корее и признать марионеточный сеульский режим в качестве законно избранного и представительного правительства.

Касаясь утверждений временной комиссии ООН по Корее о том, будто бы результаты выборов в Южной Корее являются выражением свободной воли «избирателей», Малик указал, что такой вывод находится в полном противоречии с действительностью. Он привёл целый ряд разительных фактов, содержащихся в материалах самой комиссии и свидетельствующих о наличии неслыханного террора и насилий в Южной Корее в период выборов. Так, в одном из документов американские оккупационные власти с хладнокровным цинизмом сообщили комиссии, что только по официальным данным в Южной Корее в период подготовки к проведению выборов было убито 416 и ранено 758 человек. Согласно официальным данным начальника охранных отрядов Южной Кореи То Бен Ока, лишь за 3 дня, с 7 по 10 мая, было арестовано в результате политических репрессий 5 424 человека.

Вот как выглядит «свобода» в Южной Корее по данным самой временной комиссии ООН по Корее: «Американский советник корейской полиции капитан Бэрнс, — сказано в отчёте одной из наблюдательных групп, — лично расследовал случаи ареста, происшедшие в марте 1948 года, когда арестованные умерли в помещении полицейских подучастков в результате нанесённых им при полицейских дознаниях побоев. При допросе применяются среди прочих следующие методы: допрашиваемого привязывают к стулу за ноги и бьют его по ступням ног; подвязывают между двумя стульями и бьют по телу; подвешивают вверх ногами; заставляют пить чрезмерное

количество воды. Бэрнс думает, что эти виды пыток унаследованы от японской полицейской системы. Капитан Бэрнс добавил, что допрос с пристрастием обычно практикуется полицией ночью и что он неоднократно заставлял полицейских за пытками арестованных».

— Американские власти,— заметил Малик,— повидимому, находят такой порядок нормальным и удобным для себя. Так, американский командующий Ходж заявил комиссии: «Бывали, конечно, случаи побоев жителей полицией. Так полиция поступала тысячелетия, так она и будет продолжать поступать ещё несколько поколений». Таковы факты, известные временной комиссии ООН по Корее. Однако эта комиссия не только не боролась против них, но, наоборот, сделала всё, чтобы прикрыть неблагоприятные действия американских военных властей и их южнокорейских ставленников. Антинародный и антидемократический характер деятельности комиссии вызвал справедливое возмущение корейского народа; широкие демократические круги Кореи требовали прекратить вмешательство США и ООН в корейские дела и удалить временную комиссию ООН из Кореи.

— Нельзя допустить,— сказал Малик,— чтобы ООН использовалась одним из её членов в антинародных и антидемократических целях. Подобная практика противоречит уставу ООН и её принципам. Ввиду того, что деятельность временной комиссии ООН по Корее направлена в ущерб интересам корейского народа, является антидемократической, противоречит уставу ООН и наносит вред авторитету этой организации, делегация СССР внесла проект резолюции о ликвидации указанной комиссии.

3. США ВЕДУТ ДВОЙНУЮ ИГРУ

Перейдя к проекту резолюции, принятому большинством Политического комитета под диктовку делегации США, Малик напомнил, что делегация СССР в комитете голосовала против этого проекта. Принятие такой резолюции дало бы возможность держать в течение неопределённого срока американские оккупационные войска в Южной Корее и использовать «корейскую комиссию» в качестве опоры и прикрытия для антидемократического южнокорейского режима и для односторонних действий американской военной администрации в Южной Корее. Пустая, ни к чему не обязывающая формула о выводе иностранных войск из Кореи «в возможно короткий срок», принятая на прошлой сессии по предложению делегации США, заменена в новом проекте резолюции ещё более бессодержательной и туманной фразой о выводе оккупационных войск из Кореи «при первой возможности».

Напомним, что Верховное народное собрание Корейской народной демократической республики ещё 10 сентября 1948 года обратилось к правительствам СССР и США с просьбой об одновременном и немедленном выводе советских и американских войск из Кореи, Малик сказал:

— Правительство СССР, пойдя навстречу этому пожеланию, приняло решение об эвакуации советских войск из Северной Кореи. Эвакуация будет закончена к концу декабря 1948 года. Правительство же США не ответило на указанное обращение. Оно осталось глухим к призыву корейского народа о выводе американских войск из Кореи. Для Советского Союза формула об эвакуации оккупационных войск из Кореи «при первой возможности» не нужна. Советские войска уже эвакуируются из Кореи, и эвакуация будет закончена к концу декабря этого года. Для тех же, кто не желает расставаться с чужой территорией и пытается как можно дольше контролировать эту территорию, такого рода формула может служить лишь предлогом, чтобы не выводить свои войска с этой территории в течение любого какого угодно периода времени.

Таким образом, эта формула не соответствует ни интересам корейского народа, ни интересам международного мира и безопасности. По существу она санкционирует дальнейшее пребывание иностранных войск на территории Кореи без установления определённого срока их вывода, что противоречит принципам ООН.

Малик указал, что делегация США ведёт двойную игру: в Ассамблее она поддерживала предложение о том, что оккупационные войска должны быть выведены из Кореи «при первой возможности», а тем временем военная администрация США навязала южнокорейскому марионеточному режиму кабальное соглашение о закреплении за военными силами США ряда районов в Южной Корее и о предоставлении военным властям в этих районах имущественных прав и привилегий на неопределённый период времени.

Против этого кабального договора протестовали даже многие члены марионеточного южнокорейского собрания. Содержание американских оккупационных войск обходится корейскому народу в 10 миллионов иен ежемесячно. Корейский народ должен оплачивать за свой счёт все помещения и склады, занимаемые американскими оккупационными войсками. Бывшая японская собственность в Южной Корее по соглашению переходит фактически в руки американских военных властей. Марионеточный президент южнокорейского режима Син Ман Рн (Ли Сын Ман), требуя на заседании южнокорейского собрания утверждения указанного кабального соглашения, заявил, что это соглашение необходимо в качестве компенсации за то, что делегация США поддержит южнокорейский режим на Генеральной ассамблее ООН в Париже. Ради этого Ли Сын Ман и его клика готовы предать интересы своей страны и корейского народа.

Представитель США, выступая в Политическом комитете, требовал, чтобы Генеральная ассамблея «наложила печать законности» на всё то, что односторонне проводит американская военная администрация в Южной Корее. Такое требование равносильно требованию наложить печать законности на беззаконие. Именно на этот путь делегация США уводит Генеральную ассамблею.

Далее Малик заявил, что делегация СССР считает образование новой «корейской комиссии», которая продолжала бы деятельность

временной комиссии ООН по Корее, приведшей к таким пагубным результатам, недопустимым и противоречащим принципам ООН.

Делегация СССР, сказал он, убеждена в том, что единственный путь к восстановлению Кореи как независимого государства заключается в том, чтобы вывести оккупационные войска с территории Кореи, упразднить временную комиссию ООН по Корее и предоставить корейскому народу возможность самому решать свои дела. Поэтому делегация СССР будет голосовать против резолюции, навязанной Политическому комитету делегацией США.

В заключение Малик привлёк внимание пленума Генеральной ассамблеи к вопиющей несправедливости, которую совершил Политический комитет, не допустив представителей Корейской народной-демократической республики к участию в обсуждении корейского вопроса. Под нажимом англо-американского блока Политический комитет предпочёл слушать «голос Америки» — представителя сеульского марионеточного режима.

Англо-американский блок и, в частности, делегация США боится услышать голос подлинных представителей корейского народа, которые могли бы с этой международной трибуны рассказать, как военная администрация США превратила Южную Корею в полицейское государство. Эта боязнь продиктовала делегации США и англо-американскому блоку принять решение не допустить представителей правительства Корейской народной-демократической республики с тем, чтобы не дать им возможности рассказать правду о положении в Корее.

Но правда найдёт путь к мировому общественному мнению, и справедливость восторжествует. В этом нет сомнения. Корейский народ, как и народ любой страны, отлично понимает, где правда и справедливость и где ложь, произвол и насилие.

«Известия» № 297(9827)
от 16 декабря 1948 г.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

АВСТРИЯ

Дунайская конференция — 149—152, 202—209.

Г

ГЕРМАНИЯ

В Совете Министров СССР.
О снабжении Берлина продовольствием — 27.

Директива правительств СССР, США, Великобритании и Франции четырём главнокомандующим оккупационных войск в Германии — 30—31.

Дунайская конференция — 202—204.

Заявления маршала Соколовского — 55—70, 118—120.

Ноты советского правительства правительству США — 46—49, 70—82.

Обмен денег в Берлине и советской зоне оккупации Германии — 27—29.

Обмен письмами между маршалом Соколовским и генералом Клеем — 16—18.

Ответ правительства СССР на вопросы г. Брамуэля — 120—122.

Ответ советского правительства на письмо Эватта и Триюве Ли — 116—117.

Ответ советского правительства правительствам США, Великобритании и Франции на их ноты по вопросу о положении в Берлине — 18—26.

Памятная записка советского правительства правительствам США, Великобритании и Франции — 38—43.

Письмо маршала Соколовского генералу Робертсону — 122—123.

Письмо Эватта и Триюве Ли главам четырёх правительств — 114—116.

Проект резолюции Совета безопасности, согласованный между представителем СССР Вышинским и представителем других заинтересованных держав Брамуглиа во время неофициальных переговоров 24 октября и отвергнутый представителями США, Великобритании и Франции — 84—85.

Сообщение Бюро информации СВАГ — 133—138.

Сообщение ТАСС о положении в Берлине и о переговорах, которые состоялись по этому вопросу между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции в течение августа и сентября — 49—52.

Сообщение ТАСС. Разъяснение советской стороны к переданным 20 ноября ответам на пять вопросов г. Брамуглиа — 123—128.

Д

Доклад В. М. Молотова на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября. 31-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции — 86—113.

Дунайская конференция — 29, 143—211.

З

ЗАПРЕЩЕНИЕ АТОМНОГО ОРУЖИЯ, КОНТРОЛЬ НАД АТОМНОЙ ЭНЕРГИЕЙ, СОКРАЩЕНИЕ ВООРУЖЕНИЙ

Речи А. Я. Вышинского на 3-й сессии Генеральной ассамблеи ООН — 212—225, 230—265, 275—304, 313—404.

Речь делегата СССР А. Я. Малика в Политическом комитете Генеральной ассамблеи ООН — 304—311.

И

ИТАЛИЯ

В Министерстве иностранных дел СССР. К вопросу о нарушении Италией 57-й статьи Мирного договора — 82—83.

Заявление А. Я. Вышинского на совещании представителей четырех держав в Париже по вопросу о бывших итальянских колониях — 36—38.

К вопросу о бывших итальянских колониях — 31—36.

Советско-итальянское коммюнике — 129—130.

К

КОРЕЯ

Выступление делегата СССР Я. А. Малика в Политическом комитете Генеральной ассамблеи ООН — 458—463, 481—492.

К вопросу о выводе иностранных войск из Кореи — 53—54.

Ответ Президиума Верховного Совета СССР на обращение Верховного народного собрания Кореи по вопросу о выводе войск из Кореи. Председателю Президиума Верховного народного собрания Кореи г-ну Ким Ду Бону — 43—44.

Речь Я. А. Малика на пленарном заседании Генеральной ассамблеи по корейскому вопросу — 524—531.

Сообщение Министерства иностранных дел СССР об эвакуации советских войск из Кореи — 44—46.

Сообщение ТАСС об отводе советских войск из Кореи — 139—140.

Н

НИДЕРЛАНДЫ

Подписание Соглашения о товарообороте и платежах между СССР и Нидерландами — 15.

П

ПАЛЕСТИНСКИЙ ВОПРОС

Выступление представителя СССР С. К. Царапкина в Первом комитете по палестинскому вопросу — 422—429.

Речь А. Я. Вышинского на пленарном заседании Генеральной ассамблеи ООН по палестинскому вопросу — 513—524.

ПОЛЬША

Заключение Договора о режиме советско-польской государственной границы и пограничной конвенции между правительством СССР и правительством Польской республики — 16.

ПРИЁМ НОВЫХ ЧЛЕНОВ В ООН

Выступление А. Я. Вышинского в Специальном комитете Генеральной ассамблеи ООН — 430—434.

Речь А. Я. Вышинского на Генеральной ассамблее ООН — 463—481.

Речь А. Я. Вышинского на заседании Специального политического комитета Генеральной ассамблеи ООН — 403—422.

ПРОЕКТ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Речь А. Я. Вышинского на Генеральной ассамблее ООН — 493—512.

ПРОТИВ ПОДЖИГАТЕЛЕЙ НОВОЙ ВОЙНЫ, ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

Речь главы украинской делегации Д. З. Мануильского на пленарном заседании Генеральной ассамблеи ООН — 225.

Речь главы украинской делегации Д. З. Мануильского на заседании Политического комитета 3-й сессии Генеральной ассамблеи ООН — 266—274.

С

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

Совет безопасности не выполняет своего долга (из речи А. Я. Вышинского на 3-й сессии Генеральной ассамблеи ООН) — 215.

Советский проект резолюции по вопросу о голосовании в Совете безопасности — 457—458.

О голосовании в Совете безопасности (речь А. Я. Вышинского в Специальном политическом комитете Генеральной ассамблеи ООН) — 435—457.

Т

3-я сессия Генеральной ассамблеи ООН — 212—531.

Ф

ФИНЛЯНДИЯ

Заявление посланника СССР в Хельсинки — 52—53.

К советско-финским торговым отношениям — 132.

Ч

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Обмен поздравлениями между Председателем Президиума Верховного Совета Союза ССР Н. Шверником и Президентом Чехословацкой республики К. Готвальдом — 128—129.

Советско-чехословацкое коммюнике о пребывании в Москве чехословацкой правительственной делегации — 131—132.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

А

Абдулла — 423—429.
Авереску — 208—210.
Александров, А. — 16.
Александр — 375, 396.
Альварес — 410—412, 414—416,
432—433, 474, 476—480.
Арсе — 403—410, 453, 473.
Артемяев, М. — 132.
Асеведо — 410—412, 414, 416,
432—433, 474, 477, 479.
Ачесон — 232, 384—387, 389.

Бильби — 428.
Бирнс — 170, 185, 227.
Болдуин — 487.
Борисов, С. — 132.
Блэккетт — 328—329, 332, 374,
385—388, 390.
Брамуглиа — 84, 120, 123—125,
127—128, 373, 444.
Браун — 222—223.
Бриджес — 222—223.
Брозио — 82—83.
Брэдли — 221, 368.
Бэрнс — 528—529.

В

Б

Бадеван — 410—412, 417, 434,
474, 477, 479.
Барановский, А. — 29, 201.
Барух — 226, 232—236, 241, 251,
329—330, 332, 384—388.
Бевин — 38, 49, 56, 170, 183—
184, 201, 225—227, 229—230,
232, 256—257, 259—261, 267,
276, 280—282, 302, 392, 426,
505.
Бейли — 384.
Бернадотт — 426, 515.
Бидо — 392.

Ванденберг — 200—201, 221.
Ванситтарт — 376.
Векерлинг — 462, 491.
Вильгельм II — 155.
Вильсон, Вудро — 155.
Вильсон, Роберт — 395.
Винярский — 410—412, 417, 474,
477, 479.
Висер — 15.
Вышинский, А. Я. — 6, 29, 36,
84, 116, 117, 120, 124, 128,
143, 152, 154, 161, 168, 180,
188, 194, 201, 204, 212, 230,
253, 275, 305, 313, 331, 333,
346, 357, 380, 403, 430—435,
463, 493, 503, 513.

Г

Гамильтон — 397.
 Гарвей — 222.
 Геббельс — 492, 496.
 Гендерсон — 257.
 Гибсон — 255.
 Гитлер — 156, 280—282, 291,
 369, 492, 496, 504.
 Глабб — 427—428.
 Гоббс — 511.
 Говард — 366—367.
 Горкин, А. — 44.
 Готвальд, К. — 128—129.
 Гофман — 197.
 Гранди — 255.
 Громько, А. — 237, 245.
 Гувер — 255, 284, 354.

Д

Даладьё — 282, 291, 504.
 Даллес, Д. Ф. — 300, 376, 392,
 394, 458—459, 488—491.
 Денфельд, Луис — 221.
 Джексон — 483.
 Димолайн — 375.
 Додд — 195—197.
 Доланский — 131.
 Дэвис — 509.
 Дьюи — 103, 245—246.

Ж

Жарук-Михальский, А. — 16.
 Жолио-Кюри — 244.

З

Запотоцкий, А. — 131.
 Зарубин, Г. — 33.
 Зоричич — 410—412, 474, 477,
 479.

И

Иден — 398, 505.
 Иннес — 218.
 Инс — 346.

К

Кадоган — 443—447, 450.
 Каменов — 29.
 Карлстон — 376, 395.
 Кассен — 504—505.
 Каулинг — 376, 395.
 Кац-Сухи — 288—289, 389.
 Кашенден (Кашенден-Мак-
 нейл) — 256, 268.
 Кениг — 123.
 Кенни — 222, 368—369.
 Кеннон — 143, 145, 160, 169—
 174, 178.
 Керенский — 155.
 Ким Гю Сик — 459—461, 485.
 Ким Ду Бон — 43, 459—460.
 Ким Ир Сен — 459—460.
 Ким Ку — 459—461, 485.
 Клеи — 16—18, 62, 68, 123.
 Клейтон — 426.
 Клемансо — 155, 447.
 Клементис — 29, 131, 445.
 Климент — 131.
 Кольдер — 197.
 Комнен — 199.
 Короленко, А. — 132.
 Козн — 433, 436, 454, 466, 478—
 479.
 Крылов, И. — 430.
 Крылов, С. — 410—412, 474, 477,
 479.
 Кув де Мюрвилль — 170, 179.
 Кузьминский, Н. — 139.
 Кутузов, М. И. — 280.

Л

Ласки — 282.
 Лебедев, И. — 139.
 Леги — 221.
 Ленин, В. И. — 87, 96, 97, 98,
 110, 111, 113, 259, 260, 261,
 280, 283, 297, 298, 300, 301, 364.

Ли Сын Ман (Син Ман Ри) —
459—460, 462, 484, 487, 526—
527, 530.
Ли, Трюгве — 114, 116—118,
120, 214.
Лилленталь — 232, 246, 328, 384,
387, 389.
Ллойд Джордж — 155.
Лулчев — 465.
Лысенко, Т. — 99.

М

Макартур — 527.
Маккелар — 389.
Макмиллан — 222.
Макнейл — 245, 276, 280—281,
283—285, 287—289, 292, 302,
352—355, 360, 369, 372—373,
380, 392—395, 397, 426, 522.
Макнейр — 410—412, 417, 474,
477, 479.
Малик, Я. — 305—311, 458—462,
481—486, 524, 526—531.
Мануильский, Д. — 225—226,
266, 323.
Маркграф — 137.
Маркс, Карл — 364, 365.
Маршалл — 55, 71, 90, 171,
195—198, 214, 228—229, 392,
397, 442, 506.
Мидхарст — 221.
Микоян, А. И. — 15, 131.
Минюков — 155.
Мичурин, И. В. — 99.
Молотов, В. М. — 74, 77—78,
81—83, 86, 129, 131, 170, 183,
198, 201, 211, 227, 254—255,
261—262, 266—267, 269, 350,
352—353, 369, 392, 441, 443,
447, 508.
Мольнар — 29.
Монтгомери — 396.
Морган, Артур — 395.
Морган, Вильям — 221.
Морелли — 505.
Моррисон — 375, 396.
Мун — 325.
Муссолини — 398.

Мур — 222.
Муур — 221.

Н

Наполеон — 280.

О

Олифант — 325.
Олсоп — 328.
Оппенгейм — 193.
Оппенгеймер — 326, 336, 386.
Осборн — 363—367, 369, 371—
372, 376, 395.
Остин — 232, 237, 246—247, 276,
280, 283, 295, 298—303, 308,
311, 316, 320—321, 325, 337,
372.

П

Пак Хен Ен — 460.
Панюшкин, А. — 18.
Пароди — 277, 290—291.
Паттерсон — 395.
Паттон — 395.
Паукер, А. — 29.
Пашич — 208, 210.
Петков — 465.
Пик, Ч. — 143—146, 152—156,
159—160, 173, 178, 195, 198,
200—201.
Поль-Бонкур — 256, 394, 527.
Попович — 139.
Прадье-Фодере — 505.

Р

Радиус — 202.
Реймонд, Э. — 265.
Риббентроп — 300, 372.
Рид — 410—412, 417, 474, 477,
479.
Робертсон — 122, 124—125.
Рогожин — 202.
Ройял — 222—223, 368.

Роллен — 348, 360—361, 397—399.
 Роу — 486.
 Рузвельт, Ф. Д. — 437—440, 448.

С

Савоненков, Г. — 52—53.
 Саймингтон — 368.
 Салазар — 283.
 Семичастнов, И. — 139.
 Сесиль — 256.
 Соколовский, В. — 16—18, 27, 55, 118, 122.
 Спаак — 225—226, 229—230, 256—259, 325, 369, 389, 504.
 Спаатс — 368—369.
 Ссейль — 505.
 Сталин, И. В. — 5, 19, 25, 41, 73, 74, 75, 76, 78, 87, 93, 94, 96, 97, 98, 99, 100, 104, 107, 108, 110, 111, 112, 113, 118, 131, 138, 210, 211, 240, 251, 260, 261, 269, 280, 281, 283, 286, 298, 299, 335, 357, 364, 366, 367, 369, 373, 384, 397, 437, 439, 441, 442, 489, 507.
 Стассен — 261, 281, 384.
 Стеттиниус — 440, 448.
 Стэндли — 517.
 Сундстрем — 132.
 Сфорца — 389.

Т

Тайдингс — 368.
 Такки — 132.
 Тиссен — 300.
 Томас — 389.
 Трумэн — 19, 25, 108, 246, 293, 330—331, 340, 384.
 Труфанов, Н. — 132.
 Тьерри — 143, 145, 160, 177—179, 199.

У

Уокер — 492.
 Уоллес — 103.
 Уолсли — 222.

Ф

Фалла — 350.
 Форрестол — 222, 340.
 Франко — 283, 450.

Х

Хаас — 59.
 Хайд — 175.
 Хансон — 336.
 Хедселл — 199.
 Хогерторн — 265.
 Ходж — 460, 484, 529.
 Ходжсон — 410, 413.
 Хьюз — 302.

Ц

Царапкии, С. — 422.

Ч

Чемберлен — 281—282, 291, 504.
 Черчилль — 19, 104, 108, 155, 376.
 Чу Бьюн Ок — 484, 528.

Ш

Шверник, Н. М. — 44, 128—129.
 Шилс — 339.
 Шмидт — 487.
 Шоукросс — 268, 276—279, 281, 285, 289.
 Шредер — 300.
 Штумм — 137.

Э

Эварт — 114, 116—118, 120.
 Эйнштейн — 376, 395.
 Эль Хури — 281, 358, 360.
 Энгельс, Фридрих — 364, 365.
 Энкель — 52.
 Эрле — 325.

13

Подписано в печать 1 августа 1951 г. А03346. Тираж 25 000 экз. Бумага 82 × 108¹/₁₆
8¹/₁₆ бумажных листов, 27,675 печ. листов, 35,5 изд. листов. Заказ № 2645.
Цена 11 р. 50 коп.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР, Москва, Валуевая, 28.

